

Дора Штурман и Сергей Тиктин

ЭКОНОМИКА КАТАСТРОФ

ЭКОНОМИКА КАТАСТРОФ

**Dora Shturman
and Sergei Tictin**

**ECONOMY
OF DISASTERS**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1991**

**Дора Штурман
и Сергей Тиктин**

**ЭКОНОМИКА
КАТАСТРОФ**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1991**

**Dora Shturman and Sergei Tictin:
EKONOMIKA KATASTROF**

**First Russian edition published in 1991
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England**

**Copyright © Dora Shturman & Sergei Tictin, 1991
Copyright © Russian edition
Overseas Publications
Interchange Ltd, 1991**

All rights reserved

**No part of this publication may be reproduced, in any
form or by any means, without permission.**

ISBN 1 870128 97 4

Cover design by Andrzej Krauze

**Printed and bound in Great Britain
by J. W. Arrowsmith Ltd, Bristol**

Вступление

Во второй половине 1980-х годов в СССР разительно участились и увеличились в масштабах всевозможные аварии и катастрофы. Некоторые из них можно было бы считать нерукотворными, если бы не сугубо рукотворные обстоятельства, им сопутствующие. Один из наиболее ярких примеров такого рода бедствий - землетрясение в Армении 1988 года, во время которого здания старой застройки почти все уцелели, а новой - рухнули, и чем более недавние, тем непоправимей*. И еще одно: зарубежные спасатели начали свою работу в Армении, в основном, тогда, когда советские от нее уже отказались: все, что могли, они к тому времени сделали. Иностранцам, с помощью их технической вооруженности, удалось извлечь из-под обломков немало живых людей, которых советские спасатели с их техникой и организацией вынужденно обрекли на смерть.

Еще один пример: при тушении печально знаменитого пожара в здании ВТО и редакции "Московских новостей" (1989) вода причинила немногим меньше ущерба, чем пламя. Между тем западные противопожарные службы более чем в 80% случаев огня водой не тушат: для этого есть более эффективные и менее разрушительные средства.

Напомним: когда возникла реальная угроза мощного землетрясения на советском Дальнем Востоке (1989), руководители региона не могли добиться завоза из Центра никакой предупредительной и спасательной техники, кроме лопат и ломов.

* Сразу же вспомнился анекдот: - Что останется от Ленинграда после землетрясения такой же силы, как армянское?

- Санкт-Петербург.

Ни в Японии, ни в США землетрясения масштабов армянского 1988 года (6-7 баллов по шкале Рихтера) не оставляют катастрофических последствий.

Ни в США, ни в Западной Европе аварии на атомных электростанциях (АЭС) не оборачиваются Апокалипсисом, а их радиоактивные отходы не проникают из захоронений в окружающую среду, как это происходит в СССР повсеместно.

Естественно, что люди и в СССР, и вне его пределов ищут ответа на вопрос: почему это так?

Профессор А. И. Воробьев в письме, озаглавленном "Цена мнений: неспециалиста и специалиста" ("Новый мир" № 3, 1989, Москва, с. 260), пишет:

"В № 9 "Нового мира" напечатана статья Алеся Адамовича «"Честное слово, больше не взорвется", или Мнение неспециалиста». Вслед за этой статьей идут две комментирующие и отвергающие ее заметки специалистов, уверяющих, что с Чернобылем все спокойно. Кто прав? А быть может, все правы, но каждый по-своему? Может быть, пора прекратить разговоры о Чернобыле?

Все бы хорошо, но ничто не облегчит существования сегодняшних жертв радиационных аварий, участи будущих поколений и новых жертв, если вслед за такими специалистами все будут молчать.

Эти специалисты, слишком быстро клюнув на подброшенную им наживку в словах "мнение неспециалиста", бросились на выдающегося советского писателя, публициста, гражданина со всем своим арсеналом более чем сомнительных, много раз публиковавшихся аргументов в защиту нынешней атомной энергетики, в защиту широковещательных заверений, что в чернобыльском регионе все в порядке и жителям ничто не угрожает.

А о чем говорит статья А.Адамовича? Что не в

результате стихийного бедствия, не в темном лесу, а на самом передовом, самом чистом предприятии — атомной электрической станции — во время плановой работы произошла авария и радиоактивные осадки засыпали огромные районы родной земли писателя. Это что же — единственная авария по вине специалистов? Разве "Нахимова" вел случайный человек? Разве взрыв железнодорожного состава в Арзамасе с пятидесятиметровой воронкой произошел по вине молнии, ударившей в бак с бензином (какой-то специалист ведь дал разрешение грузить в одну емкость столько взрывчатки, что и город снести можно)? Разве не повторилась такая же авария в Свердловске? Разве около Бологого сгорел пассажирский поезд из-за пьяного стрелочника? Нет, во всех случаях виновны специалисты. Плохие? Да. Может быть, уничтожение Аральского моря и превращение в пустыню огромных пространств произошло по вине неграмотных пастухов, козы которых съели в древности ливанские кедры? Нет, пастухи не при чем. Ну, может быть, наконец, Азовское море зацвело в этом году из-за того, что где-то Геркулес разом вычистил древним способом все конюшни вокруг Дона? Нет. Конюшен этих на Дону уже нет, а лошадей свели не крестьяне, а московские "специалисты" по сельскому хозяйству. Может быть, не в нашем, а в чужом краю исстари селившийся по берегам больших и малых рек народ согнали с насиженных мест для затопления самых ценных пойменных земель? Это все было у нас. А может быть, и дальше так будет? Будет, если неспециалисты наконец не одернут так называемых специалистов, перегруженных званиями, наградами, но не знаниями и не заслугами перед своим народом.

Мы пожинаем богатый урожай, посеянный диктатурой, когда и чины и звания раздавались захватившей

власть кучкой малограмотных людей, убравших настоящих ученых практически из всех областей науки. А если и остались выдающиеся физики и математики, инженеры и врачи вне тюрем, то ведь от них вузы и факультеты университетов были избавлены и народившееся новое поколение питалось уже в значительной мере суррогатом науки. Именно поэтому аварийность у нас не является случайностью, она - закономерна”.

Проф. Воробьев перечислил далеко не все технического, аварийного и, казалось бы, естественного происхождения катастрофы в СССР последних лет. Но так ли уж виноваты специалисты? Или, допустим, чиновники?

Прежде, чем попытаться определить фундаментальные основания нынешней советской экономики катастроф, обновим в памяти ее картину. Детали современной советской ситуации большинству возможных читателей этой статьи хорошо знакомы. Более того: многим понятны и ее корни. И все-таки есть резон взглянуть на нее не только изнутри, а как бы со стороны, более или менее обобщенно. Итак...

I. Критическая ситуация или агония?

1. Как живут советские люди

Читатель, надеюсь, помнит, как часто в печати РСФСР, да и русского Самиздата выражалось и порой еще выражается мнение, что советские инациональные "окраины" процветают за счет собственно Великороссии. Ни в коей мере не пытаюсь тем самым сказать, что русским живется сносно, обратим все же свой взгляд на процветающие, по мнению многих патриотов России, "окраины".

Помещенная выше фотография открывает статью туркменского писателя Ак-Мухаммеда Велсанара "Там, где не вырастет посох..." ("Московские новости" № 14 от 8 апреля 1990, с. 7). Вот выдержки из этой статьи:

"В это трудно поверить, но большинство туркменских детей в наше время постоянно недоедает. Педиатр из Латвии Т.В. Слукина, поработавшая у нас в со-

ставе летнего медицинского десанта, отмечает: подавляющее большинство детей в Туркмении не дотягивает до нормального веса. Отсюда слабая сопротивляемость организма заболеваниям, частый летальный исход от таких недугов, которые для нормальных детей не очень-то страшны. Уровень детской смертности остается чрезвычайно высоким в нашей республике (впрочем, как и в соседних Узбекистане и Таджикистане) не потому, что здесь высокая рождаемость, как это порой пытаются доказать некоторые издания (сама по себе многодетность не может явиться причиной высокой детской смертности), а потому, что в этих республиках чрезвычайно низкий уровень жизни.

Врачи Института охраны здоровья матери и ребенка отмечают: в магазинах Тахтинского района за последние 10 лет не продавались сливочное масло, мясо, куры. 85 проц. семей района не имеют своего скота, и потому даже на рынке очень трудно купить мясо, молоко, молочные продукты. В некоторых семьях, особенно многодетных, дети умирают голодной смертью.

...В печати неоднократно отмечалась губительность монокультуры хлопка для среднеазиатских республик. Сегодня, вероятно, никто не станет отрицать существование такого положения и в Таджикистане. А вот руководители Туркмении наотрез отказываются признавать существование подобного положения у себя в республике, не желают замечать, что на душу населения в Туркмении производится хлопка-сырца в два с половиной раза больше, чем в Таджикистане. Отсюда острая нехватка продуктов питания, растущая социальная напряженность, хроническое голодание и высокая детская смертность: в прошлом году умерли 6.846 младенцев (до одного года) из 125.054 родившихся.

...среди населения республики растет глухое недо-

вольство. Будучи разобщенным в силу сохранившейся до наших дней родо-племенной структуры, наш народ политизируется медленно, я бы сказал, даже неохотно, чем во многом обусловлена сегодняшняя его общественная безынициативность. Однако антикооперативные погромы в мае прошлого года в Ашхабаде и Небит-Даге — серьезное предостережение для тех, кто рассчитывает на долгую спячку людей.

Не хочу быть зловещим пророком, но боюсь, что буквально через несколько месяцев будет остро не хватать дней тем самым людям, которые сейчас бездумно тратят время, отпущенное на мирные реформы. Экономическое положение туркменских семей, в которых на едока приходится сейчас 25-30 рублей (в среднем в них по 6-8, а то и 10-11 детей), к концу года, вероятно, значительно ухудшится в связи с набирающими темп инфляционными процессами, и тогда многодетность туркменских семей, которая служит пока сдерживающим фактором роста общественной активности, может стать значительным стимулом активизации населения. Меняются обстоятельства, соответственно меняются люди. И спрос будет самый строгий с тех, кто повинен в голодной смерти Гуйчгелди Сейитмурадова, сотен детей, которые сегодня вынуждены жить впроголодь на той земле, о которой средневековый арабский историк изрек: воткни посох, и распушит он листья..." (*Ак-Мухаммед Велсанар, писатель. Ашхабад*).

Таджикам их положение не видится намного более благополучным, чем туркменам. Но политизированность их, видимо, выше, и поэтому там первые кровавые столкновения уже состоялись. Корреспондент "Московских новостей" Александр Минеев в статье "Душанбе: где выход из кризиса?", опубликованной в № 8 этой

газеты (25 февраля 1990 г., с. 5), оценивает корни душанбинских беспорядков так:

”Сегодня в Таджикистане все признают, что требования не принимать в республике беженцев из Азербайджана послужили лишь детонатором кровавых событий. Истинной причиной стали тяжелые социально-экономические условия, сложившиеся в республике. 117 тысяч безработных, трущобы в городах, безземелье сельских жителей при самой высокой в СССР рождаемости - это лишь наиболее выпуклые черты неблагополучия сегодняшнего Таджикистана. Недовольство копилось десятилетиями — взорвалось в одночасье”.

На этот раз взрыв был подавлен военной силой. Надолго ли?

Народы советского Севера и Северо-Востока пора давно занести в Красную Книгу исчезающих этносов. Поскольку такой не существует, то самое время ее создать, начиная с них.

Газета ”Аргументы и факты” № 14 за 7-13 апреля 1990 г. (Москва) сообщает в статье ”Народы Севера: быть или не быть”:

”30-31 марта в Большом Кремлевском Дворце проходил съезд малочисленных народов Севера. Представители 26 малочисленных народов, объединившихся в ассоциации, пытались разобраться в причинах, породивших многие негативные явления, искали пути выхода из тупика. Слово — участникам съезда”.

Послушаем участников съезда (очень немногих):

”Н. Соловьев, председатель ассоциации ороков, Сахалинская область:

— Нас чуть больше 200 человек. В давние времена

наши реки и озера были полны рыбы, в лесах не выводился пушной зверь. Все были сыты. Голодными были только ленивые. И заявления, что коренные народы Сахалина были обречены на вымирание, не выдерживают никакой критики. С этим бестактным, унижающим наше национальное достоинство стереотипом, кочующим из одного учебника в другой, надо самым решительным образом бороться. Где-то 150 лет назад нашими богатствами заинтересовались цивилизованные державы. И сразу оказалось, что мы не так жили, не то ели, не так танцевали, не так пели, и вообще непонятно, почему мы до сих пор еще живы. Сейчас на Сахалине обнаружили нефть. Ее добыча, "длинный рубль" привлекли сюда массу людей с авантюрными наклонностями. Хозяева сахалинской земли были бесцеремонно оттеснены и вскоре утратили многие традиционные промыслы.

...Ю. Данкар, председатель сельсовета, Хабаровский край:

— Сегодня хозяева нашей земли — не коренное ее население, не сельские Советы, а министерства и ведомства. Например, Минлеспром не разрешает нам оставлять на собственные нужды даже 5% леса. 75% валюты, получаемой в результате продажи богатств нашего края, остаются в центре, а на оставшиеся 25% приобретается техника, с помощью которой еще более высокими темпами будет уничтожаться природа. За пределы района вывозится и вся пушнина.

Л. Гришина, председатель ассоциации орочей, Хабаровский край:

— Орочей сегодня в стране — 425 человек, за 72 года Советской власти численность нашего народа не только не возросла, а намного уменьшилась. Причина — многочисленные насильственные переселения, начиная с 1956 г. Пять раз переселяли нас с исконных земель

наших предков. Как следствие: перевелись рыбаки, охотники, забыты родной язык и культура. Плохое медицинское обслуживание и жилье, отсутствие этнической пищи, теплой меховой одежды дали многие болезни. До 50% орочей находятся на учете в тубдиспансерах. Многочисленные решения крайисполкома, направленные на улучшение нашей жизни, остаются только на бумаге”.

Этому реквиему пытаются противопоставить уклончивые слова о том, что малочисленные патриархальные племена исчезают фактически во всех регионах мира, в которые продвигаются высокотехнические цивилизации. Такой процесс шел столетиями, но вот уже несколько десятилетий развитые и свободные общества довольно успешно стараются повернуть его вспять. Однако под следующий материал не подведешь даже такого (достаточно спорного) обоснования. Все те же ”Московские новости” поместили в № 34 от 20 августа 1989 года статью В. Лупандина и Е. Гаер ”Чернобыль на Чукотке” с подзаголовком ”Народы Севера расплачиваются за ядерные испытания”. Из этого вопля отчаяния трудно что-нибудь выделить для цитирования, но попытаемся все же кое-что отобрать. Итак:

”Все, что говорится и пишется сегодня о судьбе народов Севера, во многом типично и для аборигенов Чукотки. Невероятно низкая продолжительность жизни, высочайшая детская смертность – эти и другие кричащие проблемы их нынешнего бытия пока принято объяснять причинами социальными – плохим жильем, низким качеством питания, отсутствием квалифицированной медицинской помощи. Однако есть и другое, о чем до последнего времени не говорилось. Речь идет о высоком уровне радиационного загрязнения среды.

...общая дозовая нагрузка у населения Чукотки в два раза выше средней по СССР и примерно равна средней дозе облучения людей, проживающих на контролируемых территориях, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

Но проблема прежде всего в том, что для чукчей-оленоводов реальная доза облучения гораздо выше, ибо их организм является завершающим звеном цепочки накопления радионуклидов: от лишайника к оленю и человеку. По данным ленинградских гигиенистов-радиологов, удельная активность свинца-210 в костной ткани оленеводов в 10-20 раз превышает таковую у людей, не употребляющих в пищу оленину, а общее содержание в организме цезия-137 — в 100 раз.

Причина повышения радиационного фона на Чукотке - ядерные испытания в атмосфере на Крайнем Севере страны в 50-60-х годах.

...Радиация, как известно, прежде всего бьет по иммунной системе человека. А потому спектр болезней, расцветших в крае за последние три десятка лет, поражает воображение.

Практически 100 процентов коренного населения болеют туберкулезом. 90 процентов страдают хроническими неспецифическими заболеваниями легких.

...Несмотря на отдаленность и изолированность региона, на Чукотке постоянно возникают вспышки вирусных и бактериальных желудочно-кишечных инфекций, паразитарных заболеваний. Но, пожалуй, самым серьезным свидетельством воздействия радиации являются данные о распространенности и росте среди аборигенов онкологических заболеваний.

Их уровень в два-три раза выше, чем в среднем по стране. Смертность от рака пищевода самая высокая в мире. В 10 раз выше среднего уровень заболеваемости

раком печени. В три раза за последние 20 лет участились случаи заболевания раком легких и в два раза — число лейкозов и опухолей желудка. Все чаще встречается и рак молочной железы. Но самое главное, быстро меняется структура онкологической заболеваемости. Появляются новые формы злокачественных новообразований — опухоли соединительной и костной ткани, щитовидной железы... В первом же селе, которое мы посетили, председатель сельсовета сообщил нам, что практически все взрослое население больно раком. И это при том, что злокачественные новообразования здесь выявляются только в запущенной форме и, разумеется, оканчиваются смертельным исходом.

...средняя продолжительность жизни чукотских аборигенов (даже без учета несчастных случаев) составляет всего 45 лет. Это на 11 лет ниже официально приводимой цифры и своеобразный рекорд всех стран и народов мира.

Что же касается детской смертности, то здесь открытая статистика втрое-вчетверо "скромнее" реальности. В действительности умирают от 70-80 до 100 новорожденных на тысячу, и за последние шесть лет этот показатель возрос на 6 процентов" (*Владимир Лупандин, доктор медицинских наук. Евдокия Гаер, кандидат исторических наук, народный депутат СССР*).

Вот так-то...

Но ведь и это далеко, далеко не все. В "Новом мире" № 5 за 1989 год опубликованы дневники, документы, итоговые материалы экспедиции "Арал-88", организованной журналами "Новый мир" и "Памир". Публикацию завершает очерк одного из участников экспедиции экономиста и публициста Вас. Селюнина "Бремя действий". Вот несколько выдержек из этого очерка:

”В старой книге, не помню теперь какой, вычитал однажды: в период расцвета страна рождает певцов и героев, в период упадка — чиновников и много пыли. Почему пыли? При чем тут пыль? Слово затесалось в максимум вроде как не из той кассы. Но нет, не ошибся мудрец. От Арала осталась, считай, половина, и с обсохшего дна, как утверждают ученые, поднимается 75 миллионов тонн мельчайших частиц песка и соли в год. Участились песчаные бури. От них не укрыться, не убежать — пыль забивает глаза, уши, дыхалку, ее не успеваешь отхаркивать, она проникает в наглухо закрытые окна домов, в салон машины, губит на корню все живое.

На стыке великих пустынь Каракумы и Кызылкум рождается третья, получившая уже имя — Аралкум. Пыль и пески приканчивают город Аральск. Без малого половина его жителей разбежалась — ушло море. Нависла над песками на века построенная пристань. Поникли клювы порталных кранов. Громадные корабли, выстроившись гуськом, бороздят килями песчаные волны”.

Опуская, по необходимости, ценнейшую информацию, глубокие размышления и куски первой классной прозы, дадим лишь некие контуры увиденного Селюниным:

”Гибель Арала — не вся беда, а лишь малая ее толика. Все видят: было море — и вот исчезает. Не столь заметен постороннему более грозный процесс: деградирует среда обитания 30 миллионов человек, населяющих Среднюю Азию.

Перед отъездом в экспедицию я имел обстоятельную беседу с первым заместителем министра мелиорации П. А. Полад-заде. Он заверил:

– Вы не найдете в Средней Азии площадей, окончательно погубленных. Неблагополучные земли есть, однако ни одного орошаемого гектара не списано.

Докладываю читателям, что это неправда. В одной Кызыл-Ординской области списано 28 тысяч гектаров, или десятая часть орошаемых земель. В Каракалпакии выпало из оборота 100 тысяч гектаров – каждый пятый поливной гектар. Сам видел эти земли с самолета, походил по ним, пощупал, попробовал на зуб – на них во веки веков чего-либо полезного не произрастет, голая соль. Бросовые затраты государства и хозяйств только в двух областях близки к миллиарду рублей.

Это бы еще ничего. Хуже, что на миллионах гектаров уровень соленых грунтовых вод подтянулся с прежних 30-50 метров до критических отметок – где полтора метра, где метр, а где и того меньше. Деревья на той земле гибнут – их корни проникают в мертвый слой, и сразу засыхают вершины, соль выступает на ветках.

...Вода, истраченная на полив и промывки сверх меры, стекает в низины, будучи уже соленой и ядовитой. Удручающее зрелище – Средняя Азия с самолета! Аральское море не исчезло бесследно, оно разлито теперь по всему региону. Возникли дикие моря. Мы побывали на Сарыкамышской впадине, это к западу от Арала. 5 миллиардов кубометров мертвой воды стекает сюда ежегодно. С аэроплана "аннушка" другой берег не виден – чем не море? Садимся и пробуем подойти к воде – нельзя, топкое соленое болото. А на нем ни камышинки, ни бубочки – земля пропитана ядами. Кое-где пробивается бурая солянка – это растение способно прозябать хоть в банке с купоросом. 40 новых озер столь велики, что удостоились названий. А которые помельче – кто их считал? Средняя Азия – это губка, пропитанная соленой влагой.

...Безмерные поливы вымывают из почвы гумус. Его приходится компенсировать ударными дозами удобрений. Земля стала банги (наркоманом, по-нашему), без химии не родит. И в довершение бед, когда десятки лет сеют хлопок по хлопку, неудержимо плодятся сорняки и вредители. Их глушат ядами. Если в целом по стране на гектар пашни расходуют два килограмма химикатов, то в Средней Азии — 50.

Земля в беде, у последнего предела. Если дальше так хозяйничать, нетрудно рассчитать, когда люди очутятся средь марсианского пейзажа.

...Насколько неплодотворны споры вокруг того, кто урвал больше, а кто меньше, мы поймем до конца, когда взглянем на ситуацию не с позиции республик, а глазами сельского жителя. Что принесли ему все эти каналы, гектары, рубли инвестиций?

Среднестатистическая душа населения съедает за год не более 30 килограммов мяса, причем этот деликатес потребляют в основном горожане. На сельского жителя приходится 8 кило в год (напомню: в среднем по Союзу — 65 килограммов). Знаменитый восточный плов известен крестьянской семье больше по запаху, нежели по вкусу. Душевое потребление молока чуть превышает половину общесоюзной нормы, яиц — 41 процент нормы. В это трудно поверить, но плодов, ягод, винограда, овощей, арбузов, дынь житель съедает тоже гораздо меньше. Базарные цены практически на все продукты выше, нежели в столице. Семья считается благополучной, если на человека приходится 30 рублей в месяц. Но и этот нищенский доход сокращается — даже по официальным данным, в последнее время в Узбекистане он падает на 1,1 процента ежегодно. Ситуация была бы еще тяжелее, не будь поставок из общесоюзного фонда. Из него поступает в Среднюю Азию каждый третий кило-

грамм мяса, весомая доля молока, масла, яиц. В регион завозят даже карамель и халву.

Довести до голода благодатнейший край — это надо было уметь. В сущности, произошла экономическая катастрофа, дополнившая и продолжившая бедствия экологические. Отчего же не кормят людей миллионы освоенных с такими затратами гектаров? А все они ушли под хлопок, снабдив крестьянскую семью вдоволь разве что ядохимикатами в земле, по которой она ходит, в воде, которую она пьет, в воздухе, которым она дышит.

Когда собственными глазами видишь горькую нужду, пугливую и безнадежную, какими-то невсамделишными представляются наши споры и страсти вокруг многомандатных выборов, плюрализма мнений, гласности. Не то чтобы эти диспуты не нужны или не важны, нет, но именно здесь, наблюдая во всей доподлинной натуре вечные, как мир, заботы бедняка, не сердцем, не разумом, а потрохами чувствуешь неоглядную дистанцию между столичным мыслителем и этим вот кормильцем страны, который мало сказать не верит больше словам и посулам — он просто не понимает, чего еще от него хотят начальники или заезжая "комиссия" вроде нашей.

...Есть в Средней Азии милый обычай: вблизи святого места, на худой конец на кладбище, повязать на дерево ленточку и загадать желание. Главный идеолог Узбекистана Абдуллаева усмотрела тут пропаганду ислама и велела деревья спилить. Сейчас она, правда, под следствием, но не за этот же подвиг. Ислам она жутко не любит — при ее правлении за обрезание крайней плоти младенцам мужеска пола отцов исключали из партии. Беспартийным — тем, конечно, послабление.

Новые времена начались вовсе уж дикой выходкой: топор трезвенника погулял по виноградной лозе. В одном Ура-Тюбинском районе Таджикистана погублено 1000 гектаров, и теперь за килограмм винограда на местном базаре в сезон сбора просят и два и три рубля — сам приценялся.

Подозреваю, однако, что такого рода кампании не столь бессмысленны, как это может показаться. Исполнители, годами, из поколения в поколение они меняют стереотип человека, воспитывают покорность воле начальства. Человек начинает чувствовать себя не творцом, но податливым материалом в руках экспериментаторов. А покорный человек сам, своею вроде бы охотой признает право распоряжаться им как работником. После разыщачивания и раздувализации как-то меньше ропота и протестов вызывает даже труд малолетних на хлопке, этот позор Средней Азии. Формально он запрещен, а на деле? С секретарем Марыйского обкома партии по сельскому хозяйству Ю. А. Арестовым едем по землям совхоза "Захмет". Юрий Александрович клятвенно заверяет, что уж в нынешнем-то году школьников в поле не увидишь. Но чьи это черные головы высовываются из хлопчатника? Подходим, расспрашиваем. Третью неделю учителя и ученики двух школ на уборке. Рабочий день — с десяти утра до шести вечера. Еда своя — лепешки и конфеты. Здесь только чай греют, но после обеда чаю не остается, пьют из арыка. Заглянули в арык — вода застойная, рванный ботинок туда брошен, ржавая консервная банка. Секретарь обкома к ребятам не подошел, ждал нас в машине. Рассказали ему что и как, обещал немедленно разобраться.

Министр народного образования Туркмении М. Алиева, вместо того чтобы либо пресечь издевательство

над малолетними, либо сложить с себя полномочия, гуманно жалуется в печати: "Горько сознавать, но сегодня для многих сельский школьник — это прежде всего производственная единица, а уже потом ученик, ребенок. Не считая каникул, он в течение четырех-пяти месяцев после уроков — на поле. Ему достаются наиболее трудоемкие операции — прополка, чеканка, сбор урожая". Все верно, кроме одного: отнюдь не после, а в м е с т о уроков ребятишки в поле. Есть в Туркмении районы, где в минувшем перестроечном году во время уборки хлопка в классах училось 15,5 процента школьников".

Госпожу Абдуллаеву, наперекор строптивому Гдляну, с извинениями отпустили домой. А на земле, на которой она продолжает воевать с предрассудками и дувалами, "чуть ли не бытовым явлением" стали... самосожжения женщин. Так,

"в колхозе имени Энгельса покончила счеты с жизнью двадцатидвухлетняя Гульчахра Кучманова. В пятнадцать лет, как ее сестры и братья, Гульчахра бросила школу и с той поры мало чего повидала на свете, кроме хлопкового поля. Семь лет, как все, подчинялась простому режиму: девушки и бездетные женщины должны трудиться с шести утра до восьми вечера, женщины, имеющие детей, — на два часа меньше. Книги, развлечения, кино — все это осталось в другой, школьной жизни. Хотя и там был хлопок, но детство беззаботно.

В тот день к концу работы в поле прибыл нарочный с приказом из райкома: сто человек от колхоза, десять от бригады — на окучивание в Каршинскую степь. "Ты, ты, ты... — отсчитал бригадир, — завтра быть готовыми". Что там за рай земной, девушка знала не по бессмертным творениям Рашидова и не по балетам: две недели в условиях вахтового метода — не

шутка, а домой привезешь хорошо если четвертную. Она бы и тут не отказалась, да замучила аллергия от проклятой химии. Словом, утром не поехала Гульчахра с подружками, а вышла в поле, как обычно. Учетчик прогнал ее – посмела, мол, послушаться бригадира. Не допустили ее к работе и после, когда подружки вернулись с вахты. А дома, сами понимаете, лишний рот – не подарок.

Потом прокурор выяснит, в чем было нарушено трудовое законодательство, кто из начальства превысил власть. Порок будет наказан, но торжествует ли добродетель? В одном Узбекистане в одном 1987 году было больше ста случаев самосожжения. Причины разные. Я вообще думаю, что нормальный человек на самоубийство не способен, однако есть ведь от чего свихнуться.

...Да, объективные данные говорят о том, что вырождение людей собственно в Приаралье подходит к критической черте и процесс стал неуправляемым – медики могут лишь регистрировать события. В Каракалпакии заболеваемость паратифом в 2 раза выше, чем в целом по Узбекистану, и в 23 раза выше, нежели по всей стране. За последние десять лет общая смертность в автономной республике поднялась в 1,5 раза, сердечно-сосудистые болезни участились в 1,6 раза, туберкулез – вдвое, желчекаменная болезнь – в 5 раз, рак пищевода – в 7-10 раз. В Кзыл-Ординской области только за пять лет заболеваемость брюшным тифом возросла почти в 20 раз. Желтухой здесь переболели 60 тысяч человек. Эти люди, как уверяют врачи, на всю жизнь остались инвалидами (поражена печень). В Приаралье свирепствует дизентерия, обыденными стали болезни, о которых давно забыл цивилизованный мир. Детская смертность здесь выше, чем в каком-нибудь

Парагвае, и в 20 раз выше, нежели, к примеру, в Японии.

Все так, только при чем тут море? По несчастью, население Приаралья живет в низовьях великих рек и вынуждено пить воду, которая вобрала в себя пестициды, гербициды и прочую мерзость. Это уже не реки — это клоаки Средней Азии. Я выписал из официальных отчетов содержание вредных веществ в пробах, взятых в створах Сырдарьи и Амударьи и от верховий до дельты. В горных истоках вода чистейшая, да это и без анализов ясно — мы проехали по Памиру и каждодневно наслаждались хрустальными источниками. В пробах, взятых в среднем и особенно нижнем течении обеих рек, по экспоненте возрастает содержание ядов, включая давно запрещенные к применению дуст и гексахлоран. Поскольку по невежеству своему оценить цифры я не умею, посадил рядом доктора наук, заместителя директора Всесоюзного института охраны водных ресурсов А.К. Кузина и попросил его комментировать анализы. Он не был многословен: "Убойная доза, убойная доза". Выписываю, а сам поглядываю на собеседника — мой Саша побелел от страха. Ведь эту воду пьют, другой нет.

Ядохимикаты, смертельно опасные сами по себе, подавляют способность к самоочищению бытовых и фекальных стоков. Эта отвратительная смесь просачивается в колодцы, а практически все сельские жители пользуются колодцами. По деликатному выражению нашего врача кандидата медицинских наук А.Д. Дериглазова, люди пьют воду, которая несколькими днями раньше была уже выпита".

Почему на Севере и в поливной Азии экологическая и демографическая катастрофы разразились со столь

погибельной скоростью и остротой? Притом без Чернобыля, без землетрясения или чего-нибудь подобного — взрывного, одномоментного? Потому что экологические условия для выживания и — тем более — для расцвета цивилизации формируются здесь тысячелетиями, создаются прежде всего людьми — их мудростью, их осторожностью, их терпением и умеренностью в потреблении, их моралью. Нельзя не согласиться с Селюниным, когда он пишет:

”Общий знаменатель всех бед, постигших Среднюю Азию, — командно-административная система. Негативные ее стороны раскрылись здесь раньше и полнее хотя бы по той простой причине, что среда обитания создана в регионе не матушкой природой, а руками человека и потому более хрупка, ранима, уязвима к воздействию волюнтаризма. Опоздаем со сменой системы — Средняя Азия станет моделью, генеральной репетицией тотального распада”.

Автор очерка надеется на помощь других республик страны ее среднеазиатскому региону. Но, к великому несчастью, распад зашел угрожающе далеко и там, где экологическая ниша цивилизации была изначально куда более просторной и прочной, чем в поливных или северных регионах.

Несомненно, многим и многим из обездоленных, как было долгие годы принято говорить, ”нацменов” представляется, что хорошо живут ”хозяева” СССР — русские (не надо бы лишних кавычек в тексте, но как их тут не поставить?).

Несколько страниц о режиме работы и жизни промышленного сердца страны — Урала.

Советское телевидение было в апогее своей ”пере-

строечной” почти-свободы, когда показало в канун 1990 года так называемый ”винный бунт” в Свердловске. Заместитель главного редактора ”Московских новостей” В. Лошак пишет в № 2 газеты от 14 января 1990 г. на с. 3:

”Забастовки с производственными и даже политическими требованиями мы уже ”проходили”, на этот раз причиной волнений стали пустые прилавки, невозможность купить перед праздником вино и водку даже по талонам.

Бунт удалось усмирить, не применяя силу. Свердловчанам немало было обещано, а буквально через несколько часов на прилавках стали появляться сыр, рыба, вина, колбаса...

Надолго ли? Мог ли кто-то дать уральцам гарантии от новых приступов покупательского отчаяния?”

Сегодня можно с уверенностью ответить, что ненадолго, не мог. Пишет же далее В. Лошак, что ”в торговле Свердловска недостает 5000 наименований различных товаров”, включая ”то, чего вчера еще, кажется, было прѳпасть: телевизоры, вилки, леденцы”. Так что отсутствие спиртного для новогоднего стола было только последней каплей, переполнившей чашу. И это — ”рабочий край, выпускающий на 31 миллиард рублей продукции, из которой 86 процентов — железо и машины” (там же).

Прошло два месяца, и в № 9 ”Московских новостей” от 14 марта 1990 года появилась на развороте листа (с. 8-9), под рубрикой ”Как мы живем”, иллюстрированная корреспонденция Ю. Теплякова ”Еще дышишь, Урал...”. Это нисколько не менее страшный материал, чем ”Чернобыль на Чукотке” и очерк Вас. Селюнина об Арале. Его тоже переписывай хоть весь.

Ю. Тепляков предваряет свою статью так:

”...На огонь и воду можно смотреть бесконечно. А когда рядом плещет сталь — вообще какой-то мистический озноб. Дым, звон, гул, жар. Сполохи огня выхватывают машины, лица, краны, груды искореженного металла. Черное и красное. Красное и черное. Ад.

За какие же грехи тяжкие работают здесь люди? Если не за грехи, тогда за деньги великие?”

Все последующее отвечает на последний вопрос. Приведу отрывки без комментариев:

”Москва твердит об успехе перестройки, а жизнь все хуже и хуже, нечего приобрести на честно заработанные деньги. А честно заработанные деньги — особенность Урала.

Шесть лет назад ввели талоны мясные. Прибавили за это время хоть 50 граммов? Нет. Значит — без про света.

...положение — как бочка с порохом: одна искра, одна капля гнева — и... терпение Урала не вечно...

Ну, это они напрасно, терпение еще есть. Недаром же начальник цеха, где самая жуткая экология и самая лучшая сталь, сказал: ”У нас порядок, да вы знаете, сколько наши сталевары после пенсии еще живут? Десять лет!”

Куда уж лучше: на пенсию сталевары уходят в пятьдесят, а продолжительность жизни в Челябинской области на 5-8 лет короче, чем по всей стране...

— Я своих сверстников, считай, всех похоронил. А мне пятьдесят пять лет.

...Из месяца в месяц, из года в год, из десятилетия в десятилетие работает домна на социализм.

А как она работает на человека? На Михаила Пун-

туса, на его товарищей? Тридцать один год ждал он квартиру. Черную икру видел только в кино, мать суп чаще варила из крапивы, чем с картошкой.

— Ну, ладно, то были послевоенные годы, все раздетые, голодные, — волнуется, вспоминая, Михаил. — Но сегодня-то! У горнового нашего пятеро детей, а нам дали по три крохотные баночки сгущенного молока. Детей пятеро — банок три. Как он принесет их домой, кого обделит? Забился в угол, молчит. Хорошо, газовщик Дубынин предложил: "Давайте, мужики, сбросимся". Я отдал, у меня дети выросли.

В Москве мне говорили: на Урале нечем дышать — но здесь и хлеба-то насущного не всем хватает.

...Гордость атомной колыбели? Только гордостью той сыт не будешь. Поэтому-то Урал и попал в нахлебники: промышленность региона обескровила его сельское хозяйство. Сейчас из 100 работающих лишь 4 человека пашут землю. Удивительно другое — как эти четверо умудряются еще давать 60 процентов продуктов, необходимых области.

Остальное надо завозить. Откуда? Прибалтика отвернулась, атомная колыбель теперь ее не волнует. Кубань ищет партнера повыгоднее, на Украине свои заботы. Что же делать? Умереть, обладая богатством: металл, трубы нужны всему миру, только свистни — привезут птичье молоко, не то что мороженую сухую баранину, которую нормальные люди давно не едят. Но как свистнешь, если все до последнего гвоздя принадлежит союзным министерствам, все, что выпускает Челябинская область, — стопроцентный государственный заказ. Заказ для блага человека, во имя человека! Но никто до сих пор не знает и не ведает, где тот человек живет".

Согласно другому советскому анекдоту — знает: чукча был в Москве, на съезде, услышал, что все в нашей стране делается для блага человека, во имя человека, и он видел этого человека... Но продолжим уральский мартиролог:

”Чувство голода, говорят, самое мучительное. И все-таки есть в Челябинской области город, 18 тысяч жителей которого готовы хоть завтра вдвое урезать свой и без того скудный паек, лишь бы увидеть небо над головой, лишь бы не глотать больше серную кислоту. 162 тысячи тонн серы, свинца, мышьяка, теллура и еще самой разной гадости выбрасывает в воздух местный медеплавильный комбинат. Девять тонн на каждого, из которых три тысячи детей.

— Неужели правда? — терзал я государственного санитарного врача города Владимира Макаревича. — Это же смерть, и те, кто тут живет, — добровольные смертники.

Я еще надеялся, что он скажет ”нет”, скажет, что это в общем-то все условно, лишь теоретически, а он ответил:

— Да, это смерть, но смерть медленная, поэтому многие и не боятся, думают, рассосется. Рассосется? Половину наших ребят в армию уже не берут вовсе — инвалиды, другую половину — только в подсобные части. Тоже инвалиды, но еще могут кое-что делать. Детская смертность до года — самая высокая. Ну, а те, что постарше, больны все — легкие, желудок.

— Это чудовищно. Разве может существовать на свете такое производство? Почему не остановите? Имеете же право.

— Что толку? Если я опечатаю печи, директор позвонит в обком партии, в облисполком — и пломбу снимут. Пробовал, но один местный деятель мне сказал:

”Сами рабочие вас еще и побьют. Подышат недельку свежим воздухом, проголодаются и побегут на комбинат”. Я с ним согласен. Людям некуда деться, комбинат — единственное место, где можно получить работу.

...Двое детей у плавильщика Юрия Бабкина. Спрашиваю:

— Болеют?

— Конечно.

— Почему конечно?

— А потому что здоровых тут нет.

— Отчего не бросите все, не уедете?

— А куда? На все четыре стороны? Кто меня ждет, где?

Чувство безысходности, чувство какой-то обреченности поражает здесь в людях прежде всего. ”Жизнь мы проиграли, еще не успев родиться, — качает головой активист местного профсоюза Валентин Устьянцев, — некуда податься, загнали в угол за триста рублей и полтора килограмма перловой каши с тушенкой в месяц”.

— Да зачем тебе мясо? — мрачно шутит рабочий Геннадий Беспалов. — Чем жевать будешь, зубы еще не выпали от аммиака?

...На верхнюю загрузочную площадку подъехал электровоз с рудой. Переворачиваются вагонетки — и будто взрыв. Все гаснет. Хочу подойти ближе, но из облака пыли высовывается рабочий и кричит, матерясь: ”Тебе что, жить надоело? Уйди!”

Я-то уйду. Мое дело нехитрое. А вам-то что делать? Может, и вправду — в охалку детей, внуков и бежать куда глаза глядят?

Убежать от чудища. Видно, не я один такой умный.

Партия и Советская власть перенесли свою резиденцию на несколько километров подальше, а прежнее здание, что рядом с трубой, отдали детям под музыкальную школу. Но, правда, есть и другие маневры. Именно в Карабаш, в местную больницу, перевели туберкулезное отделение. Больных привозят из многих районов.

— Чтоб долго не мучились, другой причины не вижу, — сказал мне врач Владимир Макаревич, — недаром же из-за этого отделения у нас резко вырос показатель смертности.

...в Карабаше, по оценке заведующего облздравотделом Владимира Макарова, действительно тупиковая ситуация: жить людям там нельзя.

— С точки зрения экологии в области еще три "смертника" — Челябинск, Магнитогорск и Уфалей. Совокупно с дичайшим продовольственным кризисом это почти катастрофа. Снижается иммунитет человека к различным заболеваниям, уже нарушается соотношение полов: мальчиков стало рождаться меньше девочек — 98:100. В будущем это грозит необратимыми процессами. Срочно нужна белковая пища — мясо, рыба, но где взять? На нашей земле вы уже редко увидите прежних богатырей-сибиряков. Народ мельчает. Ему уже трудно выдерживать здешние природные условия — морозы, длительные зимы.

Недавно я был в Москве на совещании. Академик из Казахстана требовал закрыть семипалатинский ядерный полигон. Он приводил ужасные для них цифры. В целом по Союзу заболеваемость раком — 129 случаев на 100 тысяч человек, а в Семипалатинске — 186. Все ахнули. Но если б услышали наши цифры: по всей области онкологических заболеваний 291 случай на 100 тысяч населения. А в Карабаше — 338!

Мало что там отравлен воздух, там отравлены и почва, и вода.

...— Покажите мне хоть одну полоску чистой земли на Урале. Нет такой полоски. Мы уже знаем, что такое ядерная волна. Ядерные выбросы 1954, 1957, 1967 и 1972-го уже накрывали нас. Мы еще не понимаем всю глубину нашей трагедии. Но уже сегодня должны встать на колени и попросить прощения у наших детей и внуков за их погубленную жизнь...

Это я услышал через день, когда на берегу реки Миасс собрался митинг и Наталия Миронова, активистка Народного фронта, обращалась к своим землякам.

Эти слова слушал и секретарь обкома партии Юрий Александрович. Вот его мнение:

— Политическую борьбу я не отрицаю. Я вижу, ее только слепые не замечают да трусы из высшего руководства страны. Урал в этой борьбе имеет стратегический характер. Урал — позвоночник всей нашей промышленности. Если он хрустнет, тогда конец.

Я согласен. У меня единственный вопрос: конец чему?"

Возникает еще один вопрос, на который не видно ответа: *конец — какой?* Как он произойдет и во что обойдется стране и миру?

Коснемся более, чем поверхностно, одного из самых больных вопросов советского быта - вопроса жилищного. Заметим: его состояние в существенной мере затрудняет решение проблемы межреспубликанских отношений — русским из сепаратистски настроенных республик некуда переселяться; депортированным при Сталине народам некуда возвращаться; беженцы 1988-90

годов остаются бездомными; о вчерашних зеках и бомжах* только-только заговорили...

Итак:

”Почти у половины семей рабочих и служащих (49,2% в городах и 47% в сельской местности) на одного человека приходится 9 и менее квадратных метров жилой площади. Каждая десятая семья проживает в стесненных жилищных условиях — имеет на человека менее 5 квадратных метров жилой площади.

Из числа семей, стоящих на очереди для получения жилой площади, каждая третья семья рабочих и служащих, проживающая в городской местности, и каждая четвертая семья, проживающая в сельской местности, ожидает своей очереди от 5 до 10 лет. Свыше 10 лет ожидают очереди на получение жилья 19 процентов семей рабочих и служащих, проживающих в городской местности, и 8 процентов семей, проживающих в селах” (*“Аргументы и факты” № 7, 23 февраля 1990 г., с. 3. Рубрика “Жизнь России”*).

Такова общая картина, изрядно откорректированная в лучшую сторону, ибо огромные контингенты людей, как бы не большинство нуждающихся, по разным причинам не стоят на жилищной очереди и в нее ни при каких усилиях с их стороны не ставятся. А вот конкретная бытовая картинка, подтверждающая ненадежность официальной жилищной статистики:

”Нашими местными властями установлена норма

* Бомж - человек без определенного места жительства (литературно легализованное просторечие).

жилья в госдомах 6 м². Это значит, что в 3-комнатной проходной квартире (41 м²) должно проживать не менее 7 человек, чтобы одна из семей имела право стать в очередь на получение квартиры. В противном случае ни под каким предлогом на очередь не поставят. Значит, я, женщина 32 лет с ребенком, мой бывший муж, свекровь со свекром должны до смерти жить в этом проходном "общежитии"? Перспективы обмена — нет (первый этаж, проходные комнаты, сырость, кухня 5 м², нет телефона, лоджии). А местные власти под любым предлогом отказывают в очередности на квартирный учет.

Значит, нет очереди — нет проблемы?" (Л. Алешина, *Макеевка. "Аргументы и факты" № 5, 1990 г., с. 1*).

Заметим, что в сельских местностях чаще всего нет никакого государственного жилья и поэтому никакой очереди на него нет.

Мы уже говорили о том, как живут женщины Средней Азии (более ста самосожжений за 1987 год только в УзССР). "Аргументы и факты" № 9 от 3-9 марта 1990 г., поздравляя советских женщин с их весенним праздником, сообщают на первой же странице:

"Из общей численности рабочих, занятых тяжелым физическим ручным трудом в промышленности, пятая часть — женщины, в строительстве — свыше четверти.

Среди работающих в особо тяжелых и особо вредных условиях труда в промышленности 44% — женщины, в строительстве — 17%".

А много ли их всего (мужчин и женщин), работающих в особо тяжких условиях в стране, построенной для блага трудящихся ("...а паразиты никогда!")?

В статье "Охрана от безопасности" обозреватель "Московских новостей" В. Волин пишет в номере 35 от 27 августа 1989 года:

"В начале этого года советские профсоюзы завершили широкое обследование станков и оборудования. Выяснили: из 2000 проверенных видов отечественной техники лишь 157 (т. е. 8 процентов) безопасны для рабочих. Журнал ВЦСПС "Охрана труда" сообщил, что более 75 процентов трудящихся заняты делом в условиях, именуемых опасными и вредными.

...за 1987 год в стране зарегистрировано около 690 тысяч пострадавших на производстве, из них — 14,6 тысячи со смертельным исходом.

...Если учесть еще профессиональные заболевания, то окажется, что ежегодно гибнет 200 тысяч человек трудоспособного населения".

Когда охватываешь обобщающим взглядом советскую публицистику эпохи "гласности", становится совершенно бесспорной абсурдность попыток найти на просторах СССР привилегированные республики.

О Чернобыле речь пойдет ниже, в отдельной главе.

При той катастрофической ситуации, которой мы выше лишь коснулись, сколько же средств научная плановая социалистическая экономика тратит на спасение вырождающейся отечественной экосистемы?

В статье "Экология и экономика" ("Аргументы и факты" № 17 за 28 апреля - 4 мая 1990 г., с. 6) канд. экономических наук Б. Маклярский сообщает:

"Приводимая таблица составлена на основе данных Госкомприроды СССР и бюро экономического анализа министерства торговли СССР.

Расходы на охрану
окружающей среды в США и СССР
1987 г. (млрд. долл.)

Всего		В том числе		
		воздух	вода	твердые отходы
СССР	16,28	2,08	10,3	-
США	81,06	31,8	32,5	16,7

В абсолютном выражении мы тратим на экологические цели как минимум в пять раз меньше, чем американцы (для пересчета рублей в доллары был использован отечественный официальный валютный курс)".

Половину расходов на экологию в США берет на себя частный сектор хозяйства. Если такое соотношение затрат по советскому "официальному курсу", то каково же оно в реальности? Напомним: на черном рынке в СССР за доллар США дают сегодня (май 1990 года) 15-20 рублей.

Итак, все народы СССР перед лицом экономики катастроф равны. Но все-таки *кое-кто* в каждом из этих народов равнее прочих.

2. О тех, кто равнее

Итак, плохо живется всем. Действительный член ВАСХНИЛ В. Тихонов, один из самых смелых, зорких и честных людей нынешней России, пишет в опубликованной в газете "Московские новости" № 45 от 5 ноября

1990 года (с. 4) статье "Нужна ли нам карточная система?":

"Ныне ситуация особенно непростая. Жизнь становится все труднее. Полки магазинов скудеют день ото дня, цены в госторговле растут уже не завуалированно, а открыто. На железных дорогах страны портятся, гниют, расхищаются свыше миллиона тонн товаров, включая сахар, злополучные стиральные порошки и мыло, обувь, трикотаж, мебель... да чего там только нет. Традиционные тридцатипроцентные потери урожая овощей и фруктов выросли в нынешнем году, по моим данным, вдвое.

Паралич на торговых путях. Тромбы в товароносных сосудах. Процветает только "черный" рынок. Безудержная спекуляция товарами, покупаемыми по льготным ценам и продаваемыми по рыночным. Коррупция чиновников, ведающих товарными фондами".

Значит, с одной стороны, равнее других дельцы и акулы "теневой экономики" и коррумпированные чиновники. А с другой?

Повторяя многократно опубликованные советской прессой и, по мнению многих специалистов, основательно заниженные данные об уровне жизни рядовых советских людей, Елена Боннэр сказала, выступая в Калифорнийском Университете (Беркли) 22 марта 1990 года:

"Первый Съезд сказал вслух, что в нашей стране 43 миллиона людей живут за гранью нищеты. Это по советским стандартам - нищеты! Меньше, чем 70 рублей в месяц. Да как можно прожить на эти 70-то рублей! Многие депутаты говорили, что мы должны что-то немедленно сделать, чтобы изменить материальное положение этих людей. И вся страна, следящая по те-

левизору за Съездом, думала, что будет принято соответствующее решение. А спустя несколько месяцев наша пресса раскопала и опубликовала, что было повсеместное повышение заработной платы партийного аппарата. И когда Горбачеву депутаты задали этот вопрос, он ответил, что у партаппаратчиков очень тяжелая работа и мало охотников заниматься ею" (*"Новое Русское Слово"* от 29 марта 1990 г., Нью-Йорк).

Да, именно так все и было. В статье "Сколько платят за добродетель?" ("Московские новости" № 3 от 21 января 1990 г., с. 5) политолог Е. Амбарцумов пишет:

"В последние полтора года, начиная с XIX Всесоюзной партконференции, довольно часто особенно от секретарей обкомов приходилось слышать требования повысить зарплату работникам партийного аппарата. И вот дело сделано. Okлад инструктора обкома КПСС повышен с 250 рублей до 370-400; заведующего отделом — с 380 до 600; секретаря обкома — с 450-500 до 700-750; а первого секретаря — с 550 до 850. Эти цифры взяты мною из провинциальных газет. Уже месяц, как они преданы огласке и никем, в том числе и центральной партийной печатью, не опровергнуты.

...Сегодня, пожалуй, как никогда прежде, мы ратуем за оплату по труду, точнее — по результату труда. Между тем сама наша правящая партия самокритично признает, что руководимое ею общество оказалось в кризисном состоянии. Так за какие же заслуги, спрашивается, такая прибавка к зарплате?

...И в то время, когда для всех остальных трудящихся страны зарплата на ближайший год фактически заморожена?

...уже повышены оклады и работникам профсоюзов, комсомола, исполкомов Советов. Можно только выразить сожаление, что это произошло как раз тогда, когда престиж этих организаций упал ниже некуда, когда официальные профсоюзы, к примеру, настолько оторвались от нужд трудящихся, что уже возникают альтернативные организации - стачечные и рабочие комитеты”.

Существует советский исторический стереотип, согласно которому первобольшевики – зачинатели советского государства – были аскетами и жили чуть ли не хуже среднего обывателя начала советской эры. Есть множество печатных опровержений этого стереотипа на разных языках мира. Но ведь советский читатель и западный советолог верят прежде всего советской прессе. На нее и сошлемся. ”Аргументы и факты” (№ 27, 1990 г.) в рубрике ”История и современность” публикуют статью кандидата исторических наук А. Подщеколдина ”1922 год: фабрики – рабочим, привилегии – партаппарату”. В ней, в частности, сказано: *в июле 1922 года* Оргбюро ЦК РКП(б) приняло

”постановление ”Об улучшении быта активных партработников” – документ, заслуживающий особого внимания, а также комментария, ибо опубликован он был в существенно усеченном виде. В постановлении устанавливалась четкая иерархия окладов партработников всех уровней. Так, минимальный оклад партработника – для секретарей ячеек на предприятиях и сельских ячеек – устанавливался в 300 руб., для членов ЦК, ЦКК, секретарей губкомов – 430 руб. в месяц. Примерно такими же были и оклады ”ответственных работников” – коммунистов в соответствующих совет-

ских и хозяйственных органах. При этом для партработников с семьей из трех человек предусматривалось увеличение окладов на 50% и еще на 50% — "за работу во внеслужебное время". Отчисления с высоких окладов, то есть то, что в обиходе называлось "партмаксимумом", были чисто символическими, и начинались они со ставки в размере 645 руб. Для сравнения: средняя заработная плата в промышленности летом 1922 г. составляла около 10 руб. в месяц.

Помимо окладов, "активные партработники" и члены их семей получали партийный продовольственный паек, бесплатно обеспечивались жильем, одеждой, медицинским обслуживанием, иногда персональным транспортом. Так, например, члены РКП(б) — "ответственные работники" центральных советских органов — летом 1922 года получали в месяц дополнительно к окладам 12 кг мяса, 1,2 кг сливочного масла, 1,2 кг сахара, 4,8 кг риса и т. п. Для работников губернского уровня (по терминологии тех лет — губернского "масштаба") партийный паек был заметно скуднее: 4,6 кг мяса или рыбы, 1 кг "жиров", 400 г сахара, 162 папиросы, 3 коробка спичек и т. п. Каких-либо данных о продовольственных пайках для рабочих мне пока обнаружить не удалось.

Добавлю, что наиболее "ответственные" работники периодически проводили отпуск (от одного до трех месяцев) в домах отдыха за границей. Туда же они выезжали для поправки здоровья, часто в сопровождении членов семьи и лечащих врачей, тоже за счет бюджета партии. Приведу такой пример: по постановлению Секретариата ЦК от 5 мая 1922 г. на проезд до места отдыха или лечения выделялось 100 руб. золотом, на первый месяц пребывания в санатории — 100 руб. золотом, на "устройство и мелкие расходы" — еще

100 руб. золотом на каждый последующий месяц, проведенный за границей. Решения в каждом случае принимались Секретариатом ЦК.

Как было сообщено, летом 1922 г. общее число партработников, получавших оклады и паек из партийного бюджета ("командный состав партии"), составило 15325 человек, а с членами семей — 74470 человек. К ним надо добавить примерно 1920 членов РКП(б) — "ответработников" советских и хозяйственных органов".

Разумеется, состоятельные и даже средние слои развитого демократического общества живут богаче и комфортабельней основной массы партийных и комсомольских аппаратчиков. Но следует учесть, по меньшей мере, два обстоятельства: 1) "воротилы буржуазного бизнеса", в отличие от коммунистической партократии, обеспечивают всему обществу высокую эффективность производства и — соответственно — приличный уровень жизни; 2) привилегии социалистической номенклатуры любого рода и ранга — это привилегии лагерных придурков, пусть ничтожные, по сравнению с нормальной жизнью, но выживательные. Тем они и невыносимы для всех остальных, чье выживание сомнительно.

Вот еще несколько примеров придурочьих привилегий соцлагеря. До недавнего времени драгоценным здоровьем номенклатурной элиты занималось 4-е Главное управление Минздрава СССР. "Аргументы и факты" № 11 за 1990 г. на с. 2 сообщают:

"Согласно постановлению Совета Министров СССР № 866 от 12 октября 1989 года 4-е Главное управление при Минздраве СССР упразднено.

13 февраля 1990 г. на заседании Комиссии

Верховного Совета СССР по льготам и привилегиям заместитель Председателя Совмина СССР А. Бирюкова сообщила о создании лечебно-оздоровительного управления при Совмине СССР.

Читатели спрашивают: что же тогда изменилось?

Прокомментировать данную ситуацию наш специальный парламентский корреспондент В. Романенко попросил народного депутата СССР, члена Комиссии Верховного Совета СССР по льготам и привилегиям Ю. Цавро.

...Вновь созданное в огромных масштабах лечебно-оздоровительное объединение при Совмине СССР будет еще более обособленным, неконтролируемым, элитарным и содержащимся непосредственно налогоплательщиками.

...Здравоохранение четко разделено на две системы — элитарную и народную.

Первая обслуживает не только аппараты власти, общественных организаций, ведомств (в том числе ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС), но и родственников, близких и просто знакомых. Она отняла у народного здравоохранения с его мизерным бюджетом солидную часть, не ограничивая себя ни в чем, особенно в насыщении дорогостоящей импортной диагностической аппаратурой, мебелью и т. п. Скромно называемые 130 млн., используемые на элитарное здравоохранение (эта цифра вызывает большое сомнение), или 0,5% от общего бюджета — в абсолютных цифрах на душу населения выглядят следующим образом: в элитарной системе 1750 руб., в общем здравоохранении 60-100 руб.

...Предложение комиссии использовать санаторий "Ай-Даниль" (Ялта) для лечения и отдыха иностранных граждан (с целью заработать валюту для этой же системы) при необеспеченности путевками граждан СССР

(одна путевка в 35 лет), дефиците детских санаториев — звучит кощунственно, если не более!

...В распоряжение вновь образованного лечебно-оздоровительного объединения при Совмине СССР ...передаются в полной сохранности подсобные специальные хозяйства, автопарки, строительные и ремонтные организации, парниковые хозяйства и т. д., которые будут теперь обслуживать не 69171 человека, а 35 тысяч! Совершенно не ясно, кто эти 35 тысяч, которые будут обслуживаться во вновь созданной системе.

...Кроме системы 4-х Главных управлений прекрасно процветают санатории и дома отдыха ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС (элитарные санатории типа "Парус"), Совета Министров СССР, Верховного Совета СССР, Мосгорисполкома...

...Довод о "сверхинтенсивном режиме труда" аппарата и необходимости создания с этих позиций элитарной медицины несостоятелен. Хотя бы потому, что "12-14 часов ежедневной, напряженной, многолетней работы" дали плачевный конечный результат: страна, и в частности здравоохранение, в критическом состоянии".

В выступлениях г-жи Бирюковой по вопросу о привилегиях отчетливо присутствует надежда на подкуп строптивного депутатского корпуса эпохи "гласности". Ю. Цавро сообщает (там же):

"В докладе А. Бирюковой приведены данные о том, что 1269 народных депутатов, а с учетом их семей 1821 человек, прикреплены к бывшему 4-му управлению. Во-первых, цифра явно необоснованная. Во-вторых, целенаправленное муссирование этого вопроса в докладе нашей комиссии на II Съезде народных депутатов СССР

и в отчете А.Бирюковой, мне кажется, сознательно уводит суть проблемы в сторону. Дескать, меньше будет возражений против элитарной медицины, ведь и народные депутаты пользуются ее услугами.

Глубоко уверен, что депутатский корпус может и должен пользоваться системой общего здравоохранения, приобретая путевки для санаторно-курортного лечения согласно медицинским показаниям и через профсоюзы.

1 марта 1990 г. состоялось заседание Комиссии по льготам и привилегиям. Внесенные мною предложения были поддержаны членами Комиссии”.

Заметим: даже полная (крайне мало вероятная) победа единомышленников Ю. Цавро в этом вопросе будет чисто моральной и общего положения не облегчит. Исконная эгалитарная программа социализма всех образцов: ”догнать — отобрать — разделить — съесть” (в ленинском варианте — ”грабь награбленное!”) никого не накормит. Микроскопическая подушная прибавка потонет в океане народной нужды. Но ведь обидно людям наблюдать эту разницу — так же обидно, как работяге в лагере видеть увесистую пайку придурка.

3. Зато по науке!..

У социализма должно было быть одно априорное преимущество перед другими социально-экономическими формациями: предполагалось, что он будет строиться и функционировать разумно, научно, планомерно. Надо думать, что именно это имеет в виду генеральный президент Горбачев, вновь и вновь напоминая разнооб-

разным аудиториям об огромных неиспользованных резервах социализма как строя.

Как же выглядят сегодня природа и хозяйство страны, природные ресурсы и человеческие резервы которой восьмой десяток лет организуются и используются сознательно, научно, планово? Отчасти мы это уже показали. Дополним картину еще некоторыми деталями. В избытке рассеянные по страницам советской периодики, они обретают особую выразительность, собранные хотя бы в небольшой своей части воедино.

Итак, экология — проблематика несомненно общенациональная, более того — глобальная. В любом, самом демократическом, обществе экологическая ситуация курируется государством и, согласно усиливающейся мировой тенденции, даже сообществами государств. Казалось бы, в централизованно-плановых обстоятельствах государству в этой области жизни — все карты в руки. Читатель, конечно, знает, что в СССР экологическая обстановка плоха, но все же окинем ее беглым взглядом еще раз — с опорой, как и везде, на советские источники 1988-1990 годов. Они, если и ошибаются или лгут, то уж во всяком случае — не в худшую для Советского Союза сторону. Итак:

”За четверть века в стране удвоилась частота появления врожденных наследственных дефектов у детей. Детская смертность в 2,5-5 раз превышает показатели развитых стран. Частота заболевания раком за период с 1930 по 1957 год утроилась, а к 1987 г. возросла еще в 1,5 раза. Продолжительность жизни уменьшилась по сравнению с 1965 г. и составляет 69,5 года” (*Аргументы и факты* № 15, 14-20 апреля 1990 г., с. 1).

Другие советские источники конца 1980-х гг. указывают для мужчин цифру 68 лет (в Японии для муж-

чин — 75,6 года, для женщин — 81,4. "Аргументы и факты" № 16, 1990 г.).

О региональной статистике говорилось выше: средняя продолжительность жизни у малых народов Севера и Северо-Востока — 42-45 лет, на Урале — на десять лет меньше, чем по Союзу в целом. В чем же причины крайне редкого даже для "третьего мира" снижения продолжительности жизни в СССР?

"Отходы производства — пыль, газовые выбросы, остаточное тепло, давление, загрязненные сточные воды, свалки нарушают экологическое равновесие и вызывают рост заболеваний. По данным ВЦНИИ охраны труда, сейчас около 20% заболеваний обусловлены ухудшающимися условиями окружающей среды и еще 20-38% связаны с условиями труда на рабочем месте" ("Аргументы и факты" № 15, 1990 г., там же).

Итак, экологическое неблагополучие (включим в него и производственные условия) порождает 40-58 процентов роста заболеваний и смертности.

Вопрос о переброске части стока северных рек на юг еще недавно казался решенным отрицательно. Сегодня он снова дискутируется, причем по инициативе центральных ведомств. Еще в 1988 году С. Залыгин писал об этом не просто бессмысленном, но и чудовищно вредном экологически, экономически и социально проекте:

"Если в Узбекистане не хватает воды, так почему же там оказались заболоченными земли всей Каракалпакской АССР? Каракалпакская драма, по существу, сопоставима с черныбыльской: там, на землях недавней пустыни и цветущих оазисов, теперь нельзя жить, люди болеют и умирают, женщины рожают неполноценных детей, заболачивание прогрессирует, оросительные нормы

достигают 55 тыс. м³ на 1 га при максимально допустимых 15-20 тыс. м³ на 1 га.

Минводхоз виноват всерьез, по-чернобыльски, но и тут он поворачивает проблему в свою пользу: воды не хватает, значит, нужна переброска! Больше того — проблема эта используется в неблагоприятных целях и истолковывается так: РСФСР не хочет дать воду Узбекистану, где людям уже нечего пить.

Но вот в чем дело — чем больше воды, тем больше ее потери, — это во-первых; во-вторых, не спасет Арала проектируемая переброска; и, в-третьих, проект переброски ни технически, ни экономически не обоснован, он не выдерживает критики.

Начнем с того, что в оросительных системах Средней Азии на испарение, фильтрацию и сброс (по разным источникам) теряется 30-50 км³ воды, сбросные воды создают второй, искусственный Арал, заполняя колоссальную Сарыкамышскую впадину, заболачивая огромные пространства вдоль Каракумского канала в Туркмении.

Теперь уже и Ашхабаду угрожает участь Каракалпакии и Нукуса. Более 150 скважин откачивают из-под Ашхабада грунтовые (читай — оросительные) воды. И это происходит в безводной пустыне! Ведь еще 15-20 лет тому назад это было немыслимо — болота в пустыне!" (в сб. *"Перестройка: гласность — демократия — социализм. Иного не дано"*. Изд. "Прогресс" М., 1988, с. 231).

Оказывается, в научной плановой экономике все мыслимо.

С. Залыгин много лет занят подвижнической борьбой с Минводхозом. Акад. А. Яблоков в статье "Экологическое невежество и экологический авантюризм. Завалы на пути перестройки" дает картину более общую:

”В 1987 г. атмосфера над 104 крупными городами страны, в том числе в Кемерове, Запорожье, Жданове, Новокузнецке, Ереване и других, была насыщена загрязняющими веществами в концентрации более чем в 10 раз больше предельно допустимой по окиси углерода, двуокиси азота, сернистому газу, фтористому и хлористому водороду, фенолам, аммиаку, сероводороду и др. (К. Кондратьев, В. Зуев, Л. Соловьев. "Гроза над биосферой". "Правда", 11 июля 1987 г.; П. Полетаев. "В ответе перед природой". "Правда", 5 июня 1987 г.).

До опасного уровня снизилось качество воды Немана, Днепра, Печоры, Оби, в низовьях Волги.

По-видимому, не менее чем в половине наших рек концентрация загрязнителей достигает предельно допустимых величин, а в каждой седьмой реке их концентрация превышает предельно допустимую в 10 и более раз. В период обработки пестицидами рисовых полей ПДК в ряде южных рек превышает норму в сотни раз!

Вылов осетровых, лососевых, сельдевых, крупного частика, составлявший в 1948 г. около 1 млн. т, снизился ныне в несколько раз. Уловы в когда-то самом продуктивном море мира — Азовском — упали в 25 раз. Общий улов рыбы в Каспии снизился в 1,5 раза, да и вылавливается теперь в основном килька. Рыбу из озера Балхаш и ряда крупных водохранилищ становится опасным употреблять в пищу из-за высокого уровня загрязнения воды.

Кое-где в Средней Азии увеличилась смертность населения в результате резкого ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки, вызванной ухудшением качества воды.

В результате неправильного ведения сельского хозяйства — перевыпаса, распашки маргинальных зе-

мель, неправильного орошения — десятки миллионов гектаров продуктивных земель выпали из сельскохозяйственного пользования, и истинные масштабы этого процесса только сейчас выясняются с помощью спутниковых наблюдений. По некоторым подсчетам, из строя ежегодно выходит больше земель, чем их вводится благодаря мелиорации. Ежегодное увеличение площадей полупустынь составляет в ряде районов страны 10%.

Тает гумус — основа естественного плодородия почвы: черноземы с содержанием гумуса 14-16% перестали существовать вообще, а площадь черноземов с содержанием гумуса 10-13% уменьшились в 5 раз...” (в сб. *"Перестройка: гласность — демократия — социализм. Иного не дано"*. Изд. "Прогресс", М., 1988, с. 239).

Профессионала-эколога А. Яблокова потрясает тот факт, что капиталистическое хозяйство, которому в марксистской системе понятий положено быть хищническим и хаотическим, решает экологические проблемы лучше, чем плановое социалистическое:

”Уверен, что многие удивятся, услышав, что в крошечной по сравнению с нашей страной Швеции (в 50 раз меньше) ежегодно отстреливается охотниками больше лосей, чем в СССР. Это отражает высокий уровень сохранения и поддержания качества окружающей живой природы. При значительно более широком промышленном развитии Швеции потребление воды, энергии, кислорода, металла и других ресурсов на единицу продукции здесь разительно ниже, чем в СССР. Даже в планируемых нами показателях на 2005 г. мы не предусматриваем того уровня энерго- и ресурсосбережения, которые характерны для Швеции начала 80-х

годов! Добавлю, что в Швеции подвергается полной очистке более 90% всех стоков, у нас, *наверное*, около 50%. Высок и уровень урбанизации — в 1980 г. более 85% всего населения Швеции жило в городах и поселках городского типа. По климатическим условиям Швеция близка центральной части европейской территории СССР, и ссылки на особо благоприятные климатические условия, которые часто приводятся в оправдание — например, отставания нашего сельского хозяйства от сельского хозяйства других стран, — здесь не годятся. В этом же ряду назову еще Японию как пример в целом показательного сочетания небывалого развития промышленности и сохранения природы страны. О состоянии дел в этой области говорит тот простой факт, что главными проблемами Японии в области охраны среды ныне являются не выбросы загрязняющих веществ, не нехватка заповедных и других охраняемых территорий, не загрязнение водоемов, как у нас, а шум и запахи” (там же, с. 241).

Обратите внимание на выделенное нами *"наверное"*: у автора точных данных нет, ибо их нет в отечественной статистике.

”Пример Японии показателен, поскольку еще два десятилетия назад она была лидирующей в загрязнении и воздуха и водоемов. Чтобы справиться с этими, как кажется до сих пор некоторым, неизбежными спутниками интенсивного развития промышленного производства, оказалось необходимым тратить на охрану окружающей среды не около 1%, как это было в период максимального загрязнения (и сколько тратится у нас), а 5-6% валового национального продукта.

Долгое время в природоохранной литературе гибель Великих Американских озер приводилась как пример

неизбежных последствий индустриализации. Сконцентрировав усилия, федеральное правительство и правительства штатов смогли не просто улучшить ситуацию, а восстановить жизнь в озерах, где сейчас вновь начался даже промысел лососей. И хотя это обошлось стране в 11 млрд. долл., промышленность от принятых мер не пострадала, а выиграла, перейдя на более совершенные безотходные и малоотходные технологии” (там же, с. 242).

Дополним акад. Яблокова. Его коллега-медик проф. А. И. Воробьев в письме в редакцию “Нового мира” по поводу последствий Чернобыльской катастрофы пишет:

”В Хиросиме и Нагасаки в 50-е годы были созданы специальные диспансеры, хорошо оснащенные современным оборудованием. В этих диспансерах раз в год обязательно осматривают пострадавших в атомной бомбардировке. В эти диспансеры они могут обращаться по поводу любого заболевания. Вот и все. А результат оказался поразительным: пережившие атомную бомбардировку люди хотя и заболевают опухолями несколько чаще других своих соотечественников, но в целом живут несколько дольше именно за счет отлично поставленной диспансеризации. А ведь в Японии очень высокая средняя продолжительность жизни, и прибавка к средним цифрам нескольких месяцев достигается огромным трудом” (“Новый мир” № 3, 1989, с. 262).

В сверхиндустриальной перенаселенной Японии, перенесшей две атомные бомбардировки, повторим, самая высокая в мире средняя продолжительность жизни. Далее акад. Яблоков замечает:

”...потребление свежей воды на единицу промышленной индустрии в СССР многократно (!) выше, чем в большинстве развитых стран, КПД оросительных систем в передовых в этом отношении странах превышает 0,9, у нас — только 0,6 (до 40% воды теряется при орошении в европейской части, 60% — в Средней Азии) и т. д.” (в сб. *“Перестройка: гласность — демократия — социализм. Иного не дано”*. Изд. “Прогресс”, М., 1988, с. 248).

А. Яблокову вторит его коллега, акад. М. Лемешев. В том же сборнике (с. 263-264, 268), в статье “Экономические интересы и социальное природопользование” он пишет:

”В оставшиеся три года пятилетки (1988-1990 гг.) намечается снизить металлоемкость национального дохода страны на 6,9, а энергоемкость на 5,3%. Такие темпы снижения ресурсоемкости не отвечают имеющимся резервам в нашем производстве, а главное — они явно недостаточны для экологически допустимого развития производства и его воздействия на окружающую среду. Для сравнения укажем, что в экономически развитых странах темпы снижения ресурсосбережения намного выше. Так, за 1971-1985 гг. энергоемкость валового национального продукта в США сократилась на 33, а в Японии на 78% (М. Лемешев. *Земля тревоги нашей*. — *“Комсомольская правда”* от 10 февраля 1988 г.). Следует иметь в виду, что такое снижение в указанных странах было достигнуто при гораздо меньшей исходной материалоемкости производства по сравнению с СССР.

Следует ясно отдавать себе отчет в том, что при планируемых высоких темпах роста производства и

таких ничтожных заданиях по его интенсификации достижение гармонии между экономикой и экологией вообще недостижимо.

...Перманентный рост производства промежуточных продуктов работниками плановых и хозяйственных органов обычно обосновывается необходимостью преодоления дефицита этих продуктов. При этом лица, принимающие решения, как бы не замечают того удивительного факта, что с ростом производства недостающих продуктов, при сохранении сложившейся структуры производства их дефицит не ликвидируется, а, напротив, резко возрастает. Покажем это на примере электроэнергетики. В 1960 г. в СССР производилось 292 млрд. кВт.ч электроэнергии. В 1987 г. ее производство возросло до 1665 млрд. кВт.ч, т. е. в 5,7 раза (*"Правда" от 24 января 1988 г.*). Между тем дефицита электроэнергии в 1960 г. в явной форме не наблюдалось. Электрички в ту пору ходили по расписанию, улицы в городах были освещены, заводы, фабрики и шахты работали без перебоев, хотя коэффициент сменности в промышленности был выше, чем теперь. В 1987 г. из-за дефицита электроэнергии и резких перебоев в электроснабжении многие промышленные предприятия пришлось переводить на скользящие графики, проще говоря, допускать перебои в работе, что особенно пагубно сказывается на предприятиях с непрерывным производственно-технологическим процессом" (*"Правда" от 26 апреля 1987 г.*).

Весьма характерно, что авторы всех трех экологических статей сборника "...Иного не дано" отчетливо видят виновников губительной абсурдности советской природоохранной стратегии и тактики: у С. Залыгина — это Минводхоз, у А. Яблокова — главным образом,

специалисты-химики; у М. Лемешева – планирующие инстанции как таковые. Интеллектуалы националистического "правого" (в нынешней советской терминологии) края обвиняют в тех же грехах "малый народ", то есть западников и евреев, а социалистические либералы – номенклатурную партбюрократию. Недавно один из просвещенных советских гостей сказал нам, что главным достижением "гласности" он считает исчезновение из общественного сознания всезаслоняющей злокозненной фигуры врага. Нам же представляется, что эта фигура отнюдь не исчезла, а расслоилась на множество контуров и теперь враг у каждого круга свой. Правда, есть, и в немалом количестве, утешительные исключения, зрящие, по Козьме Пруткову, в корень.

Ближе всего к проблемам экологическим стоят в экономике проблемы сельскохозяйственные. В СССР очень распространена точка зрения, что советскому сельскому хозяйству не додано городом и государством. Но это такая же фикция, как недостаток воды в Средней Азии. Сторонники этой точки зрения, пытаясь ее обосновать, запутываются в логических противоречиях. В газете "Аргументы и факты" № 8 за 24 февраля – 2 марта 1990 г. на с. 4 помещена статья "Из заколдованного круга". Автор – директор крымского совхоза-завода "Виноградный" кандидат экономических наук Г. Авраамов – пишет:

"Город – село. Я согласен с теми, кто говорит, что город в большом долгу перед селом. Долгие годы развитие промышленности, материальной и социальной базы города шло за счет деревни. Из села в город был непрерывный поток рабочей силы. Чтобы приостановить этот процесс, сталинские методы совершенно неприем-

лемы, так как близки к крепостному праву. А путь таков: так же, как мы занимались городом, мы должны заняться и селом.

Когда в деревне нет электричества, дорог, хороших амбаров, больниц, школ, клубов, кто останется в ней работать?

Для справки: по сравнению с предыдущим годом в 1989 г. ввод жилья на селе сократился на 9%. Не введено 33% детских садов и яслей. 38% поликлиник, 37% домов культуры.

Из ничего ничего и бывает. Этот закон будет существовать во веки веков.

Техника. Наш плуг служит всего 2-3 года. Почему так мало? Потому что качество металла плохое, оно совершенно не соответствует предусмотренным технологиям. И он, ясное дело, изнашивается за короткий срок. А хороший металл идет на вооружение. Японцы производят плуг, который работает 40 лет. Цель наших министерств — выпускать дорогую по цене и металлоемкую технику, совершенно не задумываясь, насколько она отвечает требованиям сельчан.

Для справки: как признался один из руководителей Госплана СССР, ежегодно в сельское хозяйство страны поступает 350 тыс. тракторов, а 300 тыс. — списывается”.

Помилуйте, какие же денежные и материальные инъекции здесь помогут? Даже двадцать пять миллиардов долларов, которых требует от президента Буша на спасение Горбачева и двадцати пяти миллионов (?!?) советских евреев А. Янов* (такой же, по-види-

* См. хотя бы ст. В. Козловского "Прямые авиарейсы и поправка Джексона" ("Новое Русское Слово" от 7 марта 1990 г.) или ст. Б. Езерской "Чего не дали сказать профессору Янову", содержащую запись ее бе-

тому, экономист, как историк), исчезнут в этой бездонной прорве, как все предыдущие вложения. А было их, вопреки ходячему заблуждению, астрономически много. А. Беккер в газете "Московские новости" № 10 от 11 марта 1990 г. сообщает (с. 10):

"Смерть за аренду

Нынешнее появление на горизонте частного определенные слои населения приписывают "козням" ученых и подпавшим под их теории государственным лидерам. Однако корень явления основательнее — всеобщий кризис агрокомплекса.

Капиталовложения. Около 1 триллиона рублей расторило сельское хозяйство за 30 лет, не выйдя на мировые рубежи НТР.

Финансовая сфера. За последние 25 лет с колхозов и совхозов списано 26,7 млрд. руб. долга. Сумма отсроченных платежей по кредитам банка составляет 145,5 млрд. руб.

Производство. В 80-е годы прирост сельхозпродукции едва покрывает прирост населения страны.

Земледелие. Ускоряется деградация почв: из 200 млн. га пашни смыт 41 млн., закислены — 52, выветриваются — 93.

Продовольственный паралич смягчается лишь импортом съестного — на 8,7 млрд. инвалютных руб. только за 1988 год".

Так куда же еще тут вкладывать капиталы?

Непростительно щедрые (при столь вопиющей бедности собственного населения) средства руководство СССР уделяет своим идеологическим партнерам (или бывшим

седы с ним ("Новое Русское Слово" от 14 марта 1990 года).

недавно таковыми, или только еще обхаживаемым) за рубежом. "Московские новости" № 49 от 3 декабря 1989 года опубликовали (с. 6) за подписью кандидата исторических наук А. Картунова статью "Щедрость или расточительство" с подзаголовком "Заметки о советской экономической помощи". Вот что он сообщает:

"В расходной части бюджета СССР на 1990 год предусмотрено выделение 26.421.362 тыс. руб. на "финансирование внешней торговли, расходов по государственным, банковским, коммерческим операциям, оказанию безвозмездной помощи иностранным государствам и другим расходам по международным связям", чтобы собрать такую сумму, каждый житель — от новорожденных до седых стариков — должен выложить за год почти по сотне рублей. В законе о бюджете не сказано, на какие конкретные цели пойдут эти средства.

...Ясно, однако, что львиная доля из двадцати шести миллиардов придется на помощь зарубежным странам. По данным МИД, в текущем году ее общий объем составил более 12 млрд. руб., или 1,4 проц. ВВП.

По соотношению помощи и ВВП СССР превосходит ФРГ в три раза, Великобританию — в три с половиной раза, США — почти в шесть раз. Отставание СССР от ведущих западных стран по основным показателям экономического развития в 80-е годы нисколько не отразилось на этом соотношении.

Программы помощи выглядят более чем внушительно и в сравнении с другими статьями госбюджета. Сумма в 12 млрд. на треть превышает расходы на науку или на правоохранительные органы, в три с половиной раза — расходы на образование, профессиональную подготовку, культуру, искусство и

средства массовой информации, вместе взятые, в 21 раз — затраты на здравоохранение и физическую культуру. Эта сумма почти равна всем расходам на мероприятия по повышению уровня жизни народа в 1990 году (13,4 млрд. руб.).

Подобную щедрость хотелось бы интерпретировать как свидетельство приоритета общечеловеческих интересов над национальными в политике СССР. Но разве мы помогаем самым нуждающимся? Географическое распределение нашей помощи показывает, что это не так. По западным оценкам (в дальнейшем придется оперировать главным образом западными оценками ввиду отсутствия официальных советских данных), из всего объема экономической помощи не менее четверти — около 3 млрд. руб. в год — приходится на Кубу. Известно, что мы покупаем кубинский сахар по цене, в четыре раза превышающей среднемировую”.

По более поздним советским данным — в 11 раз. Далее следует:

”Между тем субвенции из госбюджета, выделенные Киргизии на будущий год, составляют 555.453 тыс. руб., а Таджикистану — 405.784 тыс. руб. Иными словами, обе советские республики, вместе взятые, получают в три раза меньше средств, чем далекий остров в Карибском море.

Не только социалистические, но и многие страны ”третьего мира”, получающие советскую помощь, отличаются авторитарными или диктаторскими методами правления, культурами лидеров, жестоким преследованием оппозиции, коррупцией.

...Но главное, на мой взгляд, даже не в этом. По западным оценкам, экономическая помощь СССР состав-

ляет не более одной трети от его военной помощи другим странам. Военная помощь, по всей видимости, по крайней мере частично проходит по другим статьям госбюджета, в частности по статье расходов на оборону. С учетом военной помощи доля средств, отрываемых от народного хозяйства СССР, значительно превышает 1,4 проц. ВВП.

На Советский Союз приходится менее 5 проц. общемирового экспорта. А советский экспорт оружия, по западным оценкам, составляет 28 проц. мирового (32 проц. военных поставок в страны "третьего мира"). В 80-е годы в среднем 25 проц. всех вооружений, производимых в СССР, экспортировалось.

...Слово "экспорт" в данном случае не должно вводить в заблуждение. Только очень немногие, главным образом нефтедобывающие страны "третьего мира" способны оплатить поставки вооружений (да и они в последние годы делают это все менее охотно). Подавляющее же большинство получателей оружия покупают его в долг (у Эфиопии, Анголы, Южного Йемена эти долги исчисляются миллиардами рублей). Оплата долгов все откладывается, а нередко долги просто списываются.

На определенном историческом этапе советская военная помощь способствовала укреплению независимости молодых государств. Но во многих случаях она способствовала и деформации их политического развития, чрезмерному влиянию военных, милитаризации всей общественной жизни. Подчас эта помощь стимулировала авантюризм во внешней политике, воинственность в отношении соседей. Советская военная помощь используется репрессивными режимами для подавления внутренней оппозиции, национальных меньшинств и религиозных движений".

Можно ли удивляться тому, что в СССР эпохи "гласности" развернулась во всю свою мощь плеяда блестящих сатириков, сарказм которых горше черномыльских анекдотов с их зловещим антиюмором? Ведь даже бесхитростные письма читателей в редакцию выглядят нередко, как монологи Жванецкого, или Хазанова, или Задорнова, или Татьяны Толстой. Судите сами:

"Круговорот сала в природе"

Чтобы купить телевизор, нашим молодоженам пришлось сдать 30 кг цветного металла. А где его было брать? Спасибо, люди умные подсказали. Одна фляга весит 9 кг. Купили 3 фляги, разбили, добавили немного кастрюлями (тоже побитыми). Чтоб купить обувь или вообще какую-нибудь вещь, нужно сдать цветной металл, тряпье, бумагу, шерсть, сало. Люди и сдают, а что им остается делать? Выпустил завод фляги, люди их разбили. Поступили матрасы — порвали, подгрязнили — сдали на тряпье. Хорошо и плохим писателям в этой ситуации — в киосках все скупается. А сало? Прямо план перевыполняем!!! Привезли партию туфель, на 3 кг сала дают одну пару. Все — в магазин, купили сала, и я тоже, сдала в заготконтору, заготконтора — в магазин, следующий покупатель покупает этот же кусок и несет в заготконтору, и вот — "круговорот воды в природе". Государству, наверное, выгодно: я, к примеру, зараз и вещь куплю, и 2-3 матраса (пусть я их порву, деньги-то я внесла).

Но разве так можно?

И еще интересно — это у нас тут так или по всей стране такое творится? И какой же умник это придумал?" (Т. Маслабоева, пос. Видзы, Витебская обл.

"Аргументы и факты" № 17 за 28 апреля – 4 мая 1990, с. 3).

И каков же прогноз дальнейшей эволюции этой странной плановости, этой непостижимой научности, всегда приводящей к непредсказуемому результату, как правило противоположному заданной цели?

В газете "Московские новости" № 1 от 7 января 1990 года (с. 11), под рубрикой "Экономика" и красноречивым заголовком "Вытянет ли год лошади воз экономических проблем", полемизируют экономисты Борис Пинскер и народный депутат СССР, член-корреспондент АН СССР Николай Петраков. Прогноз первого, мягко говоря, неблагоприятен; прогноз второго – условно оптимистичен. Поскольку объявленные Н. Петраковым условия возрождения социалистической экономики заведомо нереальны и поскольку нам не раз приходилось писать о Н. Петракове как о виртуозном закройщике мнимого гардероба для голого короля, то мы будем ссылаться только на Б. Пинскера. Он не подвержен в своих всегда компетентных работах идеологической конъюнктуре. Но уж его придется процитировать достаточно широко, ибо он лаконичен и не прибегает к игре словесными фикциями:

"Мы оттягиваем реформы, выжидая более благоприятных условий уже 5 лет. За это время условия существенно ухудшились и будут только ухудшаться. Что говорить о 1990 годе? В таком контексте краткосрочные прогнозы имеют не много смысла.

...Отказ от радикальной реформы был бы чреват в перспективе – через 10-15 лет – следующими результатами:

– При изобилии сырьевых товаров на мировых рынках наш традиционный экспорт будет относительно

дешеветь, а импорт - дорожать, что приведет к сокращению объема внешней торговли и падения кредитоспособности в СССР. Следствием будет не только дальнейшее падение уровня снабжения населения, но и вынужденный отказ от модернизации ключевых отраслей промышленности, в том числе обслуживающих военно-промышленный комплекс.

— Попытка замедлить процесс сокращения внешней торговли приведет к усилению "сырьевого крена" экономики, к увеличению вложений в добывающие и перерабатывающие отрасли. Прямым результатом окажется обострение уже наметившихся транспортного и энергетического кризисов. При сохранении существующих пропорций хозяйствования и для поддержания развития преимущественно энергоемких и материалоемких отраслей необходима срочная и масштабная реконструкция транспортного и энергетического комплексов — задача трудноразрешимая даже в благополучные времена. Необходимость осуществлять эти задачи одновременно с форсированным развитием сырьевых отраслей потребует существенно сократить потребление. Неспособность же вовремя провести модернизацию транспорта и энергетики не позже середины 90-х годов приведет к массовым заторам на транспорте и сбоям в энергоснабжении.

Результатом этих процессов будет ускоряющееся отставание уровня жизни населения как от развитых капиталистических, так и от многих стран "третьего мира".

Усиление кризисных явлений в экономике вызовет неблагоприятные изменения в политической и социальной жизни: ...реальностью станут рост ожесточения и углубление социальных конфликтов, которые примут

форму конфликтов национальных и межрегиональных. Частично мы это уже наблюдаем.

...Неблагоприятность будущего, предвидимого в случае провала реформы, обостряется тем, что переход от нынешнего состояния возросших ожиданий и политической активности (как ответ на политику перестройки, гласности и демократизации) к новому административному зажиму не может быть ни легким, ни простым. Крутой поворот может потребовать усилий не только МВД и КГБ, но и частей регулярной армии. Иными словами, череда переворотов, бунтов может начаться намного раньше, чем экономическая и социальная ситуация станут действительно непереносимыми. То есть реализация основных пунктов прогноза может ожидаться не через 10-15 лет, а через 1-2 года после обращения правительства к военной силе. Наконец, несомненно, что правительство может быть действительно спровоцировано к вооруженному вмешательству ростом политического радикализма тех или иных групп населения. При этом оправданием экстремизма, залогом его жизнеспособности окажется нерешительность правительства в деле реформы”.

Краткосрочный вариант ”неблагоприятного прогноза” Б. Пинскера представляется более вероятным, чем долгосрочный. Сама постановка вопроса: ”нерешительность правительства в деле реформы” — не исчерпывает сложности ситуации. Дело не только в готовности или неготовности правительства к фундаментальным реформам, но и в объективной сверхсложности их проведения. Огромный многонациональный, этнически и социально конфликтный, деклассированный в производительном смысле (нет крестьян и предпринимателей), экологически вырожденный конгломерат СССР уже слиш-

ком хаотизирован для сравнительно мирной положительной реформации.

Приведем один зарубежный прогноз относительно будущего СССР. Парижская газета "Русская мысль" № 3815 от 16 февраля 1990 года (с. 7) опубликовала под рубрикой "Запад и Советский Союз" материал "Энергетический кризис в Советском Союзе". В нем, в частности, сказано: в СССР

"В течение первых семи месяцев прошлого года добыча нефти упала на 10,5% по сравнению с 1988 годом. Добыча угля, парализованная прошлым летом рабочими забастовками в Западной Сибири и на Украине, снизилась на 20,7 миллионов тонн.

«У них больше потенциальных запасов под вечной мерзлотой Сибири, чем в остальном мире, но они не могут до них добраться, — говорит американский нефтяник Джек Эванс. — Они отчаянно нуждаются в западной технике. Когда они бурят новые скважины в сибирской вечной мерзлоте, то эти скважины рушатся. Русская нефтепромышленная технология примитивна и совсем устарела. В Венгрии Советский Союз пустил 5 нефтеперерабатывающих заводов, а я бы их все пустил на свалку».

По словам специалистов, Советы вынуждены искать новые запасы в невозможных условиях по той причине, что они бесхозяйственно отнеслись к огромному количеству доступных запасов.

«Они проводили мокрую закладку в только наполовину эксплуатируемых нефтепромыслах, чтобы выполоскать еще остающиеся там запасы. Но в такой операции, если накачивать слишком много и слишком быстро, то нужно это делать осторожно. А они по старой привычке работали как сумасшедшие, и выходила халтура. Теперь,

чтобы добыть бóльшую часть этих испорченных запасов, каждый баррель обошелся бы в 100 долларов. Сибирские запасы — это единственные неопорожненные запасы, которые у них еще есть».

Советы растранижирили свои богатства тем, что "отработали" свои нефтепромыслы в течение последнего брежневского десятилетия, когда увеличенная добыча нефти составляла их главный источник экономического роста.

«От 70 до 96 процентов залежей Западной Сибири, т. е. приблизительно 5 миллиардов тонн, было получено из 4-х или 5-ти гигантских промыслов, которые нынче находятся в последней стадии своего цикла жизнеспособности», — сказал Лесли Динес, аналитик радио "Свобода".

Каждый день приносит новые данные: газета "Московские новости" № 20 от 20 мая 1990 г. в статье своего спецкорреспондента В. Гуревича "Какого мы роста", помещенной на с. 6, сообщает:

"Чем больше мы пытаемся разобраться в своей экономике, тем меньше остается "истин", на которых покоились наши представления о ней. Международная конференция "Сравнивая экономику СССР и США: производство, потребление, военные расходы", проходившая недавно под Вашингтоном, показала: разрушение догм еще впереди".

Кто стоит за местоимением "наши"? О чьих и каких догмах идет речь? Огромная многоязычная, в том числе — неподцензурная и зарубежная русская, литература предсказала, обосновала и продолжает показывать и аргументировать беспочвенность "ваших" представлений, не просто порочность, но злокачественность давно опровергнутых мыслью и жизнью догм.

То, что это почти уже роковое "мы" включает в себя не только ЦСУ, но и ЦРУ, не только советскую образованщину, но и большинство западных прогрессивных интеллектуалов, многим исследователям, в том числе Игорю Бирману (до того, как стать "главой консультативной фирмы из Мериленда", он был москвичом), стало ясно далеко не вчера. Но "вы" их в упор не видели. Теперь приходится удивляться:

"По данным ЦРУ, например, валовой национальный продукт нашей страны составляет 50 с небольшим процентов от ВВП США. Именно таким был на Западе традиционный взгляд на мир, и он почти совпадал с нашим, причем Госкомстат казался даже "объективнее": из его оценок выходит, что советский ВВП чуть меньше 50 проц. от американского.

Пожалуй, гармония этих цифр теперь непоправимо нарушена. "Когда десять лет назад, — признался на конференции Игорь Бирман, глава консультационной фирмы из Мэриленда, — я пришел к выводу, что советский ВВП не достигает и 20 проц. от США, то испугался: я был один, а их было двое — ЦРУ и ЦСУ. И написал: больше 20 проц.". Это тоже был вызов, но перчатку даже не заметили... Материалы сегодняшней конференции в США не просто заметили — восприняли как международное событие. В частности, цифру, которую обосновывал в своем докладе советский экономист Виктор Белкин: ВВП СССР — 14 проц. от США. То есть мы делим с Индией 7-8-е места.

Говорили разное. Но никто не повторил официальной цифры советских военных расходов — 70 с небольшим миллиардов рублей. Ни один из участников конференции не считал ее серьезной.

200 миллиардов, то есть близко к 25 проц. советского ВВП — так определил в своем докладе И. Бирман размеры военных расходов в СССР (аналогичные расходы в США — 6 проц. их ВВП)”.

Мы не будем целиком переписывать эту корреспонденцию. Заметим только, что поразившая В. Гуревича нинаандреевская ментальность экспертов ЦРУ и части американских университетских специалистов имеет двойкие корни: с одной стороны, куда бóльшая, чем в СССР, приверженность исходным социалистическим догмам, с другой, как это ни злопыхательски выглядит, — семьдесят с лишним лет виртуозной работы советской агентуры влияния.

Итак, согласно приведенным выше данным, ВВП СССР составляет сегодня 14% ВВП США; причем на военные цели СССР тратит 25% своего ВВП, а США — 6%. Следовательно, при более чем четырехкратном *относительном* превышении расходов (25% ВВП против 6%) СССР способен затрачивать на военные нужды почти вдвое меньше реальных средств и ресурсов, чем США!

Не означает ли это, что в самом важном для себя вопросе (сохранение статуса сверхдержавы) Кремль в долгосрочной перспективе теряет власть над событиями? Разумеется, в наш ядерный век удар по планете он может нанести чудовищный. Но все же, все же... * Таких

* В 1991 году война в Персидском заливе показала высокую (хотя и не стопроцентную) эффективность американских антиракетных систем "Патриот" в борьбе с баллистическими ракетами "земля — земля", запуски которых уверенно обнаруживаются — на фоне стрельб, бомбардировок, пожаров и пр. — специальным спутником с геостационарной орбиты.

компьютерно управляемых систем, как СОИ (Стратегическая Оборонительная Инициатива, США), СССР уже построить не может: это ему не только не по карману, но и не по умению. А. Д. Сахаров, правда, считал, что СОИ априори неэффективна. Однако на Западе многие специалисты с ним несогласны, причем не без опоры на эксперименты.

Газета "Новое Русское Слово" от 8 марта 1990 года сообщила, ссылаясь на интервью акад. Л. И. Абалкина, что "с началом текущего года объем промышленного производства в СССР ежемесячно сокращается на один процент". С тех пор появился ряд других официальных сообщений о прогрессирующем сокращении валового национального продукта СССР. Так, в начале ноября 1990 года ЦТ СССР сообщило о падении производства по нескольким основным видам продукции на 4-6% по сравнению с октябрём 1989 года. Нельзя безоговорочно экстраполировать эти данные на будущее, но ясно одно: система хозяйства, которую мы только что окинули беглым взглядом, не является ни научной, ни плановой, иначе она не пришла бы в своем развитии к настолько самоубийственным результатам.

Обратимся, однако, еще к одному событию, самая грандиозность которого не позволяет рассматривать его как частный факт (с учетом его последствий — тем более).

II. Имени Јенина

”...радиологические последствия для населения в ближайшие несколько десятков лет ...будут незначительны на фоне естественных раковых и генетических заболеваний.

...Среди населения нет лиц, которые получили большие дозы, приводящие к острой лучевой болезни”.

ГКАЭ СССР

Авария на Чернобыльской АЭС и ее последствия — Информация, подготовленная для совещания экспертов МАГАТЭ (25-29 августа 1986 г. Вена).

Часть I. Обобщенный материал, с. 59

”Чернобыльская авария — это апофеоз, вершина всего того неправильного ведения хозяйства, которое осуществлялось в нашей стране в течение многих десятков лет”.

Акад. В. А. Легасов

”Мой долг рассказать об этом”

”Правда”, 20 мая 1988 г.

Вот она, черная боль,
То ли знаменье, то ль
Час наш последний пробил.
Адом дымит Чернобыль!

Иван Елагин

Альманах ”Встречи”

Филадельфия, 1989 г.

ВВЕДЕНИЕ

Пятый год пошел после Чернобыльской катастрофы. Споры вокруг нее не утихают. Снова и снова к ней обращаются мировые средства массовой информации.

Немногие помнят, что почти за тридцать лет до Чернобыля, в 1957 году разразилась ядерная катастрофа

под Кыштымом (комплекс "Челябинск-40"*), унесшая множество жизней — от председателя Госкомитета по науке и технике СССР В. А. Малышева до тысяч безвестных и поныне заключенных-смертников. Большие пространства отнюдь не безлюдной уральской земли превратились тогда в радиоактивную пустыню, названную впоследствии "радиологическим полигоном". С географических карт Советского Союза незаметно исчезли десятки населенных пунктов — и все это кануло во мрак глухой секретности.

Чернобыльская катастрофа произошла в других обстоятельствах.

И дело не только в ветре, погнавшем радиоактивные облака прямо на шведскую АЭС с ее превосходно поставленной службой радиационной безопасности, или в американских спутниках, зафиксировавших взрыв реактора и фотографировавших его после взрыва. В самом Советском Союзе был уже иной социальный климат.

Поскольку скрыть катастрофу оказалось с самого начала невозможным, власти в официальных своих сообщениях всячески пытались преуменьшить ее размеры и опасность ее последствий. Но в первые же дни после катастрофы из Союза хлынул поток информации о ее истинных масштабах. И не только неофициальной и нелегальной. Уже через неделю после взрыва реактора Б.Н. Ельцин, выступая в Германии, огласил нефальсифицированную величину интенсивности радиации вблизи разрушенного энергоблока, составлявшую не миллирентгены, а более ста рентген/час. Вскоре официальная политика сокрытия истинной ситуации и дезинформации

* Теперь "Маяк".

стала мишенью десятков возникших тогда же "чернобыльских" анекдотов — трагического черного антиюмора, неведомые творцы которого, как теперь видно, были очень и очень в курсе происходящего. Хотя официальные круги свободного мира и не отнеслись в тот момент к нелегальной информации с достаточной серьезностью, тем не менее вопрос о чернобыльской "аварии" был включен в повестку дня августовской, 1986 года, сессии МАГАТЭ. Советский Союз представил рабочий документ Госкомитета по использованию атомной энергии СССР — "Информацию, подготовленную для совещания экспертов МАГАТЭ* по рассмотрению последствий аварии на ЧАЭС".

Эта "Информация" не объясняла, по существу, какого характера взрывы произошли в аварийном реакторе, ее данные о радиоактивном выбросе из него и излучении последнего были многократно заниженными, а прогнозы — поразительно оптимистическими. Как, например, следует относиться к таким содержащимся в ней утверждениям: "Были оценены радиологические последствия для населения в ближайшие несколько десятков лет. Эти последствия будут незначительными на фоне естественных раковых и генетических заболеваний". И чуть ниже: "...Среди населения нет лиц, которые получили большие дозы, приводящие к острой лучевой болезни".

Неудивительно, что эта "Информация" вызвала, мягко говоря, определенное недоумение у многих западных экспертов, в распоряжение которых к этому времени поступило немало другой информации — без кавычек.

Кем и как оценены были масштабы и прогнозированы

* В дальнейшем — "Информация".

последствия чернобыльской "аварии"? В числе составителей "Информации" приведен ряд известных организаций и имен. Естественно, что среди них преобладают специалисты по ядерной физике, реакторостроению, атомной энергетике и другим отраслям ядерной индустрии. Ведущее положение явно принадлежит в этой группе заместителю директора Института Атомной Энергии (ИАЭ) им. Курчатова акад. В. А. Легасову. Государственный Комитет по Гидро- и метеорологии, в компетенцию которого входит определение радиационной обстановки, оценка радиоактивности выброса и локальных загрязнений ею земли, воды и атмосферы, представлен его председателем д-ром наук Ю. А. Израэлем. Биофизика и радиационная медицина представлены председателем Национального совета по радиационной защите, вице-президентом АМН СССР, директором Института Биофизики Минздрава СССР профессором Л. А. Ильиным и главным врачом специализированной московской больницы № 6 проф. А. К. Гуськовой. Очевидно, эти двое последних и являются авторами приведенных в "Информации" оценок и прогнозов радиологических последствий чернобыльской "аварии". Самое удивительное, что эти оценки и прогнозы подтвердились — на время. Каким образом и какой ценой — об этом ниже.

В условиях официально объявленных "перестройки" и "гласности" в советском обществе сформировались силы, стремившиеся узнать, понять, объяснить и предать огласке то, что случилось в роковую ночь на 26-е апреля 1986 года, и то, что происходило потом, честно оценивая текущую ситуацию.

Эти их стремления не только задевали всю в целом командно-административную систему советского ядерного военно-промышленного комплекса и связанных с

ним отраслей, намеренную и далее действовать в обстановке возможно большей секретности, пользуясь теми же методами, что и за тридцать лет до того на Урале. Они угрожали карьерам многих ее высокопоставленных руководителей, прямо или косвенно ответственных за катастрофу.

Отзвуки глухой борьбы, шедшей в сферах различного уровня, проявлялись, в частности, в прорывах все новой и новой, порой сенсационной информации в зарубежную прессу. И изредка — в советскую.

Накануне второй годовщины Чернобыльской катастрофы покончил с собой один из главных авторов представленной в МАГАТЭ "Информации" академик В. А. Легасов, оставив разоблачительную статью-письмо "Мой долг рассказать об этом", опубликованную 20 мая 1988 года в "Правде" (явно с купюрами и искажениями, внесенными научным редактором газеты В. Губаревым). С этого времени советская пресса — та же "Правда", "Известия", "Московские новости", "Огонек", "Новый мир" и другие газеты и журналы — опубликовали массу материалов (порой достаточно противоречивых) о Чернобыльской катастрофе, ее масштабах, причинах и последствиях. На их страницах появились выдержки даже из засекреченных документов, поражающих своей холодной бюрократической бесчеловечностью.

Вот некоторые из них, сообщенные народным депутатом СССР журналисткой Аллой Ярошинской из Житомира ("Большая ложь". Круглый стол "Московских новостей". Рубрика "Преступления времен перестройки". Выпуск № 42 от 15 октября 1989 г., с. 8-9):

"Засекретить сведения об уровнях радиационной загрязненности по отдельным населенным пунктам, превышающим допустимый уровень, и сведения о пока-

зателях ухудшения физической работоспособности, потери профессиональных навыков эксплуатационного персонала, работающего в особых условиях на ЧАЭС, или лиц, привлеченных к работам по ликвидации последствий аварии”.

Это — из секретного ”Перечня сведений по вопросам аварии на ЧАЭС, которые не подлежат опубликованию в открытой печати, в передачах по радио и телевидению”.

А вот документ другого ведомства: ”Разъяснение центральной военно-врачебной комиссии МО СССР от 8.07.1987 г. № 205”:

”При составлении свидетельств о болезни лиц, ранее привлекаемых к работам на ЧАЭС и не перенесшим ОЛБ (острую лучевую болезнь. — А.Я.), в пункте 10 не отражать факт привлечения к указанным работам и суммарную дозу облучения, не достигшую лучевой болезни”.

А этот — по линии Госкомгидромета, с грифом ”секретно”, датирован 12.06.1989 г. — сравнительно недавний, времен расцвета ”гласности”:

”В соответствии с указанием Госкомгидромета СССР направляется информация о состоянии радиационной обстановки в Лугинском районе Житомирской области... Секретно”.

А сколько еще такого рода материалов хранится в сейфах различных министерств и ведомств?

В самой ”атомной мафии” давно нет единства. Белорусский писатель Алесь Адамович приводит такой эпизод: один из ее ответственных деятелей, связанный с проблемой безопасности АЭС, шепчет ему, улучив

удобный момент: "Не ослабляйте напора!" Занавес былой секретности затрещал по всем швам. В фокус средств массовой информации попали и многие (впрочем, далеко не все) предыдущие аварии ядерных реакторов, выбросы радиоактивных отходов, радиационный мор народов Севера, вызванный взрывами сверхмощных водородно-урановых бомб в Арктике в конце 1950-х – начале 1960-х годов, подземные ядерные испытания под Семипалатинском, отравившие грунтовые воды, и многое другое. Однако наибольший интерес вызывает по-прежнему Чернобыльская катастрофа.

Каков же истинный ее масштаб?

1. Радиация не имеет границ

В первые же дни после взрыва реактора на Чернобыльской атомной электростанции имени Ленина (в дальнейшем – ЧАЭС) многие специалисты предсказывали, что эта ядерная катастрофа неминуемо обернется катастрофой экологической.

Осенью того же 1986 года в припятских лесах появились первые очевидные вестники генетических поражений – огромные уродливые грибы. Это четко свидетельствовало о начавшемся включении выпавших радиоактивных изотопов* в природные циклы биологического обмена веществ. В следующем году на деревьях в результате их корневого заражения радионуклидами, появились гигантские иглы и листья неправильной формы. В 1988 году пресса, в том числе и советская, сообщала уже о мутантах среди домашних животных:

* В дальнейшем – радионуклиды.

слепых жабьерылых поросятах, двуглавых телятах, шести- и восьминогих жеребятах и др., частота рождаемости которых выросла в десятки раз по сравнению с "дочернобыльской" и продолжала расти. Попытки время от времени наезжавших в пораженные радиоактивными выпадениями районы сотрудников Института Биофизики Минздрава СССР и других такого рода научных учреждений отрицать или преуменьшать очевидное становились все безуспешнее. Особое возмущение вызывали у местных жителей неизменно возимые с собой визитёрами сумки и термосы с чистыми пищевыми продуктами и питьевой водой.

Вскоре появились сообщения о все чаще рождающихся уродах-детях. Значительно возросла частота онкологических и других заболеваний, вызываемых — среди прочих причин — радиационными поражениями. Но статистика всего этого в СССР по-прежнему хранится за семью печатями.

Действие выброшенных из реактора радионуклидов на мир живого, на его генофонд к настоящему времени проявилось уже достаточно явственно. Накопление генетических поломок продолжается и будет идти еще очень долго, несмотря на уменьшение радиационного фона.

О ситуации первых после катастрофы дней и недель в Киеве, задетом радиоактивной дымовой струей от горящих остатков реактора, тревожные сведения, хотя и весьма неполные, поступали тогда довольно часто. О положении же в Белоруссии, на которую в основном и осела радиоактивная пыль, выброшенная при взрыве реактора, информации в то время почти не имелось. Она выплыла гораздо позже.

Загрязнения почвы одним только радиоактивным цезием-137 доходят там и теперь до 140 кюри/км².

Какими же они были в первые дни и недели катастрофы, когда еще всю излучали короткоживущие радионуклиды? Заражена треть Белоруссии. 20% ее пахотных земель приведены в негодность. На Украине пострадали тридцать два района в шести областях. На ликвидацию ущерба, нанесенного Белоруссии, требуется, согласно официальным советским данным, не менее 17 млрд. рублей, Украине (только до 2000 года) – 11-15 млрд. рублей. Впрочем, как считать ущерб и что именно считать его ликвидацией? Украинский депутат ВС СССР Ю. Щербак привел выкладки, согласно которым ликвидация последствий катастрофы потребует двухсот пятидесяти миллиардов рублей. Откуда им взяться? В спешном порядке сооруженный над разрушенным реактором *саркофаг* "течет". Необходимо будет скоро строить новый. В какую сумму и во сколько жизней он обойдется?

В июле 1990 года – с опозданием на четыре с лишним года – Верховный Совет Белоруссии объявил ее зоной экологического бедствия. Вскоре за ним последовал и Верховный Совет Украины. Меньше всего информации поступало с пораженных территорий России. В июне 1990 года в газете "Аргументы и факты" № 25 (506) появилась статья народного депутата РСФСР Ю. Лодкина "Чернобыльская рана России". Он пишет: "Три года трагедия «российской зоны Чернобыля» находилась под жесточайшим секретом. ...Жителей... успокаивали утешительными проповедями типа: «радиационный фон несколько повышен, но не представляет угрозы для здоровья населения»". Всё – в полном соответствии с утверждениями "Информации"! В июне 1989 года, после нескольких публикаций в центральной прессе, Госкомгидромет сообщил о семистах загрязненных радиоактивными выпадениями населенных пунктах Брян-

щины. Через год число их, признанных загрязненными этой компетентной инстанцией, выросло до полутора тысяч. Сколько же их в действительности и какова истинная степень их загрязнения? В нескольких десятках из них уровень радиации (усредненный) доходил до 40 кюри/км², а максимальные значения — до 180-220 кюри/км². Уточненные замеры показали уровень 111 кюри/км², а максимальное значение — 311 кюри/км² — побольше, чем во многих наиболее опасных точках вблизи ЧАЭС. Результат попыток искусственного осаждения радионуклидов?! Не потому ли так долго и скрывали? Так или иначе, трудно представить себе, чтобы при таких цифрах на Брянщине всё было благополучно в соседних областях. Какие цифры и какие координаты хранятся еще в сейфах Госкомгидромета?

На пораженных радиоактивными выпадениями территориях Белоруссии, Украины и России живут около четырех миллионов человек. Как живут? Парой банок "чистой" мясной тушенки, парой кило крупяных изделий и полусотней "гробовых" рублей в месяц — не обойтись. Вот и разводят на радиоактивной почве радиоактивные овощи, поят детей "грязным" молоком от уцелевших коров, питающихся зараженной травой. Но промышленность работает, выполняя план, совхозно-колхозные поставки продуктов сельского хозяйства продолжают по-прежнему. Есть, правда, директива использовать их на месте. Но дыры в тришкином кафтане разваливающейся экономики чем-то затыкать надо. И то тут, то там обнаруживаются завезенные из пораженного региона пищевые продукты (чаще всего не обнаруживаются), а то и стройматериалы или еще что-нибудь с недопустимым уровнем радиации. Но не пропадать же "добру"? Зараженные "условно чистые" продукты смешиваются с чистыми в такой пропорции, чтобы уровень

их активности стал чуть ниже предельно допустимого, и идут в дело. Так чернобыльская пагуба размазывается по всей стране, доходя и туда, куда не занесут ее ветры. Иная продавщица пытается охладить пыл покупателей, расхватывающих банки сгущенного молока: "А оно из Овруча*", смотрите!" Но его все равно раскупают... Не желающие потреблять такую продукцию, ищут что-нибудь более безобидное. И порой попадают впросак. К. Надеждина в статье "Дети — наше будущее" ("Посев" № 3, 1990) сообщает: на банках сгущенки Гомельского молочного завода, изготавливаемой в соответствии с "Временными нормами загрязнения продуктов вредными для здоровья веществами", часто превышающими международные нормы в сотни раз, написано, что продукт изготовлен в Москве. Штамп производителя имеется только на ящиках.

Радиация воистину не имеет границ!

Анемичные дети на полуказарменном положении: из дому — в школу, из школы — домой, причем только по асфальту. Шаг вправо, шаг влево — радиация: цезий, стронций, плутоний. Ни в лес, ни на лужайку, ни к реке. Грибы, ягоды, рыба — все "светит". А ветер и по асфальту гоняет радиоактивную пыль. Немногим везет: попасть в оздоровительную поездку за границу. Месяц чистой природы, чистой пищи, честного лечения. А потом — снова под неумолимую радиацию...

В одной из телепередач по программе "Взгляд" были показаны пораженные радиацией дети, находившиеся в клинике Минского гематологического института. Рано повзрослев, они понимают, что обречены, и умирают буквально на глазах друг у друга. Сегодня, согласно

* Город к северо-западу от Киева.

советскому же сообщению, ни одного из них уже нет в живых. На их месте — другие. Как сообщила газета "Новое Русское Слово" от 15 июня 1990 г., детское отделение переполнено, условия там — ужасные, а из средств, собранных по стране в пользу больных детей, до больницы ничего не доходит.

Из наиболее зараженных радионуклидами мест, официально признанных непригодными для проживания людей, жителей отселяют — в основном в соседние, менее зараженные населенные пункты. Газета "Аргументы и факты" № 31 от 4-10 августа 1990 года приводит такой пример: в 1986 году одна супружеская пара с тремя детьми была переселена из села Новое Шарко Народичского района Житомирской области за восемь километров в райцентр Народичи, — с предоставлением жилья и денежной компенсацией. Оказалось, что и там радиационный фон в 20-30 раз выше допустимого. Наконец, было принято решение переселить жителей Народичей. Куда? Опять в пределах Житомирской области, изрядно зараженной радиоактивными выпадениями. Мало того, что это издевательство над живыми людьми. Автор письма ставит закономерные вопросы: разве нельзя было сразу переселять километров за 400-500 от зараженной территории? Неужели у нас такое богатое государство, чтобы через каждые три-четыре года переселять людей с места на место?

По пустым деревням и вокруг них носятся стаи волко-собак — мутирующих помесей псов с волками. Жить им недолго, но зловерное потомство оставить успеют — как клетки раковой опухоли. В лесах бродят чудища-мутанты. Сорные травы — почти в человеческий рост...

Но не всем так везет — получить новое жилье хотя бы в менее зараженном месте. "На просторах родины

чудесной” многим и такого места не находится. Вот и возвращаются они самовольно в заколдованные зоны. Их так и прозвали: ”самосёлы”. Этих ”самосёлов” насчитывается уже немало тысяч. Облучение когда еще угробит, а без крыши над головой вообще не проживешь – не тропики. Сегодня в стране из-за международных усобиц уже насчитывается около полумиллиона беженцев: армян, азербайджанцев, крымских татар, месхетинцев и... русских, находящихся в очень трудном положении. Если международные конфликты разгорятся, могут оказаться заселенными и Чернобыль, и Припять, и даже Поселок энергетиков у самой ЧАЭС...

Накануне четвертой годовщины Чернобыльской катастрофы Верховный Совет СССР принял – в очередной раз – кучу решений о ликвидации ее последствий: ассигновать, поручить, рекомендовать, принять меры, эвакуировать (куда?!), подготовить проект закона и т. д. и т. п. И даже закрыть ЧАЭС! Верховный Совет Украины разрабатывает план осуществить последнее то ли в 1992-м, то ли в 1995 году.

В годы ”застоя” не выполнялось примерно 70% постановлений верховных органов власти. В ”перестроечном” 1989-м – более 90%.

Куда уж дальше?

Изменит ли ситуацию недавнее провозглашение государственного суверенитета России, Украины и Белоруссии? В ближайшее время шансов на это не много, поскольку общее экономическое положение в этих республиках, как и во всем СССР, очень плохое.

2. Что же взорвалось в реакторе?

Что катастрофа на ЧАЭС произошла в результате взрыва вышедшего из-под контроля кипящего реактора канального типа РБМК-1000* с графитовым замедлителем нейтронов, сегодня общеизвестно. Но какого именно взрыва (или взрывов)? На этот вопрос до сих пор существуют различные ответы. В упомянутой выше "Информации" говорится о возникновении "пароциркониевой" и других химических экзотермических реакций. В результате этих реакций в активной зоне реактора образовались водород и окись углерода, способные к взрыву при смешении с кислородом воздуха. И "в 1 час 24 мин. раздалась последовательно два взрыва и... взлетели какие-то горящие куски и искры, часть из которых упала на крышу и вызвала пожар". Куски чего?!

Напомним читателю некоторые данные и обстоятельства. Номинальная тепловая мощность реактора РБМК-1000 составляет 3,2 миллиона киловатт. Производимый им пар вращает два турбогенератора мощностью по 500 тысяч киловатт каждый. Для теплоэнергетика ядерный реактор — это в первую очередь парогенератор, т. е. котел или "самовар", как незадолго до Чернобыльской катастрофы выразился директор одной из советских АЭС. Но реактор, особенно кипящий, — это отнюдь не "самовар", а очень непростое устройство, в котором весьма различные физические процессы: деление урана, парообразование воды, замедление и поглощение нейтронов и др. — тесно взаимосвязаны весьма слож-

* Реактор большой мощности кипящий, на миллион киловатт электрической мощности.

ным и (для неспециалиста в каждой из этих областей) неожиданным образом.

Четвертый энергоблок ЧАЭС останавливался с 26 апреля 1986 года на плановый ремонт. Перед этим на нем должен был быть произведен опыт с "выбегом" турбогенератора. Речь идет об использовании кинетической энергии вращения ротора (после прекращения подачи пара в турбину) для собственных нужд энергоблока, в первую очередь — для привода мощных водяных насосов реактора в течение сорока секунд, необходимых для запуска аварийных дизель-генераторов. Такие эксперименты выполнялись ранее на других АЭС. Они не представлялись опасными — тем более, что реакторы работали при этом в допустимых "регламентных" режимах и выключались одновременно с прекращением подачи пара в турбину.

Эксперимент проводился сотрудниками станции совместно с группой специалистов, командированных из других организаций. Согласно программе, предполагалось провести его при мощности реактора 700-1000 мегаватт. Днем 25 апреля 1986 года один из турбогенераторов был выключен и мощность реактора плавно снижена наполовину. К вечеру эксперимент был полностью подготовлен. Но диспетчер "Киевэнерго" почти до полуночи не разрешал отключить второй турбогенератор. Наконец, он был отключен. Все спешили завершить работу и разойтись по домам. Операторы ввели глубже в активную зону управляющие стержни с поглотителем нейтронов. Все питающие реактор насосы, включая резервный, работали, согласно программе эксперимента, на полную мощность и подавали слишком много воды. Мощность реактора стала падать лавинообразно: с уменьшением ее снижалось содержание пара в каналах реактора и увеличивалось количество воды в них,

поглощавшей нейтроны в десятки раз интенсивней, чем пар. А рост поглощения нейтронов влек дальнейшее ослабление цепной реакции деления урана и выделения тепла. Реактор "проскочил" нужный для опыта диапазон мощности. В считанные минуты она упала до 25 тысяч киловатт, что было совершенно недостаточно для проведения опыта. Операторы начали выводить управляющие стержни из активной зоны. Мощность нарастала медленно. Сказывался известный эффект отравления топлива накопившимся в нем ранее короткоживущим радионуклидом ксенона, интенсивно поглощающим нейтроны. Подняли еще часть стержней. К 1 часу 23 минутам мощность достигла 200 тысяч киловатт, но реактор оказался в крайне неустойчивом состоянии. Было решено начать опыт. Пар был перекрыт, однако реактор не был тотчас выключен: в случае неудачи опыт рассчитывали тут же повторить. Никто не думал, что только что разыгравшийся лавинный процесс способен пойти в другую сторону, причем куда быстрее. Что прекращение впуска пара в турбину увеличит его содержание в каналах активной зоны и уменьшит содержание воды в них. Что вызванное этим снижение поглощения нейтронов интенсифицирует цепную реакцию, а усилившееся кипение приведет к дальнейшему падению поглощения нейтронов и росту мощности. Что начнется саморазгон реактора, а счет пойдет на секунды...

Через тридцать шесть секунд после начала эксперимента — за четыре секунды до его окончания — мощность реактора внезапно резко возросла. Начальник смены нажал "аварийную" кнопку его экстренной остановки. Выведенные ранее из каналов активной зоны реактора управляющие стержни "поползли" в нее обратно. Иначе не скажешь: скорость всего сорок

сантиметров в секунду. Но на их концах находились насадки, способствующие развитию цепной реакции, а не гасящие ее. Саморазгон реактора ускорился, и концы стержней заклинило на входе в каналы активной зоны, начавшей деформироваться вследствие перегрева*.

Наиболее подробно события на ЧАЭС в последние секунды перед катастрофой и во время нее описаны в большом очерке специалиста в области ядерной технологии Г. Медведева "Чернобыльская тетрадь", опубликованном с предисловием академика А. Д. Сахарова в журнале "Новый мир" № 6 за 1989 г. Описывая ход катастрофы, Г. Медведев, как и авторы "Информации", обращает внимание на значительный рост давления в циркуляционной системе лавинообразно набравшего мощность реактора. Именно этим, по словам автора очерка, объясняется отрыв от реактора нижних водяных и верхних пароводяных трубопроводов. Затем, как утверждает автор очерка, также произошла серия взрывов гремучей смеси, разрушившая реактор. Только из него вылетели не "какие-то горящие куски и искры",

* Незадолго до катастрофы инженер по технике безопасности ЧАЭС Н. Бондаренко сказал в интервью советскому журналу, издаваемому на английском языке, "Soviet Life" (февраль 1986 г.): "Работа на АЭС безопаснее, чем вождение автомобиля". Если продолжить это сравнение, то реактор серии РБМК оказывается подобным автомобилю, у которого педали газа и тормоза связаны так, что и н о г д а при торможении автомобиль этот может сперва ускорить свой бег. А водитель этой его особенности н е з н а е т. Добавим еще, что мощность такого автомобиля сравнима с мощностью солидной баллистической ракеты, а его "груз" - большая "грязная" ядерная бомба, хоть и "замедленного действия", как охарактеризовал в свое время эти реакторы покойный академик П. Л. Капица.

а, как пишет Г. Медведев, "около пятидесяти тонн ядерного топлива испарилось и было выброшено взрывом в атмосферу в виде мелкодисперсных частичек двуокиси урана...". Еще около семидесяти тонн топлива было выброшено с периферийных участков активной зоны. Итак — около ста двадцати тонн топлива из почти двухсот, находившихся в реакторе, то есть около 60%*.

Совершенно невозможно, однако, чтобы взрыв "гремучей газовой смеси" мог *испарить* пятьдесят тонн ядерного топлива - двуокиси урана в виде таблеток диаметром 11,5 мм и высотой 15 мм. Температура взрыва "гремучего газа", длящегося малые доли секунды, не достигает даже температуры плавления двуокиси урана, составляющей 2800°C, не говоря уже о точке ее кипения, близкой к 4000°C. И куда более сильные взрывчатые вещества, развивающие на мгновение такие температуры, могли бы только раздробить эти таблетки, но никак не испарить их — опять-таки по причине кратковременности температурного воздействия. Чтобы испарить находящееся в таком виде топливо, сторонний источник подобной температуры (4000-5000°C) должен действовать на него даже не секунды, а минуты. Для взрывообразного, практически

* С. А. Тиктин в статьях "Еще раз о Чернобыльской катастрофе" и "Сквозь туман полуправды", опубликованных в ж-ле "Голос Зарубежья" №№ 44 и 51 еще в 1987-88 гг., анализируя обстоятельства катастрофы, писал, что из реактора было выброшено около половины находившегося в нем топлива вместе с содержащимися в нем радионуклидами в результате его ядерного взрыва на медленных нейтронах.

мгновенного, испарения топлива необходимая энергия должна мгновенно же выделиться в нем самом*.

Были ли водяные и паровые трубопроводы сперва оторваны от реактора в результате постепенного увеличения давления пара, а потом произошел (или не произошел) взрыв "гремучей смеси", или, наоборот, сперва произошел этот взрыв и оторвал от реактора все трубопроводы; рухнул ли при этом на активную зону подъемный кран или нет - в любом случае давление в ее каналах стремительно упало до атмосферного. Соответственно плотность пара в них и поглощение им нейтронов упали в десятки раз. Относительно еще невысокая скорость саморазгона реактора выросла многократно. В промежутке между двумя взрывами мощность его увеличилась в сотни раз. В области наиболее интенсивного тепловыделения, расположенной примерно на глубине от одной четверти до одной трети высоты активной зоны, топливо мгновенно вскипело и превратилось в газ с температурой порядка 4000°C, "выстреливший" большую часть остального топлива частично в жидком виде, частично - в твердом, с различной степенью дисперсности, а также сотни тонн раскаленного графита. Г. Медведев пишет об "ослепляющем выбросе пламени" (его и зафиксировал пролетающий над ЧАЭС американский спутник, предназначенный для обнаружения запусков баллистических ракет), превратившемся в "клубящийся черно-огненный шар, сносимый ветром". Но, как известно, гремучие газо-воздушные смеси не дают при взрыве ослепляющего

* Как пишет в упомянутой выше статье "Мой долг рассказать об этом" акад. В. А. Легасов, "по характеру разрушений мне было ясно, что произошел объёмный взрыв".

(даже ночью) пламени. Это был самый настоящий ядерный взрыв реакторного топлива, но, в отличие от взрыва атомной бомбы, — на медленных нейтронах. Мощность его не превышала нескольких сот килограммов тротила, а количество распавшегося при этом урана — долей грамма. Не исключено, что Г. Медведев понимает суть происшедшего. У него есть такая фраза: "Даже в Хиросиме люди не были так близки от ядерного взрыва... А здесь — совсем рядом, вплотную к взрыву...".

Так или иначе, ядерный взрыв на медленных нейтронах — явление специалистам *известное*. Такой взрыв предполагали (якобы!) осуществить немецкие физики на реакторе-бомбе во время второй мировой войны. А в 1955 году США, перед тем как приступить к проектированию промышленных АЭС, произвели, приняв соответствующие меры предосторожности, экспериментальный взрыв реактора на медленных нейтронах. Этот опыт позволил получить ряд данных, необходимых для разработки нормативов расчета защитных сооружений для будущих АЭС.

Но даже А. Д. Сахаров в своем предисловии к "Чернобыльской тетради" не отметил характера взрыва реактора на ЧАЭС. Видимо, наиболее полномочные инстанции СССР до сих пор заинтересованы в умолчании об этом. Почему — нам неизвестно.

3. О тех, кто знал...

Было ли известно о возможности такого взрыва реактора серии РБМК? Судя по действиям сотрудников АЭС, участвовавших в роковом эксперименте, и их последующим, часто — предсмертным объяснениям (цитируемым Г. Медведевым в "Чернобыльской тетради"),

им — не было. А на высших уровнях советской атомной иерархии?

20 июля 1988 г. "Литературная газета" поместила в рубрике "Два года после Чернобыля" статью своего корреспондента С. Ушанова "Требуются несогласные". В статье говорится о следующем: бывший президент АН СССР восьмидесятилетний А. П. Александров, утративший этот пост после Чернобыльской катастрофы, но все еще остающийся директором Института атомной энергии (ИАЭ), пытается выжить оттуда семидесятидвухлетнего д-ра наук И. Ф. Жежеруна, крупного специалиста по нейтронно-физическим измерениям. В ходе разбора этой, на первый взгляд, банальной для советского НИИ ситуации, выясняется ряд существенных факторов, имеющих непосредственное отношение к Чернобыльской катастрофе.

Оказывается, не только одному Жежеруну, но и многим другим специалистам этого головного института были достаточно хорошо известны особенности кипящих реакторов канального типа серии РБМК. Они знали об их положительной реактивности по паросодержанию* и о ее способности быть причиной неустойчивости работы таких реакторов. Они вполне представляли себе таящиеся в этих свойствах опасности и стремились изыскать способы их устранить или хотя бы уменьшить. Официальные письма-обращения только одного Жежеруна в различные инстанции по этому вопросу занимают не менее тысячи страниц, собранных в четыре тома.

Еще в 1965 году им была предложена программа экспериментов, которые, по его мнению, могли бы

* То есть положительной обратной связи по пару.

своевременно обнаружить причины взрывоопасности еще находившихся в стадии проектирования реакторов серии РБМК. Но программа эта выполнена не была. А через десять лет гипотетическая (?) неустойчивость работы реакторов этого типа, оказывается, была экспериментально обнаружена на Ленинградской АЭС. Не на опытной установке*, а на серийном промышленном реакторе. Случайно? При каких обстоятельствах? Каков был при этом масштаб опасности? Какие отсюда были сделаны выводы? И почему сам этот факт остался достоянием крайне узкого круга?

В 1979 году в США произошла серьезная авария АЭС на Трехмильном острове (остров Тримайл). Хотя радиоактивный выброс был там в десятки миллионов раз меньше, чем в недалеком будущем на Чернобыльской АЭС, в то время он считался очень высоким. Западная пресса подняла сильнейший шум. Станция была закрыта.

Советская "общественность" не осталась в стороне. В статье "Уроки Тримайла" ("Новое время" № 18, 1979 г.) говорится: "Авария на острове Тримайл – жестокий и суровый урок, своеобразное предостережение судьбы. Подобной аварии теоретически быть не должно".

Яснее не скажешь. А вот приведенное в той же статье высказывание академика А.П. Александрова:

"В СССР разработаны научно обоснованные нормы и

* Хотя бы типа "первой в мире" в Обнинске. Ведь сообщалось в советской прессе, что сперва один тепловыделяющий элемент ее реактора канального типа, а затем остальные были постепенно переведены на кипящий режим - и аномалий не выявилось. Или истинные результаты остались - как многое другое в советской науке - важнейшим государственным секретом от самих себя?

правила ядерной и радиационной безопасности при проектировании, строительстве и эксплуатации АЭС, созданы органы надзора за безопасностью. С точки зрения безопасности сегодня можно с уверенностью сказать, что принятие должных мер предосторожности обеспечивает возможность развития атомной энергетики”.

В ”Чернобыльской тетради” Г. Медведев перечисляет ряд аварий (все ли?) советских ядерных реакторов. Многие из них сопровождались большими выбросами радионуклидов и человеческими жертвами. Эти факты не могли не быть известными Александрову. Откуда же у него такая непоколебимая уверенность? Скорее всего — из столь же прочного убеждения, его и стоявших за ним верховных инстанций, что как эти, так и будущие аварии останутся секретом навеки. А если и произойдет какая-то утечка информации и даже попадет в западную прессу, то независимо от того, кто поверит в нее, а кто нет, в тамошней детантной атмосфере просоветского благодушия она серьезного резонанса не вызовет и быстро забудется. Никаких уроков из аварии на Трехмильном острове Александров и его мафия извлекать не собирались. За исключением одного: как можно строже секретность, как можно меньше огласка.

До Чернобыльской катастрофы остается семь лет. И как раз в это время (застоя?!) в Союзе бурно развернулось строительство АЭС с реакторами серии РБМК, прямым циклом пара — из реактора в турбины без промежуточных теплообменников (экономия и кпд!), без быстродействующих средств автоматической защиты и предохранительных колпаков (тоже экономия!). Номинальные мощности реакторов росли стремительно: РБМК-440, РБМК-1000, РБМК-1500... Возглавляемая

Александровым "атомная мафия" получает премию за премией, орден за орден. Тогда-то и родился анекдот о трех возможностях использования атомной энергии: в военных целях, в мирных целях и в личных целях.

А Жежерун? Он пишет в партком ИАЭ очередное письмо: "О тенденциях монополизма в отделении ядерных реакторов и стиле работы". Вот несколько отрывков из этого письма, приведенных С. Ушановым:

"...Обсуждение научно-организационных вопросов перенесено в узкий круг совещаний руководящих работников и научно-технических советов, состав которых тоже ограничен и специально отбирается по вкусу руководителей. ...О личных контактах директора отделения с сотрудниками не приходится и говорить: ведь он находится в здании, в которое у большинства сотрудников нет пропусков!.. Создавшаяся обстановка... не может способствовать повышению научного уровня и эффективности работы отделения. Наоборот, она чревата всевозможными недостатками и упущениями...".

После катастрофы на Чернобыльской АЭС руководство ИАЭ обвинило Жежеруна и других оппонентов в том, что они, зная об опасности, недостаточно старательно предупреждали о ней. Ушанов иронизирует:

"...Мне ли вам объяснять, что если бы Жежерун в те самые годы... вышел на площадь... держа в руках плакат... он бы сидел не на пенсии, а на тюремной баланде?! И в его характеристике вместо красивых слов "доктор", "лауреат", появились бы эпитеты: "клеветник", "очернитель", "отщепенец"... Конечно, кому-то жаль, что вышло не так...".

Можно еще с полным основанием добавить: не только на баланде, но и на галопиридоле, аминазине и прочих дьявольских снадобьях советской карательной медицины. Именно такой была обстановка.

Но ни Жежерун, ни другие верноподданные оппоненты "атомной мафии", к величайшему неудовольствию Александра и других ее "отцов", ни тогда, ни теперь не выходят на улицы с плакатами, а засыпают инстанции официальными письмами, не выходящими за пределы конкретной проблематики. Естественно, что Чернобыльская катастрофа многократно усилила их аргументацию. Вот и приходится советским мафиози от науки хитро отписываться и искать поводы, чтобы избавляться от оппонентов по одному.

С. Ушанов цитирует инфернальный юмор одной из таких отписок руководства ИАЭ:

"Опыты по определению знака и величины парового коэффициента производятся непосредственно на реакторах АЭС при запуске. Главные результаты были получены на первом и втором энергоблоках Чернобыля. Опыты т. Жежеруна к этому ничего не добавят".

Корреспондент делает логичный вывод:

"Главный результат был получен все-таки на четвертом блоке. И опыты Жежеруна тут действительно ни при чем".

Что верно, то верно.

На вопрос Ушанова, почему руководство ИАЭ во избежание дорогостоящих ошибок не оздоровит атмосферу и не использует себе же (!) во благо своевременную критику, он слышит в качестве ответа встречный вопрос одного из "отцов" мафии, заме-

стителя директора ИАЭ Л. П. Феокистова: "А зачем все это нам?"

Что к этому можно добавить?

Только из такой отравленной почвы и могло вырасти и расплодиться семейство уродов-реакторов РБМК.

4. Альфа, бета, гамма — миллионы и миллионы кюри...

Суммарная радиоактивность выброса при взрыве реактора составляет, согласно приведенной в "Информации" оценке Госкомгидромета, 50 миллионов кюри. В опубликованной газетой "Московские новости" № 42 от 15 октября 1989 г. статье "Большая ложь", помимо этой цифры, однако, приводятся и другие. По мнению специалистов ВНИИ атомных электростанций, величина радиоактивного выброса оказывается близкой к миллиарду кюри. А инженер по технике безопасности Курской АЭС А. Ядрихинский оценивает ее в 6,4 миллиарда кюри. Расхождение, таким образом, более чем стократное. Там же, со ссылкой на американский журнал "Сайенс", говорится, что "только по цезию выброс из чернобыльского реактора составил 60% всех глобальных (?) взрывов атомных бомб, произведенных в атмосфере". В других источниках выброс радиоактивного цезия считается эквивалентным его выбросу от взрывов трехсот атомных бомб, подобных взорванной над Хиросимой в 1945 году.

Каков же был в самом деле масштаб выброса на ЧАЭС? Из чего состояла его радиация и скольким и каким ядерным бомбам она соответствовала?

Как следует из данных, приведенных в "Информации", за время работы реактора 4-го энергоблока в его

топливе образовалось примерно две с четвертью тонны радиоактивных продуктов деления урана и плутония. Это в две тысячи раз больше, чем при взрыве "хиросимской" атомной бомбы в 1945 году, втрое больше, чем при взрыве американской "грязной" водородно-урановой бомбы на острове Бикини в 1954 году и не намного меньше, чем при взрыве вчетверо более мощной советской "сверхбомбы" на Новой Земле в 1962 году. Если бы половина этих радионуклидов была произведена и выброшена из реактора мгновенно, как в упомянутых нами бомбах, то начальная активность выброса исчислялась бы даже не миллиардами, а десятками миллиардов кюри. Но в реакторе одновременно с образованием продуктов деления урана (и плутония) происходит и их распад. Периоды полураспада этих радионуклидов находятся в пределах от секунд до десятилетий. От короткоживущих (по сравнению со временем пребывания ядерного топлива в реакторе) радионуклидов: ксенона, иода, лантана и других - к моменту взрыва остались проценты и даже доли процента от количества, произведенных в процессе работы реактора.

Как указано в "Информации", упомянутые выше 50 миллионов кюри составляет всего 3,5% активности радионуклидов, находившихся в реакторе в момент катастрофы. Отсюда следует, что последняя составляет примерно 1400 миллионов кюри. Но эти "3,5%" никак не согласуются ни с фотографиями разрушенного реактора, ни с названными в "Чернобыльской тетради" количествами испаренного и выброшенного при взрыве топлива - носителя радионуклидов. Если исходить из этих величин, то полная активность выброса окажется равной не пятидесяти, а восьмистам пятидесяти миллионам кюри, из которых триста пятьдесят миллионов кюри -

в газообразной и аэрозольной формах, переносимых ветрами на большие расстояния и легко вступающих в различные виды взаимодействия с окружающей средой.

Взрыв реактора разрушил периодическую структуру его активной зоны, обеспечивающую самую возможность цепной реакции деления урана. Поэтому сразу же после взрыва прекратилось фактически излучение нейтронов. Осколки разделившихся ядер урана и плутония испускают гамма-лучи, подобные рентгеновским, и бета-лучи, представляющие собой быстрые электроны. Энергия тех и других составляет сотни тысяч электрон-вольт. Превращение урана в нептуний и нептуния в плутоний также сопровождается бета- и гамма-излучениями. Образующиеся в реакторе изотопы плутония испускают быстрые ядра гелия — альфа-лучи с энергией в несколько миллионов электрон-вольт.

Гамма-лучи слабо поглощаются в ядерном топливе. Альфа- и бета-лучи поглощаются в нем и выходят наружу только из поверхностных слоев топливных таблеток и их обломков, выпавших вокруг разрушенного реактора. Однако из мелко распыленного топлива они выходят свободно — в атмосферу, в почву, в живые ткани.

Глубоко проникающие, ничем не коллимированные гамма-лучи, в основном, поражают организм как целое, вызывая хорошо известную лучевую болезнь. Бета-лучи проникают в живые ткани всего на несколько миллиметров. Они вызывают в них радиационные ожоги, часто сопровождающиеся озлокачиванием. Альфа-лучи проникают в живые ткани лишь на десятки микрон. Но оказываемые ими локальные разрушительные воздействия на них в сотни раз более концентрированы, чем воздействие бета-лучей. Поэтому инкорпорация, то есть оседание внутри организма, "горячих"

частиц (пылинок) содержащего плутоний ядерного топлива оказывается особенно опасной и коварной.

Хотя радиоактивный выброс на ЧАЭС был многократно обеднен короткоживущими и потому наиболее активными радионуклидами, их суммарная активность составляла, согласно "Информации", около 90% активности выброса. Последняя эквивалентна активности радионуклидов, образуемых десятью-пятнадцатью взрывами атомных бомб типа "хиросимской". Через месяц после катастрофы активность выброса упала более чем в десять раз и продолжала снижаться дальше в результате продолжающегося распада короткоживущих радионуклидов. К настоящему времени они фактически распались. Оставшаяся бета- и гамма-активность выброса в ближайшие годы будет определяться фактически излучением только изотопов цезия Cs_{137} и стронция Sr_{90} , периоды полураспада которых соответственно 33 года и 20 лет. В момент выброса их активность составляла менее 0,4% его суммарной радиации. Эти радионуклиды почти не распались в реакторе за время его работы, и их количества в составе выброшенного из него топлива равны образуемым почти тысячей "хиросимских" атомных бомб. Это, конечно, меньше чем "60% всех взрывов атомных бомб, произведенных в атмосфере", но достаточно много. Тем более, что они, в основном, выпали в густонаселенной полосе. Активность излучения рассеянных и включившихся в природный кругооборот этих долгоживущих радионуклидов цезия и стронция - порядка одного-двух миллионов кюри, но они будут распадаться и излучать столетиями, а общее количество элементарных актов их бета- и гамма-излучения окажется сравнимым с таковым для всех распавшихся к настоящему времени менее долгоживущих продуктов деления урана.

Цезий, будучи самым активным щелочным металлом, сосредоточивается в мягких тканях и, подобно калию, интенсивно участвует в обмене веществ. Поэтому вывести радиоактивный цезий из организма в принципе нетрудно: надо покинуть зараженную им территорию и потреблять чистые от него продукты. Но ведь для большинства жителей зараженных территорий это неосуществимо практически!

Количество Sr_{90} в радиоактивных выпадениях на два порядка ниже, чем Cs_{137} ; зато он, оседая, подобно кальцию, в костной ткани, вызывает лейкемию и поражает иммунную систему, а выводится очень трудно.

Первое время основным источником альфа-излучения выброса был трансурановый элемент кюрий (Cm_{242}), образующийся при трехкратном захвате нейтронов плутонием без деления его ядра (подобно образованию плутония из основного изотопа урана — U_{239}). Сегодня альфа-излучения в основном определяются ходом распада изотопов плутония. Из примерно 500 кг накопившегося в реакторе плутония было выброшено из него около 300 кг, причем более 100 кг — с топливом в мелкодиспергированной (пылевой) фазе. Основной изотоп плутония Pu_{239} имеет период полураспада более 24000 лет. При последовательных захватах им нейтронов, не сопровождающихся делением его ядер, в реакторе образовались изотопы Pu_{240} и Pu_{241} с периодами полураспада соответственно 6450 и 13 лет. Согласно приведенным в "Информации" данным, относительное содержание изотопа Pu_{241} в выброшенном ядерном топливе составляет всего несколько процентов, но его активность в шестьдесят раз превышает суммарную активность двух других изотопов. Поэтому сегодня альфа-активность выброса определяется активностью этого изотопа и составляет в настоящее

время около двух миллионов кюри, если не больше. Примерно через восемьдесят лет альфа-активность выброшенного плутония будет уже определяться активностью двух других долгоживущих изотопов, которая на протяжении многих веков останется порядка десятков тысяч кюри, будучи неизменной в течение жизни поколений. Общее же количество нераспавшегося плутония в выбросе на сегодня превышает количество распавшегося в десятки раз.

5. Смертоносное облако

Никакого изучения радиационной обстановки в районе ЧАЭС и вдали от нее до утра 26 апреля 1986 года не производилось. Между тем скорость ветра в эту ночь составляла там, как сообщается в "Информации", 5-10 метров в секунду. Поэтому основная масса радиоактивных газов и пыли, образовавшейся при конденсации и отвердевании выброшенного из реактора испаренного и расплавленного топлива, была за пару часов унесена ветром за пределы 30-километровой "особой" зоны. Быстро остывшее, отягченное твердой пылью, не поглощавшей собственных излучений, радиоактивное облако первичного выброса не поднялось (за исключением некоторой части радиоактивных газов) в верхние слои тропосферы подобно "грибу" "классического" атомного взрыва. Невидимое в ночи, оно дрейфовало по воле ветра на небольшой высоте, касаясь местами земли, постепенно расплываясь, неравномерно высеивая радионуклиды и оставляя радиоактивные "пятна" на своем пути. На одном из таких "цезиевых пятен" окажется потом новый город Славутич, спешно построенный для сотрудников ЧАЭС. Внутри

облака уровень радиации поначалу был очень высоким, как и концентрация "горячих" частиц. Попавшие в него в первые часы после взрыва могли стремительно получить смертельные дозы облучения снаружи и изнутри. Не с этим ли связано нелегальное сообщение киевского врача Т. Яценко в первые дни катастрофы о двух тысячах погибших, из которых многие сами стали опасными источниками радиоактивных излучений и были похоронены без всяких оцинкованных гробов в могильниках для радиоактивных отходов? Несколько позже физик И. Геращенко, бывший киевлянин, выступая перед комиссией Конгресса США, сообщит о пятнадцати тысячах погибших тогда от радиации. Достаточно долго оставалась секретом попытка искусственно осадить радиоактивное облако в Могилевской области (см. хотя бы подборку писем "Атомная энергетика — надежды ведомств и тревоги общества". "Новый мир" № 3, 1989), то ли — чтобы не допустить радиоактивных выпадений в Москве, то ли — чтобы предотвратить утечку за рубеж важного государственного секрета*. Возможно, такие попытки предпринимались и в других местах. Но полностью осадить радионуклиды на советских территориях все равно не удалось. За двое суток многократно поредевшее радиоактивное облако достигло Скандина-

* 27 апреля 1986 года расположенная в польском городе Миколайки метеорологическая станция зарегистрировала стремительное увеличение радиационного фона, о чем сообщила в Варшаву. Вскоре на станцию явились вооруженные милиционеры и выключили ее оборудование. К этому времени в Советском Союзе по секретному распоряжению была выключена и опечатана дозиметрическая аппаратура в организациях, непосредственно не связанных с ядерным военно-промышленным комплексом.

вии. По обнаруженному в выпадениях нептунию шведские специалисты установили, что в Советском Союзе произошла тяжелая авария ядерного реактора, а не взрыв ядерной боеголовки.

А результаты последующих атмосферных измерений радиационной обстановки в "особой" зоне, подробно изложенные в "Информации", определялись больше активностью дыма, поднимавшегося еще в течение нескольких дней из горящего реактора, чем первичным выбросом. По-видимому, именно с этим дымом и были вынесены из реактора те указанные в "Информации" 3,5% радионуклидов, "вколоченных" вместе с распыленным взрывом топливом в графит и освобождавшихся из него по мере выгорания последнего. Эти радионуклиды распространялись в разные стороны, в том числе и в сторону Киева*, в соответствии с изменениями направления ветра, пока реактор не был засыпан с вертолетов тысячами тонн песка, доломита, свинца и других материалов.

6. Ликвидация последствий и последствия ликвидации

С лета 1986 года, после краткого периода замалчивания, советская пресса начала расписывать на все лады как работу по ликвидации последствий катастрофы и восстановлению АЭС, так и партийно-государственную

* По недавно полученным неофициальным сведениям, к концу 1989 года радиационный фон там в среднем втрое превышал естественный. В Хиросиме радиационный фон снизился до такого уровня через три недели после бомбардировки.

заботу о тех, кто ее выполнял. В газетах публиковались фотографии бульдозеров и других машин с защищенными кабинами, снимающих загрязненный радиоактивными выбросами слой почвы, фотографии людей в спецодежде и респираторах, с распылителями дезактивирующих составов в руках. Красочно описывались героические усилия врачей, пытавшихся спасти даже безнадежно облученных. Писали о создании хороших бытовых условий для работающих в пораженной зоне, о превосходном их питании (в чем корреспондентам предоставлялось убедиться самим), о вахтовом методе работы: пятнадцать дней труда в пораженной зоне — пятнадцать дней отдыха за ее пределами под медицинским наблюдением, о сокращенном рабочем дне на вредных работах и строгом индивидуальном дозиметрическом контроле — с освобождением от работы при облучении, превысившем допустимые нормы.

Все это, по всей видимости, действительно имело место в отношении определенного контингента людей. Речь идет об оставшихся на АЭС ее постоянных работниках, работниках специализированных гражданских организаций и военнослужащих специальных подразделений, официально командированных, часто вместе с соответствующей техникой, на аварийные работы в качестве специалистов и квалифицированных рабочих, знания и опыт которых могли бы пригодиться и в будущем.

Но был и другой контингент — *"ликвидаторов"* — мобилизованных как будто на военную переподготовку людей самых разных специальностей, использовавшихся в качестве чернорабочих. Некоторых из них даже не вызывали по повестке из военкомата (как это принято в СССР в мирное время), а поднимали среди ночи и увозили в неизвестность. Мобилизованным говорили,

что это лишь "командировка", причем "добровольная" (!), что рабочий день будет сокращенным, чуть ли не двухчасовым, чтобы не подвергаться высокой дозе облучения, что работа вообще не будет опасной, что все будут на месте обеспечены необходимой спецодеждой и т.д. и т.п.

Газета "Новое Русское Слово" от 28 августа 1986 года, ссылаясь на "Нью-Йорк Таймс", сообщает об опубликованной между 12-м и 16-м августа 1986 года таллинской комсомольской газетой "Ноорте Хааль" серии статей ее корреспондента Тониса Авиксона, побывавшего на Чернобыльской АЭС. Именно благодаря оперативности Авиксона и позиции, занятой уже тогда частью эстонской официальной прессы, выплыла так рано правда о действительном положении и условиях труда мобилизованных "ликвидаторов". Их рабочий день в пораженной зоне вокруг АЭС продолжался — вопреки узаконенным нормам — 14 часов, с шести утра до восьми вечера. Они обмывали из пожарных шлангов дома и деревья, удаляли зараженный радиоактивными выбросами верхний слой грунта и заменяли его новым. Впоследствии выявились ужасные подробности: съем грунта, его погрузка на самосвалы и разравнивание привезенного незараженного (ли?) грунта производились вручную, лопатами. Следует отметить, что при такой "дезактивации" осевшая на землю радиоактивная пыль неминуемо подбрасывалась в воздух, на волю ветра, вторично. Никакой спецодежды, способной хотя бы защитить от попадания на кожу радиоактивных веществ, им не выдавали. Только марлевые "намордники" кустарной выделки. Питание было отвратительным. Жили в палатках.

Кто именно, что за служба техники безопасности несла хотя бы формальную ответственность за жизнь и

здоровье мобилизованных, не состоявших ни в штате АЭС, ни в штате гражданских организаций, выполнявших там аварийные работы, ни в составе срочных и кадровых военнослужащих направленных туда войсковых подразделений, неизвестно.

Авиксон пишет только о ликвидаторах-эстонцах. Это они в июне-июле 1986 года выступили с протестом против бесчеловечного отношения властей и объявили забастовку. По свидетельству мобилизованного на "ликвидацию" офицера запаса Гуннара Хагельберга, умершего впоследствии от радиационных поражений, двенадцать эстонцев, отказавшихся продолжать убийственную работу, были там расстреляны.

Но положение мобилизованных со всего Советского Союза "ликвидаторов" всех национальностей было таким же. Они быстро заболели. У них было достаточно оснований подозревать причину этого в облучении. А им заявляли, что уровень радиации "нормальный". Дозиметры индивидуального пользования были редкостью, а имеющиеся не позволяли работающим самим следить за интенсивностью радиации и контролировать дозу облучения. После окончания смены дозиметры сразу же отбирали. Как сообщил главный радиолог Минздрава РСФСР проф. Г. Зубовский, "заинтересованные ведомства до сих пор скрывают данные истинных доз облучения. А они порой в десятки раз превышают официальные" ("Известия", 8 февраля 1990).

Через чернобыльский ад прошли полмиллиона "ликвидаторов", в основном мужчин, еще способных к продолжению рода. Многие из них не без оснований опасались стать импотентами. Но стали ими далеко не все...

Еще в 1945 г. генетик М. Демерец (США) установил, что частота мутаций, вызванных воздействием радиа-

ции, может возрасть у бактерий в течение нескольких последующих поколений. Сегодня, спустя три поколения, у потомков жителей Хиросимы и Нагасаки, переживших бомбардировку, онкологические заболевания выявляются чаще, чем у окружающего населения. А двадцать с лишним лет назад в США были истреблены популяции мясной мухи в ряде штатов. В популяцию выпускались облученные соответствующей дозой радиации самцы. Через несколько поколений в ней появлялось множество всевозможных уродов. А затем вся популяция исчезала.

А ведь генетический механизм передачи наследственных признаков у простейших, у мух и у людей по существу одинаков! Может ли быть, чтобы этого не знали профессор Л. А. Ильин и прочие руководители советской секретной биофизики?

Вся полнота последствий поражения генофонда народов сегодняшнего СССР как в результате самой чернойбыльской катастрофы, так и "ликвидации ее последствий" еще впереди. Думали ли об этом те власть имущие, которые поставили целью возможно скорее запустить генераторы ЧАЭС любой ценой? Поняли ли они теперь, какую цену придется за это платить будущим поколениям?

7. Ваше заболевание не связано с облучением

Каково общее количество пострадавших от Чернобыльской катастрофы?

В первые дни было официально объявлено о двух погибших непосредственно при катастрофе. Через не-

сколько месяцев официальное число ее жертв выросло до 31 — в основном за счет сотрудников ЧАЭС и пожарных, попавших в больницу № 6 г. Москвы, где в их лечении принимали участие американец д-р Гейл и еще несколько врачей из-за границы. Тридцать вторым был официально признан кинооператор Шевченко, производивший съемки на ЧАЭС в первые дни и недели катастрофы.

12 ноября 1989 года "Московские новости" сообщили, что из находившегося на территории станции в момент катастрофы персонала умерли двести пятьдесят человек*.

Но хотя радиоактивный выброс не остался в пределах территории ЧАЭС и даже наспех обведенной вокруг нее "особой" зоны, а его излучение не прекратилось и поныне, благодаря своевременно принятым службами здравоохранения мерам от радиационных поражений и их последствий с осени 1986 года в Советском Союзе болели и умирали редко - в полном соответствии с цитированным выше оптимистическим прогнозом, представленным в "Информации". До самого последнего времени.

Как недавно стало известным, меры эти в действительности заключались в ряде секретных указаний, исключавших самую возможность установления истинных масштабов радиационного поражения и постановки правильных диагнозов пострадавшим от Чернобыльской катастрофы. А число их было огромным. И не только среди населения зараженных радиоактивными выпадениями территорий. Как мы указывали вы-

* А прочих?! Не случайно ведь официальные и неофициальные данные расходятся в сотни, а то и в тысячи раз.

ше, на ликвидацию последствий катастрофы были мобилизованы в общей сложности полмиллиона человек. Переоблученные, инкорпорировавшие в огромных количествах "горячие частицы", систематически болеющие "ликвидаторы" стали бельмом на глазу у властей предрежущих. Они не только "портили статистику" самим фактом своего существования. Они оставались еще носителями очень нежелательной для властей информации. Их было слишком много. Государству они в массе своей были уже не нужны, а их лечение (весьма проблематичное*) на должном уровне, требующее больших затрат, включая валютные, для разваливающейся советской экономики было непосильным. Поэтому лучший выход для правящих был: дать им поскорее вымереть и, главное, — без констатации диагнозов и статистического учета.

Эту людоедскую акцию — в духе давних традиций советской атомной мафии — осуществляло тесно связанное с ней третье Главное управление Минздрава СССР, ведающее радиационной медициной. То самое, которое, казалось, и должно было бы помочь пострадавшим. В статье д-ра Л. Салямона "Особая зона медицины — еще раз о здоровье чернобыльцев", помещенной

* Проф. А. Н. Воробьев, участвовавший вместе с американским д-ром Р. Гейлом и другими специалистами из нескольких стран в 1986 году в лечении группы тяжело пострадавших сотрудников ЧАЭС и пожарных, признал безрезультатность сделанных им пересадок костного мозга ("Новое Русское Слово" от 30 сентября 1987 г.). Причина неудач кроется, по его словам, в особенности "аварийной" лучевой болезни. По всей видимости, под этим подразумевается поражение гамма-излучением в зоне катастрофы, осложненное продолжающимися внутренними альфа- и бета-излучениями, идущими от инкорпорированных "горячих частиц".

в газете "Известия" от 2 февраля 1990 г., сообщается: еще 27 июля 1986 года начальник третьего главного управления Минздрава СССР К. Шульженко подписал секретное распоряжение, суть которого — "засекретить сведения о степени радиоактивного поражения персонала, участвовавшего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС". В соответствии с этим распоряжением право устанавливать диагнозы "чернобыльцам" было оставлено *только* за московской больницей № 6 при сверхсекретном Институте биофизики (подчиненном тому же третьему главному управлению) и Институтом клинической радиологии, где обращавшимся давались стандартные ответы: "Ваше заболевание не связано с аварийной работой", или "Ваше заболевание не связано с облучением". На вопрос: "Чем же я болен, доктор?" — сотрудники этих институтов, давно позабывшие клятву Гипократа, придумали множество ответов: "Возрастные изменения", "Следствие обильного питания во время аварийных работ" и т. д. и т. п. И даже "Результат беспорядочной половой жизни". Тем, у кого дозиметрические данные отсутствовали, отвечали короче: "Нет доказательств!" Для упорствующих изобрели "диагнозы": "радиофобия", "синдром лучевого похмелья" и др. Как они напоминают "шизоинакомыслие", "параноидальную реформоманию" и прочие "термины" карательной психиатрии! Все остальные врачи, врачебные коллективы, целые клиники и институты — независимо от квалификации специалистов — были лишены права официального установления фактов радиационных поражений и их последствий. Они могли не отвергать связи между состоянием больного и его работой по "ликвидации", но никакой правомочной справки, касающейся его временной нетрудоспособности или инвалидности, обусловленной этой его работой,

выдать не могли*. Вдобавок и "ликвидаторы" были связаны подписками о неразглашении, взятыми у них органами КГБ. Умершим от последствий чернобыльских радиационных поражений в обычных больницах с первых дней катастрофы велено было ставить диагнозы "сосудистая атония" или указывать другую нерадиологическую причину смерти. В опубликованной "Огоньком" статье А. Голикова "Полураспад" рассказано, как честный врач (рискуя нажать серьезные неприятности) старается помочь пациенту хотя бы советом: "Вам бы лучше никому не говорить, что участвовали в ликвидации чернобыльской аварии. Иначе лечить не будут".

На что же рассчитывали авторы и исполнители этой бесчеловечной акции? Видимо, на то, что ее секретность переживет всех пострадавших от радиационных поражений, прямо или косвенно связанных с Чернобыльской катастрофой, что на упорствующих — больных и врачей — найдется надежная управа, включая карательную психиатрию. А свободному миру гораздо легче принять любые успокоительные версии, чем ужас действительности.

Чтобы не вскрывать умерших от радиационных поражений, находили различные поводы. В указанном выше материале "Большая ложь" белорусский писатель Адамович сообщает: "Но когда вскрывали людей, умерших якобы от других болезней, например, от ишемии, то оказывалось, что у них в легких - это зафиксировано

* Тот же проф. А. Н. Воробьев поясняет, что атипические клетки, возникшие вследствие радиационных поражений, имеют характерные хромосомные особенности. Поэтому этимология заболеваний, вызванных такого рода поражениями, может быть определена специалистами.

оказывалось, что у них в легких - это зафиксировано белорусским профессором Е. Петряевым - в огромном количестве так называемые горячие частицы. До пятнадцати тысяч! Две тысячи таких частиц - гарантия рака”.

А. Адамович заканчивает свои выступления следующими словами:

”Люди, повинные во всех этих преступлениях, во всей этой лжи и обмане, укрывательстве истины, — эти люди ситуацию изменить не смогут. Так как они и дальше, скрывая свою ложь, должны будут изворачиваться и лгать. Поэтому те, кто еще не успел уйти..., должны уйти со своих постов”.

На фоне разоблачительных публикаций в советской и зарубежной прессе и дальнейшего изменения социально-политической ситуации в стране группа ”ликвидаторов” создала ”Союз Чернобыль” и, игнорируя свои ”подписки о неразглашении”, открыто объявила о своем праве на нефальсифицированный диагноз, нефиктивное лечение и соответствующие их положению социальные льготы. К ним присоединились многие другие пострадавшие. Несколько человек, находившихся в больницах Москвы и Свердловска, объявили голодовку.

И власти уступили...

Некоторых особенно заслуженных ”ликвидаторов” послали обследоваться, а кое-кого - и лечиться за границей. Но обеспечить медицинскую помощь на современном уровне всем сотням тысяч, если не миллионам, пострадавшим от Чернобыльской катастрофы советское руководство все равно не сможет по экономическим причинам.

Группа детей, пострадавших от радиационных поражений, и трое пожарных, тушивших пожар на ЧАЭС

после катастрофы, попали на обследование в Израиль. Шестнадцатилетняя Наташа Безик, жительница Припяти, дала жестокое и откровенное интервью израильской газете "Хадашот" ("Новости"):

"Я знаю, что меня никто не сможет вылечить. Может быть, это эгоистично и даже цинично, но для меня это была единственная возможность выехать за границу, немножко взглянуть на мир за пределами Советского Союза... Правду говоря, я вообще не вижу для себя будущего. Привыкла к мысли, что я больна и мне осталось недолго жить".

А пожарные, избавившись ненадолго от приставленного к ним "няньки", дали групповое интервью выходящей в Израиле на русском языке газете "Новости недели", опубликованное вместе с интервью Наташи Безик в выпуске от 25 марта 1990 года.

На вопрос корреспондента Л. Дранкера: "А как вы были одеты?" – пожарный Владимир Лещук ответил: "Вы хотите спросить, какая у нас была защита от радиации? Фактически никакой...". Его напарник Петр Шаврей пояснил позже: "У нас не было специальных костюмов. Только кислородно-изолирующие противогазы, но они предназначены... не для радиационной обстановки. ...Я сбросил его – он сильно мешал". И потом: "Дали нам «лепестков» – это вроде марлевой повязки на лицо, но их на всех не хватило".

"Начальство сказала: «Все нормально, ребята, ничего страшного нет»", – рассказывает Лещук.

– Когда вы почувствовали недомогание?

– Почти сразу же, в первые дни. Почувствовали себя плохо все и решили обратиться к врачам, но врачей там не было. Дней через десять они все-таки у нас

появились и стали брать кровь на анализы. "Все нормально, ребята", — сказали они через пару дней. Потом нас всех отправили в Донецк, в больницу... Уже и на ногах некоторые не стояли...

"На что жалуетесь?", — доктор спрашивает. Мы ему: "Не видите, что мы загибаемся?" А он: "Ничего, ребята, это дело поправимое, это от усталости, от дыма".

Через два года у Лещука определили лимфосаркому с метастазами в корнях легких и сказали жене, что он безнадежен и умрет в течение месяца. И тут же: "Нет, это совершенно не связано с его работой, с облучением. Просто он заболел чем-то". Но Лещук упорно продолжал жить.

"В конце концов признали, — продолжает свой рассказ Лещук, — что мое заболевание связано с чернобыльской аварией... Я хочу получить у ваших врачей диагноз моего обследования... Нашим врачам я не верю. Может быть, им приказали не говорить правду. Все, что они говорили раньше, было просто брехней. Конечно, я хотел бы полечиться в Израиле, но это пока невозможно...

...Мы создали общество "Совет Чернобыля", и я полностью хочу себя посвятить деятельности в нем. Есть еще много людей: и пожарники, и "атомники", и служившие на атомных подводных лодках, — которые до сих пор мучаются от последствий и не получают необходимого лечения и материальной компенсации..."

Между тем, в созданный вскоре после катастрофы фонд помощи жертвам Чернобыля поступили значительные средства, в том числе валютные. В чьих они оказались руках? На что они расходуются?

Новый председатель Моссовета народный депутат СССР Гавриил Попов в статье "За что голосует Россия" сообщает: "Дошли же на пятом году перестройки "вож-

ди” белорусского аппарата до того, чтобы даже валюту для жертв Чернобыля использовать для своего отдыха за границей” (“Огонек” № 10, март 1990, с. 5). Только ли белорусские аппаратчики?

Тайное становится явным. И всё громче раздаются требования привлечь к ответственности руководящих деятелей союзного и республиканских министерств здравоохранения, Госкомгидромета, Национального совета по радиационной защите и т. п. — Шульженко, Исраэля, Ильина, Романенко (тогдашний министр здравоохранения УССР, он же — руководитель Всесоюзного научного центра радиационной медицины АМН СССР и одновременно — председатель межведомственного экспертного совета по установлению причинной связи заболеваний и инвалидности с работами по ликвидации аварии на ЧАЭС. Сколько козырных карт в одних руках против неосведомленного и бесправного “ликвидатора”) и других. Это они, вполне осознавая, что делают, на протяжении четырех лет дезинформировали жителей зараженных радионуклидами регионов и лишили тысячи и тысячи пострадавших от радиационных поражений, потерявших здоровье на ликвидации последствий чернобыльской катастрофы людей их законного права на лечение и социальное обеспечение, чем фактически значительно усугубили вред, нанесенный ею населению страны.

А тем временем происходит ночной налет на вычислительный центр Института Радиационной Медицины Минздрава БССР. Были похищены компьютеры вместе с банком данных о множестве людей, пострадавших от радиации. Как было видно из телепередачи, техника была, что называется “вырвана с мясом”. Трудно себе представить, чтобы обыкновенные грабители, рассчитывая как-то реализовать на “черном рынке” добычу,

стали с ней обращаться подобным образом. Потом компьютеры были обнаружены, но банк данных исчез бесследно. Правомерен вопрос: *кому это было выгодно?*

8. Ложь во погибель и немыслимое недомыслие

В "Чернобыльской тетради" Г.Медведев сообщает, что в первые минуты после катастрофы в голове заместителя главного инженера ЧАЭС А.С. Дятлова, руководившего экспериментом, родилась такая версия: "Мы все делали правильно. Взорвалась гремучая смесь — то ли в системе управления защитой, то ли в сепараторе пара. А реактор цел и его надо спасать".

По меньшей мере, три человека из персонала ЧАЭС заглянули в шахту реактора и доложили, что он полностью разрушен (потом они умрут мучительной смертью). Но казавшаяся спасительной, а в действительности губительная легенда жила и распространялась за пределы станции куда быстрее, чем радиоактивные облака. И доказательно опровергнуть ее было нечем — на АЭС не оказалось аппаратуры для измерения высоких уровней радиации. Это выглядит невероятным, — но факт. Все приборы на 3,6 рентген/час зашкаливали. Отсюда был сделан вывод: "уровень радиации составляет 4 или 5 рентген/час". Сотрудники ЧАЭС и прибывшие на станцию пожарные ощущают запах озона, металлический вкус во рту и другие признаки чего-то необычного. Тем не менее они из последних сил продолжают борьбу за спасение уже несуществующего реактора, заживо сгорая в извергнутом им радиоактивном аду. Тем временем в Москву и в Киев, в партийные и правительственные инстанции летят телефонные сообщения: "Реактор цел. Подаем воду в аппарат. Взорвался ава-

рийный бак... Радиационная обстановка в пределах нормы..."

В ответ следует: "Продолжайте расхолаживать реактор". Так замкнулся порочный круг взаимной дезинформации. Он был весьма удобен для всего начальства — партийного, советского, министерского. На какое-то время.

Под утро директор ЧАЭС В. П. Брюханов получает у начальника штаба гражданской обороны дозиметр на 250 рентрен/час, и они вместе обходят аварийный четвертый блок. Этот прибор тоже зашкаливает во многих местах. Брюханов не верит показаниям прибора. Начальник штаба убеждает его, что прибор исправен. В директорском кабинете Брюханова уже ждут местные партийные и советские руководители. В опубликованном 12 января 1990 года "Новым Русским Словом" интервью Брюханова, данном им в лагере усиленного режима по разрешению властей (чего только не происходит с "гласностью" в конвульсиях "перестройки"), он вспоминает, как отреагировали местные боссы на его сообщение, в котором прозвучал первый намек на эвакуацию населения: "Ты что говоришь, ведь паника будет!.." * Эти боссы боятся любой народной реакции

* Г. Медведев в "Чернобыльской тетради" рассказывает, как председатель правительственной комиссии по ликвидации последствий Чернобыльской "аварии" Б.Е. Щербина на протяжении всего 26 апреля противился эвакуации населения Припяти, Чернобыля и пр., чтобы "не поднимать панику". Эвакуацию начали только после полудня 27 апреля. К этому времени многие их жители успели получить тяжелые радиационные поражения.

пуще всякой радиации* . Но Брюханов трепещет перед ними не меньше. Как иначе понять, почему он, только что намерив сам сотни рентген в час (с зашкалом!), решил подписать кем-то составленный лживый, дезинформирующий и принесший огромный вред официальный документ о якобы мизерных уровнях радиации на ЧАЭС и в городе Припяти, ставший потом основным материалом выдвинутого против него уголовного обвинения? Страх, лежащий в основе абсурдной системы и, в свою очередь, порождающий цепь абсурдов. И ведь что самое поразительное? Многие из участников драмы ведут себя с удивительным личным мужеством, до последнего часа. Они рискуют и жертвуют жизнью. Но страх перед правдой, въевшийся в души, — страх, на котором держится весь жизненный уклад, сильнее страха смерти! Это нежелание взглянуть правде в глаза и особенно — боязнь произнести ее вслух превращаются в поток бессмысленных заклинаний: "Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда". Надо повторять это до конца — и так и будет!

Через несколько дней после катастрофы министр энергетики СССР Майорец спрашивает Брюханова: "Почему на станции нет нужных приборов?" Брюханов отвечает: "Произошла *непроектная* авария. Случилось *немыслимое...*"

* В упомянутом выше материале "Большая ложь" писатель А. Адамович рассказывает, как в первые дни после катастрофы белорусский физик-ядерщик проф. В. Нестеренко обратился к верховным бонзам республики с перечнем незамедлительных мер, включая эвакуацию населения. Его попросту выгнали из кабинета. Он вынул дозиметр и пошел мерить фон у цеховских секретарш, посеяв там такую панику, что руководству пришлось как-то реагировать. Но именно "как-то".

В "Чернобыльской тетради" перечислен ряд аварий на советских АЭС, многие из которых сопровождались плавлением и разрушением топливных сборок, выбросами больших количеств радионуклидов (до полутора миллионов кюри на продолжающей после этого работать как ни в чем ни бывало Ленинградской АЭС — в сто тысяч раз больше, чем на американской АЭС на Трёхмильном острове) и переоблучением персонала, часто смертельным. Уровни радиации составляют при подобных авариях отнюдь не миллирентгены и даже не рентгены в час, а многие их сотни, а то и тысячи. Была такая авария и в 1982 году на первом блоке ЧАЭС, директором которой и тогда был Брюханов. Так что дело не в немыслимом, а в недомысленном, вернее безмысленном.

А вот насчет *возможности* превращения ядерного парогенератора в "атомную бомбу замедленного действия", как раз-то и *запроектированной* в самой конструкции реакторов серии РБМК, эксплуатационники АЭС находились в полном неведении. Инструкции по эксплуатации реакторов этой серии, действительно, запрещали некоторые манипуляции, но в целом допускали довольно широкое толкование и, главное, не указывали на основную опасность, связанную с возможностью саморазгона в некоторых режимах работы. На вопросы корреспондента Н. Караулова Брюханов отвечает:

"Конечно, персонал и я — мы никогда не думали, что реактор может взорваться. Думали, что барабан-сепаратор... что еще какой-то сосуд. Но чтобы сам реактор — этого никто не мыслил... Не только в учебниках, но во всей нашей документации об опасности взрыва не было сказано ни слова... Сама мысль, что реактор

может взорваться, - я думаю, ни у кого не возникла”.

Ни у кого из теплоэнергетиков — специалистов по паровым котлам — вполне возможно. Как бы то ни было, экспертиза технического проекта реактора, действительно, не сочла его взрывоопасным. Таковым он был признан, оказывается, после взрыва, перед судом, на котором Брюханову и другим руководящим работникам ЧАЭС пришлось отвечать, кроме всего прочего, еще за нарушение правил работы со взрывоопасными установками.

Только в тюрьме, знакомясь со своим делом, Брюханов понял, что произошел саморазгон реактора, завершившийся взрывом. Но почему, каким и чего именно? Впрочем, ему ли, заурядному инженеру-турбинисту, домыслить в заключении недомысленное президентом Академии наук А. Александровым и его мафией в монополизированных ими сверхгигантских ”атомных” НИИ и КБ?

Зря попрекает Брюханов в своем интервью командира пожарной части майора Телятникова. Его бойцы, действительно, тушили ”пожар как пожар”, героически борясь с радиационным отравлением, понимаемым в те часы как химическое. Никакой специальной техники, предназначенной для работы в условиях высокой радиации, его приписанная к ЧАЭС пожарная часть не имела — как и другие пожарные части, вызванные из Киева и других городов. Не было у них даже дозиметров. Если бы руководители станции сообщили Телятникову о смертельно высоких уровнях радиации, о принципиальной невозможности потушить горящий реактор с

графитовым замедлителем струями воды*, то, возможно, действия пожарных были бы иными. Но какую полезную информацию могли сообщить пожарным Дятлов и другие руководители станции, если сами не знали и даже не догадывались о том, что у них произошло в действительности?

Последовавшее затем забрасывание горящего реактора сыпучими материалами сопровождалось, по мнению Брюханова, усилением выброса из него радиоактивной пыли. Это, конечно, верно. Но решение дать графиту выгореть до конца — это могло в конечном счете привести к еще большему выбросу радионуклидов. Однако ни о каком другом способе погасить горящий графит в шахте реактора и уменьшить радиоактивные выбросы Брюханов в своем интервью не упоминает.

Трудно также согласиться с Брюхановым и в оценке действий начальника строительства Кизимы, не убравшего людей со стройки пятого блока ЧАЭС. Вот их диалог на фоне горящего реактора утром 26 апреля:

— Что там, серьезное что-нибудь?

— Конечно, очень серьезное. Выводите людей немедленно.

Никаких дальнейших разъяснений не последовало.

Но если Брюханов и другие руководители ЧАЭС не поняли, что произошло и каков масштаб опасности, то откуда это мог сразу понять и оценить инженер-строитель Кизима? Для него происходящее на станции тоже было "пожар как пожар". Через несколько часов, когда рабочие станут жаловаться на плохое самочув-

* Только затоплением, как потушили в Виндскейле (Англия) в 1957 г. Но здесь и это было бы невозможным из-за многочисленных стоков в его полуразрушенном взрывом корпусе.

стве, высказывая предположение, что "Брюханов что-то выплюнул", Кизима отпустит строителей. Но — было уже поздно, и они почти все впоследствии погибнут.

Если бы Брюханов на основании своих утренних измерений распорядился хотя бы не впускать строителей на территорию ЧАЭС, большая часть их осталась бы в живых. Но ведь была бы паника!..

А в своем осуждении Щербицкого, не отменившего первомайскую демонстрацию в Киеве, Брюханов совершенно прав. К концу апреля советское руководство уже знало, что реактор взорвался и что радиоактивный выброс огромен. Реактор еще не был засыпан и продолжал извергать радиоактивный дым. Угроза провала раскаленных масс в бассейн под реактором и выброса оставшихся в нем радионуклидов еще не миновала. Метеорологическая ситуация оставалась крайне неустойчивой. Но демонстрация состоялась, а ветер гнал по улицам города радиоактивную пыль. За эту сумасбродную акцию кремлевского сатрапа населению Киева придется расплачиваться в течение не одного поколения. Характерно, что многие высокопоставленные киевские деятели, знавшие реальную ситуацию, в первые же дни после катастрофы отправили свои семьи из города достаточно далеко, не поднимая шума.

На вопрос: "Кто несет персональную ответственность за взрыв в Чернобыле?" — Брюханов отвечает, что припятский горисполком и служба гражданской обороны. Ответ очень странный. Местные власти г. Припяти не проектировали реакторы и не вмешивались в ход эксперимента. А гражданская оборона оказалась лучше подготовленной к радиационной опасности, чем ЧАЭС, и в критический момент предоставила Брюханову прибор для измерения высоких уровней радиации. Другое дело, если говорить о последствиях этого взрыва. Роковой

документ Брюханов подписал явно под давлением киевских и местных властей. Служба гражданской обороны, конечно, при всех ее недостатках, могла сделать многое. Но в чем ее обвинять, если согласно этому документу ее вмешательство получалось излишним?

Еще более странно, что Брюханова, номенклатурщица не столь уж высокого ранга, исключают из партии на заседании Политбюро ЦК КПСС. Горбачев спросил Брюханова, знает ли тот о последствиях аварии на атомной станции в Пенсильвании. Эта авария, известная как "авария на Трёхмильном острове" (см. выше), произошла с реактором совершенно иного типа и совсем по другой причине. И не привела к человеческим жертвам. Было бы куда естественнее, если бы Горбачев спросил, знает ли Брюханов об авариях на советских АЭС, их причинах и последствиях. Но о таком вопросе Брюханов не сообщает.

Многое еще остается загадочным из того, что происходило на ЧАЭС и вокруг нее в первые часы и дни катастрофы.

У населения Чернобыля, Припяти и близлежащих поселков, многие жители которых работали на ЧАЭС, по-видимому, оказались кое-какие дозиметрические приборы. Специалистам несложно было многократно расширить их диапазоны измерений и определить уровни радиации, пусть даже грубо. Попытки властей "пресекать кривотолки и разговорчики", о которых сообщает автор "Чернобыльской тетради", оказались мало эффективными. Скоро началась массовая паника, и задолго до начала эвакуации тысячи людей бросились бежать из опасной зоны по принципу "Спасайся, кто может!", справедливо страшась, что она может быть объявлена закрытой не только для въезда, но и для выезда. В середине июня "Правда" сообщила, что зна-

чительная часть инженерно-технических работников ЧАЭС, включая даже одного из заместителей директора, покинула станцию сразу же после "аварии" и находится неизвестно где.

Суд над несколькими руководителями ЧАЭС состоялся в опустевшем Чернобыле в июле 1987 года. Если бы он был действительно открытым, со свободным состязанием по-настоящему равноправных обвинения и защиты, с тщательным анализом независимыми экспертами представленной обеими сторонами документации, с опросом неизбежно огромного количества свидетелей и прочими атрибутами демократического правосудия, он продлился бы не неделю, а немало месяцев. В ходе разбирательства выплыло бы множество фактов и подробностей, остающихся за семью печатями и поныне. Дело никак не могло бы быть сведено к правомерности действий руководителей и сотрудников ЧАЭС. Вопрос о характеристиках реакторов серии РБМК встал бы со всей остротой. И не только он. Тем более, что бывший главный инженер ЧАЭС Н. Фомин заявил, что причиной "аварии" была конструкция реактора, а его заместитель А. Дятлов, руководивший злополучным экспериментом, — что станция плохо построена.

Можно себе представить, о чем пришлось бы рассказывать главным инициаторам разработки реакторов этой серии — тогдашнему президенту АН СССР и директору Института атомной энергии им. Курчатова академику А. Александрову и руководителю Головного конструкторского бюро реакторостроения члену-корреспонденту АН СССР И. Емельянову, не говоря уже о председателе Госкомитета по атомной энергии СССР А. Петросьянце. Яснее ясного, что бы рассказали д-р Жежерун и другие специалисты, предсказавшие опасные особенности реакторов серии РБМК — и оставшиеся

неуслышанными. И разработчики системы защит реакторов, и... и... и...

Не мог бы не встать и вопрос о последствиях катастрофы, их ликвидации и последствиях этой ликвидации. Как пришлось бы изворачиваться тем же, упомянутым нами выше, Шульженко, Ильину, Исраэлю, Романенко и другим высокопоставленным исполнителям преступных директив, полученных по верховной "вертушке"! Тем самым, которые (в отличие от сидящих на скамье подсудимых руководителей ЧАЭС) прекрасно понимали, что они делают и какие дополнительные физические и моральные муки причиняют они множеству пострадавших, часто смертельно пораженных людей.

А какие постыдные подробности пришлось бы раскрывать одному из главных (если не главному) инициаторов "Большой лжи", заместителю председателя совета министров СССР, первому председателю правительственной комиссии по ликвидации последствий Чернобыльской "аварии" Б. Е. Щербине?

"Большая ложь" была бы тогда раскрыта двумя годами раньше — и куда полнее...

Очень даже понятно, почему было решено провести процесс не в Киеве даже, а в закрытом Чернобыле, ограничить дело событиями на ЧАЭС, а состав подсудимых — группой ее несведущих (не по их вине) администраторов, которых и стрелочниками не назовешь. Некоторые из них, медленно умирающие от радиационных поражений, были недавно помилованы.

Почти через два года после суда упомянутый выше Романенко на майском, 1989 года, пленуме ЦК КП Украины заявил: "Со всей ответственностью могу сообщить, что кроме тех, кто заболел, которых двести девять человек, сегодня нет людей, заболеваемость которых можно или необходимо связывать с действием

радиации”. Большие лжецы сохранили полную свободу лгать и дальше. Нагло, вызывающе, наперекор уже общеизвестным фактам и – не боясь ответственности.

9. Можно ли было предотвратить катастрофу?

О пороках реакторов серии РБМК и действиях персонала ЧАЭС в ту роковую ночь – написано уже немало, в том числе и в советской прессе. Но существовала ли возможность – в принципе и в действительности – не допустить перехода аварии реактора в чудовищную катастрофу? Именно по причине самой возможности их лавинного саморазгона такого рода реакторы (если уж допускать их промышленное использование), казалось бы, обязательно должны были оснащаться высоконадежными быстродействующими (за доли секунды) автоматическими системами регулирования и аварийного выключения. Вот что пишет об этом акад. В. А. Легасов в упомянутой выше статье “Мой долг рассказать об этом”: “...только оператор мог ввести стержни аварийной защиты – либо автоматически с подачи одного из датчиков, либо вручную. ...других систем защиты, которые были бы независимы от оператора, которые срабатывали бы исключительно от состояния зоны аппарата, не было. ...специалисты вносили предложения конструктору об изменении системы аварийной защиты. Они не отвергались, но разрабатывались очень медленно...”. Как бы то ни было, факт остается фактом: опаснейшие реакторы один за другим вступали в строй, а быстродействующих автоматических систем их аварийной защиты не было!

Но вспомним: в середине 1950-х гг. советская пресса сообщила о демонстрационном эксперименте, проведен-

ном на реакторе первой советской опытно-промышленной АЭС в Обнинске. Из его активной зоны был мгновенно удален один из управляющих стержней. На приборах пульта управления колыхнулись стрелки (тогда они были стрелочными) — все, кроме стрелки индикатора мощности. Система автоматического регулирования столь же быстрым перемещением других стержней сохранила режим реактора неизменным. Значит, тогда, в 1950-х годах, такие системы уже были разработаны, а в 1980-е годы — *еще* не были?

Уму непостижимо!

Но если ряд других систем защиты был, как теперь известно, выключен или заблокирован работниками станции *намеренно*, почему, если "так надо", не может быть выключена и любая сверхнадежная система мгновенной остановки реактора? С другой стороны, после начала деформации каналов активной зоны и очень быстро движущиеся (даже "выстреленные" пружиной или пиропатроном) аварийные стержни могли быть так же заклинены, как заклинились медленные. В этой ситуации спасительным еще могло быть молниеносное введение в активную зону достаточного количества жидкого или порошкообразного поглотителя нейтронов. Реактор бы, конечно, вышел из строя надолго, возможно, навсегда. Но его взрыв мог быть предотвращен. В "Чернобыльской тетради" Г. Медведев коротко сообщает, что в 1966 году — за двадцать лет до Чернобыльской катастрофы — в НИИ реакторостроения в Мелекесе (б. "Большая Волга - I") саморазгон кипящего реактора (прототипа РБМК? — С.Т.) был прерван двумя мешками борной кислоты, введенной в его активную зону. В такой ситуации всё решают секунды. Значит, опасность лавинного саморазгона цепной реакции была *argiori* принята во внимание и борная

кислота (или ее раствор) и устройство для ее впуска в рабочие или другие каналы заранее подготовлены. Так была предотвращена большая беда. Но этот урок не пошел впрок. Согласно "Информации" и другим источникам, подобная возможность на ЧАЭС не предусматривалась.

И, наконец, мог ли предотвратить выброс больших количеств радионуклидов при таком взрыве реактора защитный колпак?

Мнения специалистов на этот счет существенно расходятся. "Дочернобыльские" главари советской "атомной мафии", бывшие президент АН СССР А. Александров и руководитель конструкторского бюро, разрабатывавшего реакторы серии РБМК, И. Емельянов утверждали, что защитные сооружения над реакторами только вызывают ложное чувство безопасности, "притупляют бдительность" персонала АЭС* и что затраты на них — "выброшенные государственные деньги". Однако ряд крупнейших ученых, таких как ныне покойные академики П. Капица, Н. Доллежалъ и А. Сахаров, неоднократно пытались обратить внимание советских руководителей на опасность АЭС с незащищенными реакторами. Между тем западный опыт показал, что правильно сконструированные и построенные в соответствии с технологическими нормативами железобетонные защитные сооружения способны удержать радиоактивные выбросы при тяжелейших авариях, подобных аварии французского реактора в Сен Лоран лез О в 1969 году. Но какая может существовать уверенность в том, что защитные колпаки над советскими реакторами были бы действи-

* По отношению к чему, если о взрывоопасности реактора персонал - не знает?

тельно сооружены в соответствии с нормативами, обеспечивающими необходимую прочность? Как известно, в 1988 г. в Спитаке и Лениакане (Армения) обрушились как карточные домики построенные в 1970-1980-х годах "антисейсмичные" железобетонные здания от землетрясения, которое, например, в Японии вообще не привлекло бы внимания. Потом появилась информация о том, как "сваривали" арматуру этих зданий, как валили глину и песок в бетон, как укладывали в перекрытия плиты с надписью "брак", чтобы "выполнить план", как преследовали и гнали со строек людей, пытавшихся добросовестно работать.

Акад. В. Легасов в той же статье пишет: "Все кто бывал на стройках АЭС, поражались возможности работать на таких ответственных объектах как на самой халтурной стройке". Но насколько же вопиющими были безобразия на строительстве Чернобыльской, да и других АЭС, в частности – на бетонных работах, если советская пресса неоднократно поднимала о них вопрос еще до катастрофы – задолго до наступления эпохи "гласности"! Достаточно вспомнить хотя бы статью Л. Ковалевской "Это не частное дело" в "Литературной Украине" от 27 марта 1986 г.* со зловещим предсказанием: "Брак придется оплачивать десятилетиями". Само собой разумеется, что построенный по такой "технологии", как дома в Лениакане и Спитаке, защитный колпак разлетелся бы от взрыва реактора вдребезги.

* Через месяц Л. Ковалевская, жительница г. Припяти, тяжело пострадала от радиационных поражений.

10. Чернобыль везде?

Антиядерный бум в свободном мире, в значительной мере спровоцированный советской агентурой влияния после Чернобыльской катастрофы, давно стих. Постепенно стало ясным, что хотя "радиация не имеет границ", Чернобыли возникают далеко не везде, а без ядерной энергетики все-таки не обойтись. Недаром дискуссии об альтернативных источниках энергии — солнце, ветре, приливах и пр. — заканчиваются столь часто выводом о необходимости разработки безопасных АЭС и надежных хранилищ радиоактивных отходов. Но требования к технике безопасности АЭС существенно возросли. Поэтому стоимость АЭС и их эксплуатации намного увеличилась. Развитие ядерной энергетики Запада продолжается, хотя его темпы и замедлились. Но опять-таки не везде. По-прежнему в этой области лидирует Франция. Если там в 1986 году доля электроэнергии, произведенной на АЭС, составляла 65%, то к середине 1990 года она поднялась до 73%. Налицо высочайшая технологическая культура: за 1989 год по всем ядерным энергетическим установкам Франции имели место два случая отказа оборудования. Для сравнения: только на ЧАЭС — после всех проведенных усовершенствований и модернизаций — в том же году было пятнадцать зарегистрированных случаев отказа оборудования. Говорить о закате ядерной энергетики, который предвещали некоторые западные специалисты вскоре после Чернобыльской катастрофы, о том, что "человек еще не дорос до того, чтобы доверить себя ядерным реакторам" (лауреат Нобелевской премии Дж. Портер. Новая Зеландия), или что "наша техника вышла за пределы нашего понимания, наш разум вырос быстрее, чем наши знания" (д-р Р. Ревель, председатель национального

комитета США по международной биологической программе) и т. п.* , не приходится.

В ходе Чернобыльской катастрофы не произошло *ничего*, не известного науке и не предсказанного ею. Зато в ней, как в капле воды, отразились фундаментальные пороки советской системы. Она воочию показала, как *нельзя* проектировать, строить и эксплуатировать предприятия ядерной индустрии. Она показала, что эта отрасль действительно предъявляет к уровню технологии, технической культуры, познаниям и квалификации занятого в ней персонала высокие требования, которые, однако, несовместимы не с человеческими возможностями как таковыми, а с условиями тоталитарного режима с его централизованной экономикой и управлением. Более того, в СССР, в результате сорокалетнего бесконтрольного хозяйничания руководимого (как и все прочее) КПСС атомного военно-промышленного комплекса и обстановки абсолютной секретности, теперь оказывается, что Чернобыль почти везде, если не везде: не только в Белоруссии, на Украине и Брянщине, но и на Урале, в Казахстане** , на

* Coll. "The Worst Accident in the World (Chernobyl: the End of the Nuclear Dream)". Pan Books, Ltd. and W. Hillman, Ltd. 1986.

** На полигоне вблизи Семипалатинска в числящихся безводными водоносных слоях производились в течение более двадцати лет подземные ядерные взрывы, отравлявшие воду радионуклидами цезия, плутония и др. и вызвавшие массовые заболевания среди населения. Попытки советского военного руководства скрыть истинную причину этого бедствия были разоблачены в 1989 году (см. газету "Русская мысль" от 1 сентября 1989 г., Париж).

Крайнем Севере — от Белого моря до Чукотки, в Закавказье и т. д. и т. п. (зато дозиметр индивидуального пользования — по-прежнему дефицит). По всему Советскому Союзу широко распространилось убеждение, что ядерная энергетика вообще не может быть безопасной. Против АЭС нарастают страх и озлобление, подогреваемые официальными и неофициальными сведениями о давних и недавних авариях, пожарах, вспышках радиации и утечках радионуклидов.

Яростные протесты населения Армении после декабрьского землетрясения 1988 года заставили власти закрыть построенную в сейсмически активной зоне Мацаморскую АЭС с двумя реакторами РБМК-440, систематически выбрасывавшими в атмосферу радионуклиды, приведшие к значительному росту онкологических заболеваний в республике и за ее пределами. План строительства теплофикационной атомной станции в Горьком* вызвал там всеобщий протест. Из уст в уста передавалась невеселая шутка: "Лучше жить в Нижнем Новгороде, чем в Верхнем Чернобыле!". Массовые демонстрации состоялись против начавшегося было строительства АЭС в Татарии — тоже в сейсмически активной зоне. Бушуют страсти вокруг начавшегося строительства Башкирской АЭС, второй очереди Калининской АЭС (на карстовых грунтах!), уже законченной строительством (миллиарды рублей!) и не допускаемой к эксплуатации Ростовской АЭС и др. Порой звучат и призывы к насильственным действиям против предприятий ядерной индустрии. Но истощение подвергавшихся на протяжении десятилетий варварской "плановой" эксплуатации месторождений угля, нефти и газа, причем

* Теперь снова Нижний Новгород.

не только в европейской части СССР (о гидроэнергетических ресурсах и говорить нечего), не позволит отказаться от ядерной энергии никаким одно-, много- или беспартийным руководствам СССР или государств, которые возникнут на его месте. На фоне антиядерных настроений растет и понимание того непреложного факта, что корень зла не в ядерной индустрии как таковой, а в той уродливой общественно-политической системе, в которой эта индустрия уродливейшим образом развивалась. 1 мая 1990 года над Красной площадью взметнулся лозунг: "Пусть живет КПСС на Чернобыльской АЭС!".

Но и КПСС сегодня далеко не едина. Что думают, например, на ее "низах", находящихся в этом злополучном месте?

Упомянутый нами выше член ВС СССР, председатель подкомитета по вопросам энергетики и ядерной безопасности Юрий Щербак цитирует из отчета партконференции промобъединения "Комбинат"* , выполняющего ремонтно-восстановительные работы на ЧАЭС ("Большая ложь"):

"...предстоит пересмотр чернобыльской трагедии, это будет, когда общество избавится от гнета официального мнения, когда будут лишены рычагов давления Щербина, Чазов, Ильин, Луконин, Исразль и все, кто с ними работает. Когда закончатся успокоительные оценки Минздрава? Пора бы также узнать и обнародовать имена тех, кто выбрал место для Славутича..."

В начале июля 1990 г. во время XXVIII съезда КПСС на Красной площади состоялся митинг жителей Белорус-

* Теперь "Припять".

сии, пострадавших от Чернобыльской катастрофы. Участники требовали полных и точных данных о радиационной ситуации, раздачи или свободной продажи дозиметров и прекращения строительства там, где людям нельзя жить. Некоторые белорусские делегаты съезда присоединились к своим землякам.

Никто не хочет повторения Чернобыля. Но состояние советской империи с ее тысячами ядерных боеголовок, многими тоннами боевых радиоактивных веществ (есть и такие), десятками сочащихся радионуклидами несовершенных реакторов и могильников для радиоактивных отходов, своих и "импортированных" из Западной Европы, слишком уж напоминает состояние реактора четвертого энергоблока ЧАЭС во время злополучного эксперимента. Удастся ли избежать рокового саморазгона и какой ценой?

III. Почему это так

Вслушаемся внимательно в следующую вдохновенную речь:

— Ах, как ясно я вижу перед собой это царство справедливости и счастья!.. Здесь трудятся все, здесь каждый вносит свою долю обязательного и в то же время свободного труда. Нация — это огромное кооперативное общество, орудия производства являются собственностью всех, продукты сосредоточены в обширных общественных складах. Выполнение определенной доли полезного труда дает право на соответствующую долю потребления общественных продуктов. Общим мерилom ценности является час; любая вещь стоит столько, сколько часов затрачено на ее производство; между всеми производителями существует лишь один вид обмена — трудовые бонусы, и все это под руководством общины, без всяких предварительных вычетов, за исключением одного-единственного налога, который идет на воспитание детей и содержание стариков, на обновление оборудования, на бесплатные общественные учреждения... Нет больше денег — и, значит, нет спекуляции, нет воровства, нет отвратительного торгашества, нет преступлений, порождаемых алчностью. Никто больше не женится из-за приданого, никто не душил престарелых родителей из-за наследства, никто не убивает прохожих из-за их кошелька... Нет больше враждебных классов — предпринимателей и рабочих, пролетариев и буржуа, — и поэтому нет больше ограничительных законов, нет судов, нет вооруженной силы, охраняющей несправедливо захваченные богатства одних от голодной ярости других!.. Нет больше праздных людей, и, стало быть, нет домовладельцев, живущих квартирной платой, нет рантье, находящихся на содержании у удачи, подобно проституткам, словом, нет

больше ни роскоши, ни нищеты!.. Разве это не идеальная справедливость, не высочайшая мудрость? Нет больше ни привилегированных, ни обездоленных, каждый своими руками создает свое счастье, как слагаемое из общечеловеческого счастья...

...— Коллективизм — это превращение частных капиталов, живущих борьбой и конкуренцией, в единый общественный капитал, являющийся собственностью всех трудящихся... Представьте себе такое общество, где орудия производства принадлежат всем, где все работают в меру своих умственных и физических сил и где продукты этой общественной кооперации распределяются пропорционально труду каждого. Нет ничего проще, не правда ли?

...Нужно только все точно вычислить... И это как ударом топора срубит гнилое дерево.

Может быть, еще произойдут революционные насилия, они часто бывают неизбежны. То будущее, о котором мы мечтаем, кажется неосуществимым. Трудно дать людям разумное представление об этом грядущем обществе, об этом обществе справедливого труда, нравы которого будут столь отличны от наших. Словно какой-то новый мир, на другой планете... А потом, нужно в этом признаться, переустройство еще не подготовлено, мы все еще ищем. Я совсем не сплю и думаю целые ночи напролет. Конечно, нам могут сказать: "Если сейчас дело обстоит так, как оно есть, то, значит, к этому привела логика вещей. А следовательно, какую огромную работу нужно произвести, чтобы вернуть реку к ее истокам и направить ее в другое русло!.."

Не правда ли, великолепнейшая картина, великолепно-идея — почти такая же великолепная, как идея вечного двигателя? Но восторг оратора досадно спотыкается об один второстепенный момент: *как ее, эту благороднейшую и справедливейшую из идей, технологически осуществить?* Эта восторженная тирада — отрывок из монолога одного из героев романа Э. Золя "Деньги", единомышленника и друга Маркса. В нем нетрудно выделить дословные цитаты из Маркса и Энгельса. Вот как звучат первоисточники:

"В коммунистическом обществе *легко будет учиться как производство, так и распределение. Так как известно, сколько необходимо в среднем каждому в отдельности, то очень просто выяснить, сколько потребуется определенному числу лиц, а так как производство не будет находиться тогда в руках отдельных частных лиц, а будет находиться в руках общины и ее управления, то нетрудно будет организовать производство соответственно потребности*"*.

"Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их понятой, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится *общественно-планомерным регулированием производства сообразно потребности как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности, ...с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и раскрепощения производства, а с другой — прямым ин-*

* Ф. Энгельс. "Развитие социализма от утопии к науке" (выделено нами).

дивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению”*.

”При общественном присвоении денежный капитал отпадает: общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями производства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Но это удостоверения - не деньги: они не совершают функции обращения”**.

Марксист из романа Золя озабочен, в основном, воспитанием производственного энтузиазма в людях, не вынуждаемых работать самими обстоятельствами их жизни.

Между тем, в нарисованной им и его учителями лучезарной картине таятся и другие ловушки.

Что означает ”обязательный и в то же время свободный труд”?

Что означает ”нация — это огромное кооперативное общество”?

Как может быть *час* ”общим мерилom ценности”? За час можно решить задачу, предопределяющую технологию целой области производства; можно обтесать один камень для облицовки стены; можно потрясти миллионы слушателей концертом, записанным на пластинку. Как рассчитать для каждого случая, без денег, эквивалент

* Ф. Энгельс. ”Развитие социализма от утопии к науке” (выделено нами).

** К. Маркс. ”Капитал”, т. 2.

часа столь разных работ, допустим, в копченой рыбе или ночных сорочках?

Что скрыто за словом "общество" в утверждении: "...общество распределяет рабочую силу и средства производства"?.. Посредством каких институтов оно это делает?

Как и кем определяются потребности общества в целом?

Кто определяет потребности каждого члена общества? Он сам или стоящая над ним инстанция (и какая именно)?

Что значит "единый общественный капитал, являющийся собственностью всех трудящихся"? Ведь право собственности есть прежде всего право распоряжения этой собственностью.

Как "трудящиеся" могут осуществить равное для всех них участие в распоряжении объединенной общественной собственностью?

"Проницательный читатель" пренебрежительно щурится: сослаться на монолог истлевшего сто двадцать лет назад марксиста, к тому же вымышленного романистом Золя, — что за безвкусица? Не найдется ли чего-нибудь посвежее?

В том-то и фокус: марксист из романа произносит свой монолог в начале 1860-х годов, Золя конструирует (*слово в слово по Марксу и Энгельсу*) его миражи в 1891-м, — однако и к 1991-му году социализм не выбрался ни из одной из этих ловушек ни практически, ни теоретически.

Не будем (в очередной раз) вдаваться в бурлящий хаос определений социализма, литературного и реального. Выделим бесспорные и центральные качества строя, называющего себя социализмом, как социально-экономической системы. В статье "Раскаяние и самоогра-

ничество как категории национальной жизни" (1973) А. Солженицын писал, что свою систему правящие силы СССР "...самоуверенно готовы распространить и на любую страну, как бы далеко она ни лежала, хотя бы на обратной стороне земного шара, лишь бы она проявляла намерение национализировать средства производства и централизовать власть (эти признаки по марксистской теории — ведущие, все остальные — национальные, бытовые, тысячелетних культур — второстепенны)" *.

Действительно, выделенные Солженицыным признаки реального социализма ведущие. Их снятие знаменует переход в не-социализм, и мы это видим сегодня в Восточной Европе. Как бы ни представляли себе более или менее последовательные социалисты общество, отвечающее их догматам, в основе воображаемой модели лежат правильность (она же — и справедливость) и целенаправленная планомерность общего и частного бытия. Как бы ни стремились авторы социалистических доктрин и их сторонники избежать (на бумаге) концентрации политической и экономической власти на вершине иерархии, на практике в масштабах государственных последовательным социалистам это не удается. Единая цель и монопольное толкование справедливости требуют единого плана действий, а единый план действий — помещения планирующей инстанции над обществом. Этой инстанции совершенно необходимы полный и своевременный обзор происходящего в обществе и полная власть предопределять, направлять и корректировать движение всех его (общества) составляющих.

* А. Солженицын. "Публицистика. Статьи и речи". Изд. "ИМКА-Пресс", Париж, 1981. Стр. 74-75. (Выд. Д.Ш. и С.Т.)

Иначе ни планомерности, ни сознательности, ни справедливости в априорном толковании власть имущих не получится.

Представим себе себя убежденными сторонниками социализма. Нам это сделать легко, потому что мы долгое время таковыми и были, правда, скорее по инерции среды и времени, чем сознательно. Отбросим всю критику *лиц*, от Маркса и Ленина до последнего аппаратного "кувшинного рыла", чем так упоенно занята гласность третьей советской "оттепели". Заменим их идеально благородными личностями, к тому же еще и образованными, и мудрыми.

Целью социализма от его истоков и по сей день является (*в его декларациях*) удовлетворение разумных потребностей всех членов общества. Определения разумных потребностей всех и каждого мы пока касаться не будем. Допустим на какое-то время, что если не нам, то верховной планирующей и управляющей инстанции потребности "общества в целом и каждого его члена в отдельности" (Маркс) известны. Какая преграда встанет перед этой инстанцией при первом же ее созидательном шаге (провоцировать, разрушать, завоевывать и душить можно и в обход этой преграды)? Эта неустранимая преграда состоит в бесконечности объемов той информации обо всех управляемых объектах, их связях друг с другом и со средой, об их вероятных траекториях и о среде их обитания, которыми должна располагать верховная планирующая и управляющая инстанция (Центр) в каждый момент времени. И это еще не всё: Центр должен успевать своевременно исследовать эту (бесконечного объема!) информацию, выработать на ее основании план и довести его соответствующие разделы до каждого управляемого объекта. Но ведь и этого мало! Все элементы и связи системы пре-

бывают в состоянии непрерывного изменения, которое надо непрерывно же и учитывать, чтобы соответственно и, опять-таки, своевременно, корректировать свои команды. Иначе траектории каждого элемента и всей Системы отклонятся от избранных Центром (планом) целей. И они отклоняются. "Шумы" в Системе не могут не нарастать, и раньше или позже они заглушат команды Центра. Однако и это не всё. Необходимо с удовлетворительной вероятностью предусмотреть возможные варианты будущего Системы (ее компонентов, их взаимосвязей и – в итоге – Целого), которых *много* (?). Надо выбрать из некоего (для нас обозримого) веера неисключенных "будущих" наиболее желательный вариант и действовать так, чтобы исключить нежелательные. Подобная предусмотрительность может изменить наше поведение в настоящем и тем самым создать иное будущее, чем то, которое было вероятней прочих до принятия нами мер. Такого рода операции непрерывно совершаются каждым из нас в обыденной жизни – сознательно, подсознательно и бессознательно. Но как часто мы не успеваем произвести подобный анализ, не имеем для него достаточной информации, а потому делаем неправильный выбор или плывем по течению...

Системы, сравнимые по сложности с обществом, с конца 1940-х годов на Западе принято называть кибернетическими, или самоорганизующимися, или большими системами. Советская официальная печать, научная и научно-популярная, начала широко оперировать этими определениями в 1960-х годах. Но уже в начале XX века русская наука и политическая мысль успешно занималась принципами функционирования "больших систем". Вот что писал П. Б. Струве (тогда – недавний марксист) в 1902 году (за что и был Владимиром Ильичем обозван "Иудушкой") в статье "Лев Толстой":

”...В основе социализма лежит идея полной рационализации всех процессов, совершающихся в обществе. В этом громадная трудность социализма. По идее социализма, стихийное хозяйственно-общественное взаимоотношение людей должно быть *сплошь* заменено их планомерным, рациональным сотрудничеством и соподчинением. Я нарочно подчеркиваю слово *сплошь*, ибо социализм требует не частичной рационализации, а такой, которая принципиально покрывала бы все поле общественной жизни. В этом заключается основная трудность социализма, ибо очевидно, что *ни индивидуальный, ни коллективный разум не способен охватить такое обширное поле и не способен все происходящее в нем процессы подчинить одному плану*. Это вытекает из существа дела, и отсюда следует, что с реалистической точки зрения речь может идти только о *частичном осуществлении задач социализма, а не о всецелом разрешении проблемы социализма*” (выд. нами).

Под “частичным осуществлением задач социализма” Струве понимал достижение высокого уровня социальной и экономико-правовой защищенности наемных работников и неконкурентоспособных слоев и лиц, на чем и остановились многие социалистические партии ныне свободного мира. Развернутый и по сей день не устаревший анализ безвыходных парадоксов социалистической экономики опубликовал в 1922 году в петроградском журнале “Экономист” (№№ 1-2-3) известный русский ученый Б. Бруцкус. Работу представили Ленину, он ее прочел, после чего распорядился журнал закрыть. Б. Бруцкус был арестован и выслан одновременно со Струве и другими выдающимися людьми России (разумеется, далеко не всеми: многим пришлось

хуже)*. Параллельных и более поздних исследований доктрины и реализаций социализма (им же несть числа) мы здесь перечислять не будем. В годы хрущевской "оттепели" в СССР появилось множество отечественных и переводных разработок разных аспектов теории "больших систем". В официально изданной тогда в Москве книге** читаем:

"Кибернетическая система отличается тремя характерными чертами: она чрезвычайно сложна - до такой степени, что ее структура не поддается в деталях определению. Она чрезвычайно вероятностна - до такой степени, что, будучи сложной по строению, она становится неделимой, и каждая траектория движения системы равновероятна. Нереально предположить, что такого рода система может управляться посредством предписанных извне правил. Дело в том, что такая система по определению не поддается анализу, и поэтому не существует никакого теста, посредством которого соответствие этим правилам могло бы быть доказано. Третья характерная черта кибернетической системы состоит в том, что коренное свойство организации, проявляющейся в ней, возникает изнутри; система является самоорганизующейся".

Заметим: "система является самоорганизующейся" только тогда, когда никто не насилует ее другими,

* В. И. Ленин. О значении воинствующего материализма. ПСС, т. 45, с. 31.

В. И. Ленин. Письмо Ф. Э. Дзержинскому от 19 мая 1922 г. ПСС, т. 54, с. 265-266. Прим., с. 649.

** Ст. Бир. На пути к кибернетическому предприятию. В сб. "Принципы самоорганизации". Изд. "Мир", М., 1966, с. 48.

противоестественными для нее, способами организации и управления. Если же насилует, то она функционирует уродливо и извращенно. При самых благих намерениях стоящий над нею и расчетно управляющий ею орган не может осуществить свои цели. Причина такой беспомощности Центра состоит в том, что задача эта (добиться всеобъемлюще целенаправленной деятельности от кибернетической системы "посредством предписанных извне правил") не имеет решения.

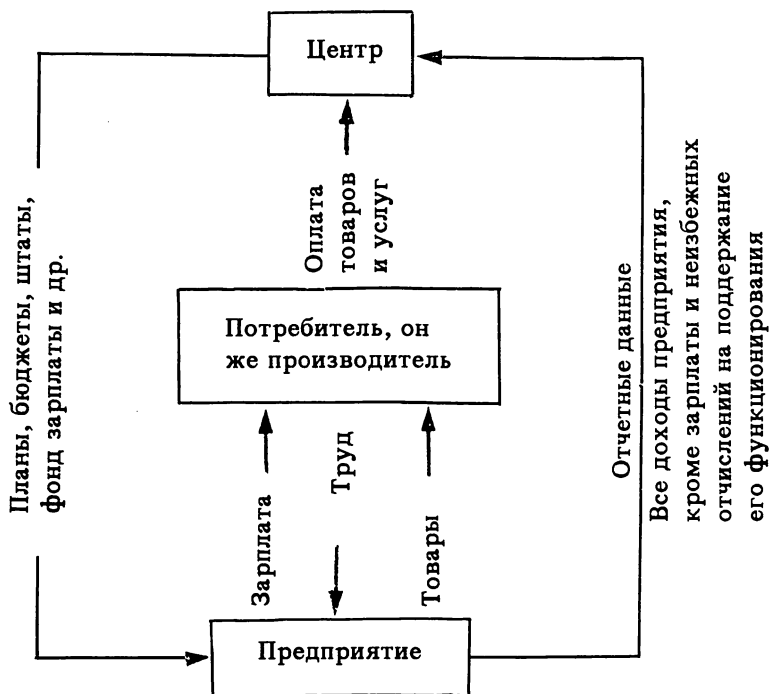
"Кибернетическая система в каждый последующий момент времени может прийти в любое из большого числа состояний. Чтобы управлять системой (т. е. чтобы добиваться поставленных целей. — прим. наше), нужно в каждый момент осуществить выбор определенного состояния из всех возможных. Для этого необходимо, чтобы разнообразие управляющих сигналов было не меньше разнообразия возможных состояний системы (точнее, согласно теореме Шеннона о канале коррекции, количество информации, переносимой управляющими сигналами, должно быть не меньше прироста энтропии системы). В противном случае неопределенность состояния системы (ее энтропия) будет неотвратимо нарастать, и система выйдет из-под управления. Кроме того, необходимо, чтобы управляющий сигнал выбирался из некоторого разнообразия не случайно, а определялся на основе информации о состоянии системы"*.

Иными словами, чтобы действовать наверняка, а не вслепую, Центр должен своевременно получить и пре-

* Сб. "Принципы самоорганизации". Предисловие редактора. Изд. "Мир", Москва, 1966.

вернуть в команды всю ту относящуюся к его задачам информацию, которая заключена в системе, а также - во всех вероятных вариантах ее дальнейшего существования. Это, как уже было сказано, невозможно в принципе, фундаментально и объективно.

Рассмотрим упрощенную схему функционирования централизованной экономики:

1. "Отчетные данные" должны не только дать Центру своевременное и полное представление о деятельности

каждого из миллионов подвластных ему объектов, но и (столь же своевременно) отразить все связи между предприятиями, между предприятиями и потребителями, а также экологическую ситуацию вокруг каждого из них. Трудно усомниться в том, что по каналу "отчетные данные" поступает в Центр заведомо неполная информация, но и той он не может переработать: ее слишком много. Проверить ее достоверность тоже нельзя. По ряду объективных, общих и частных причин ни отчеты, ни то, что Центр получает в качестве неурезанной (т. е. секретной для всех остальных) информации, не являются свободно воссозданной моделью реальности. В каждой инстанции, занятой информированием Центра, и в каждом производителе информации действует воспитанный на протяжении всей жизни "внутренний цензор". Он заставляет людей и организации поставлять Центру в качестве информации то, что Центр приучил их считать таковой (или выдавать за таковую). В итоге всего этого Центр в информационном отношении уподобляется змее, заглатывающей себя самое с хвоста. В качестве истины он получает то, что им же самим предписывается считать истиной.

При каждой попытке решить сложную экономическую задачу Центр диктатуры оказывается в положении парадоксальной гипотетической машины У. Р. Эшби, пытающейся решить задачу до того, как в нее вложена информация для решения:

"Для человеческого мозга и для машины эти ограничения одинаковы, поскольку они присущи любой системе, поведение которой упорядочено и подчинено определенным законам. Система, которая могла бы эти

ограничения обойти, обладала бы волшебными свойствами”*

И Эшби формулирует одно из главных ограничений:

”Любая система, выполняющая подходящий отбор (на ступень выше случайного), ...производит его на основе полученной информации...”

Центру диктатуры, не располагающему необходимой информацией для решения поставленных им перед собою задач, приходится действовать наугад, произвольно, делая при этом вид, что он действует сознательно, разумно, целеустремленно.

Волей-неволей Центр упрощает стоящую перед ним задачу, сводя ее к главному для него самого — к сохранению постоянства строя, в котором имеет место его главенство, имеют место его исключительные привилегии. Конечно, и в обеспечении даже этой упрощенной задачи нарастает неуправляемость, беспорядок, увеличиваются искажающие волю Центра шумы, но до поры до времени процесс развивается (неусыпными заботами Центра) достаточно медленно для того, чтобы в масштабах короткой человеческой жизни существование диктатуры казалось вечным.

Однако решительно неизбежен момент, когда ”шумы”, порожденные плохим управлением, перевесят и насилие со стороны Центра, и насаждаемую им мифологию, и инертность масс, и система тем или иным

* У. Р. Эшби. Что такое разумная машина. В сб. ”Кибернетика ожидаемая и неожиданная”. Изд. ”Наука”, М., 1968, с. 34, 38.

образом пойдет в разнос со всеми вытекающими из этого катастрофическими последствиями.

2. Заметим: предприятие от потребителя *непосредственно* ничего не получает, и реакция потребителя производителю безразлична.

Оплата товаров и услуг, производимых предприятием, взимается государством. Оно же определяет и цену товаров и услуг, и зарплату, и долю предприятия в прибылях, что создает для Центра колоссальную дополнительную (неизвестную демократическим государствам) работу, а производителей превращает в нерадивых рабов.

3. Важно еще и следующее: ни команды, директивы и коррективы, передаваемые Центром обществу, ни сведения (сообщения, сводки, отчеты, сигналы, доносы и т. д., и т. п., многократно пересекающиеся и дублирующие друг друга), поступающие от общества к Центру, в такой системе не являются сигналами прямой и обратной связи в кибернетическом смысле этих терминов: они не обладают способностью автоматически воздействовать на поведение своих адресатов. Команды сами по себе, без дополнительного принуждения, не вызывают у получателя реакций, предусмотренных Центром. Заведомо неполные сведения Центр учитывает и использует произвольно; может их вообще не использовать; может даже заранее инспирировать их содержание. В этом обмене информацией Центр и общество не равноправны: Центр имеет аппараты и институты контроля и принуждения к исполнению своих команд; общество же инструментов воздействия на Центр и его аппараты фактически лишено.

Размышляя о диктаторском, централизованном, псевдоплановом (ибо на самом деле спланировать такую

работу нельзя) управлении обществом, Н. Винер приводит следующий пример:

”Допустим теперь, что я поднимаю карандаш. Чтобы это сделать, я должен привести в движение определенные мышцы. Однако никто, за исключением специалистов-анатомов, не знает, какие это мышцы. Даже среди анатомов немногие, да и то вряд ли, сумеют поднять карандаш посредством сознательного акта последовательного сокращения отдельных мышц. Нами осознается лишь конечная цель — *поднять карандаш*. Когда мы решили это сделать, наше движение совершается так, что, грубо говоря, степень, в которой карандаш еще не взят, на каждом этапе уменьшается. Все движение выполняется почти бессознательно”*

Думаю, что ни один анатом на расчетную акцию такой степени сложности не способен.

Общациональное, а затем и всемирное всеобъемлющее ”управление по единому плану” — это претензия поднимать каждый карандаш сознательно, последовательно сокращая отдельные мышцы. Для этого надо рассчитать наперед характер, порядок и все количественные соотношения нужных для совершения каждого акта реакций и только потом последовательно приводить в действие все связанные с нашими целями частицы, клетки и органы. Понятно, что Солнце погаснет для нас раньше, чем будут произведены каждым из нас такие расчеты (даже с помощью совершеннейших ЭВМ) хотя бы для одного часа нашего существования.

* Н. Винер. Кибернетика или управление и связь в животном и машине (пер. с англ.). Изд. ”Советское радио”, М., 1968, с. 51.

Для того, чтобы читатель представил себе объем задач, стоящих перед Центром социалистической системы наглядно, а не отвлеченно, приведу конкретный пример: в сборнике "Перестройка: гласность — демократия — социализм. Иного не дано"* Вас. Селюнин пишет:

"Вспоминаю выступление одного из руководителей Красноярского главснаба на коллегии союзного Госснаба. В ту пору начинали освоение Канско-Ачинского энергетического комплекса. Две тысячи специалистов из тамошних строительных организаций готовили заявки на материалы под программу следующего года, и, как заявил снабженец, все две тысячи хотят нас обмануть - завышают заявки, чтобы потом не бедствовать. В Красноярске не могли даже проверить, насколько точны заказы. Как проверишь — ведь по каждой заявке надо в полном объеме повторить расчеты строителей, а таких штатов в снабженческом главке нет. Приходилось принимать явно завышенные расчеты на веру.

Снабженец просил ускорить разработку научных расходных норм. Следом на коллегии выступил директор научного института Госснаба и доложил: за пять лет удалось составить несколько тысяч таких норм. Это все, чем мог похвастаться Госснаб. Между тем в стране выпускается около 25 млн. видов продукции и на большинство их идет не один вид материалов. Нужны, следовательно, сотни миллионов расходных норм.

История повторяется: опять понадобились научные нормы. Нереальность замысла еще и в том, что их придется ежегодно пересматривать, ужесточать, чтобы

* Изд. "Прогресс", М., 1988, с. 206.

уменьшить расход ресурсов. Но больше всего поражает даже не утопичность затеи, а косность мышления: предполагается, будто люди станут бережливо хозяйничать не в расчете на собственную выгоду, а потому, что экономить приказано. Трудно себе представить, чтобы, например, правительство Франции предписывало государственным заводам Рено, сколько никеля позволительно расходовать на один бампер автомашины. Да хоть платину используйте, только вот рынок не признает этих затрат общественно необходимыми. А у нас? В конце концов, неудачи нас учат чему-то или не учат? Верим мы в экономические приемы управления или они служат лишь предметом речей и докладов?"

Речь идет о Госнабе. А Госкомцен должен научно планировать, увязывать друг с другом и корректировать 25.000.000 обоснованных цен на все эти виды продукции с их динамикой. Тот же автор пишет страницей далее:

"Единственный надежный способ определения цены — рынок, ничего лучше человечество не изобрело. Имеется в виду установление цены на основную массу товаров по согласованию между изготовителем и потребителем. Между тем в новом хозяйственном механизме предусмотрено обратное — «усиление централизованных начал в управлении всем процессом ценообразования»"*.

* Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, 17 июля 1987 г. № 820. "Об основных направлениях перестройки системы ценообразования в условиях нового хозяйственного механизма". - О коренной перестройке управления экономикой. Сборник документов, с. 153.

И все это — малая доля того, что должен предусмотреть глобальный Центр. И предусмотреть своевременно. И подчинить своему плану общество. И заставить его выполнять план добросовестно. И своевременно корректировать свои команды, и...

Информационного парадокса, о котором сказано выше, вполне достаточно для объяснения неэффективности социалистической экономики и ее обреченности на вырождение. Но нельзя не коснуться еще одного момента — участия воли, целей и интересов каждого человека в том, что Центр предлагает ему как программу его работы и потребления.

Перед Центром огосударственной экономики стоит задача выработать не просто план производства и распределения, но план хотя бы удовлетворительный. Фундаментальная невозможность преодолеть дефицит информации-времени, необходимых для решения этой задачи, — лишь одна, хотя и решающая, сторона проблемы. Вторая заключена в вопросе: с чьей точки зрения "удовлетворительный"? Марксисты, подобно их многим социалистическим предшественникам и социалистическим же оппонентам, говорят об удовлетворении потребностей, интересов и целей "общества в целом и каждого его члена в отдельности". При этом своих предшественников они считают утопистами, а оппонентов — заблудшими овцами или злоумышленниками; себя же — представителями точного знания, располагающими научной конструктивной программой. Между тем, при чтении как всех их классических работ, так и новейших разработок, не выпадающих из русла учения, возникают только бесчисленные вопросы:

1. На основании какого мерил и кто будет определять полезность (?) различных вещей и действий

”для всего общества и для каждого человека в отдельности”?

2. Почему представления и мерила какой-то инстанции должны быть обязательны ”для всего общества и для каждого человека в отдельности”?

3. В чем гарантия того, что интересы и цели этой инстанции совпадают с интересами хотя бы большинства членов общества?

4. Как будут доведены до сознания этой инстанции интересы ”всего общества и каждого человека в отдельности” и т. д. и т. п.?

И теория, и опыт показывают, что решать будет все тот же Центр и решать плохо. Учесть критерии каждого из своих подданных он физически не сможет, даже если захочет.

В конечном счете Центру, решительно не желающему менять способ общественной организации (ведь в альтернативной системе нет места его специфическим функциям и значительной части его институтов с их кадрами), остается свести свои цели к самосохранению и обеспечивать последнее с помощью принуждения, террора и лжи. Естественно и неизбежно такая задача селекционирует властителей и исполнителей со вполне определенными личными и деловыми качествами.

Вас. Селюнин в статье ”Черные дыры экономики” (”Новый мир” № 10, М., 1989), размышляя о нарастающем кризисе советской финансовой системы, со свойственным ему сочетанием литературного и научного дарований показал, что глобально плановая экономика только тогда и осуществляла цели Центра, когда тот пренебрегал интересами большинства сограждан и боролся только за свое всевластие и за прочность возглавляемой им Системы. Свою убийственную харак-

теристику катастрофической финансовой ситуации СССР конца 1989 года Селюнин заканчивает так:

”Спрашивается, способна ли командная система стабилизировать положение в экономике, решить самую неотложную сегодняшнюю задачу – оздоровить финансы? Не будем гадать, обратимся к истории. Как ни странно, ответ на эти вопросы будет положительным. Нынешнее плановое управление в наиболее существенных чертах сложилось в 30-е годы. Тогда на потребительском рынке действовали две противоположные тенденции: ситуация с денежной массой должна была развиваться в одну сторону, с массой товаров – в обратную. То был период индустриализации. Как ясно уже из самого этого слова, ускоренно, приоритетно развивалась индустрия, ресурсы для нее черпали из сельского хозяйства. В самой индустрии упор сделали на тяжелую промышленность в ущерб отраслям, работающим непосредственно на человека. В итоге в общем объеме производства стремительно падала доля предметов потребления, важнейших товаров выпускали все меньше и меньше. Потребительский рынок скукоживался.

А что тем часом происходило с деньгами? Десятки миллионов человек перемещались из сельского хозяйства в промышленность, строительство, на транспорт. В 1932 году сравнительно с 1929-м численность рабочих и служащих удвоилась. Эти люди стали жить на зарплату. Масса наличных денег должна была многократно возрасти. Последствия известны: гонка цен, очереди, рacionamento потребления. Все это было, однако инфляционные процессы оказались не столь катастрофическими, как следовало ожидать. Финансовая система обязана была просто рухнуть, подобно тому как она развалилась в период ”военного коммунизма”

(в ту пору масса денег исчислялась квадрильонами, миллионные купюры печатались едва ли не на оберточной бумаге). Историки давно заметили сходство экономических моделей "военного коммунизма" и 30-х годов. Однако в одном случае финансовый крах произошел, в другом — нет. Различие принципиальное: развал финансов *всегда* означает и распад экономики, поскольку состояние денежного обращения точно отображает состояние хозяйства. Финансовая система периода индустриализации все-таки выдержала проверку.

Этот феномен требует объяснения. *Спасло финансы, а стало быть, и экономику величайшее открытие режима: нищета масс может стать источником могущества державы.* Подобно тому как потребление на душу населения мыслимо поднять либо приростом жизненных благ, либо сокращением числа душ, так и для товарно-денежной сбалансированности необязательно расширять производство товаров. Той же цели мы достигнем, не раздавая на руки денег.

Государство широко практиковало бесплатный труд. В классической форме — это лагерь. Несомненно, лагерники составляли большинство в составе строителей, золотодобытчиков, огромную долю среди углекопов, лесорубов... Зарплату они не получали, а стало быть, и не предъявляли ее к отовариванию. Конечно, расходы были и на них, но воспроизводство рабочей силы обходилось тем дешевле, что и не требовалось длительный срок поддерживать ее в нормальном состоянии — достаточно было исчерпать ресурсы человеческого организма, дарованные природой. Когда телесные резервы кончались, естественным образом прекращались и расходы казны на содержание человека. Взамен тех, кто выбыл в лучший мир, поступали новые спецкон-

тингенты — по правилам расширенного воспроизводства рабочей силы.

Свыше двух третей населения составляли тогда сельские жители. Работая в колхозах "за палочки", труженики села практически тоже не получали денег — им позволили кормиться за счет труда в свободное время на приусадебных участках. Более того, чтобы уплатить денежные налоги, крестьяне вынуждены были продавать часть продукции личного хозяйства на базарах. Они отсасывали изрядную сумму зарплаты горожан и сдавали ее в казну. Таким образом, громадное большинство населения страны (крестьяне плюс зеки) не имело нахальства давить денежными доходами на потребительский рынок по той основательной причине, что давить было нечем. Вот почему финансовая система выдержала суровое испытание"*.

Все правильно за исключением одной детали: тоталитарный метод хозяйствования все-таки безнадежен даже с точки зрения тиранического Центра, вроде бы всевластного, ибо этот метод быстро (в историческом отсчете событий) исчерпывает свои ресурсы. Он истощает человеческие резервы; он селекционирует жестоких, бесчестных и ограниченных руководителей и такие же исполнительские аппараты; он безрассудно исчерпывает природные ресурсы страны и увечит естественную среду обитания общества (ее сохранение — слишком сложная для такой Системы задача); он решительно непригоден для нынешней тонкой, наукоемкой, все более рафинированной технологии, без всестороннего совершенствования которой человечество не сможет выжить.

* "Новый мир" № 10, М., 1989, с. 155-156 (выделено нами).

И когда Вас. Селюнин говорит, что последствия верховной финансово-экономической политики 1930-х годов "оказались не столь катастрофическими, как следовало ожидать", то уместно тут и напомнить, что равновесие сохранилось (*на какое-то время*) ценой смерти от голода примерно шести миллионов крестьян, а лагерных и ссыльных рабов сгнуло в те же 1930-е годы в несколько раз больше. Резервы, которые можно было выжать насилием, сегодня исчерпаны. Если даже представить себе, что сбудется золотая мечта нынешних сталинистов и общество завтра проснется загнанным снова в ловушку ничем не смягченного тоталитаризма, то большего, чем нерадивое ковыряние грунта лопатой или кайлом, от него уже не добьется никакой Сталин. И то — ненадолго. "Нищета может стать источником могущества державы" лишь на исторически ограниченный срок и отнюдь не при нынешних эколого-технологических обстоятельствах, что Вас. Селюнину так же ясно, как нам.

IV. Альтернатива

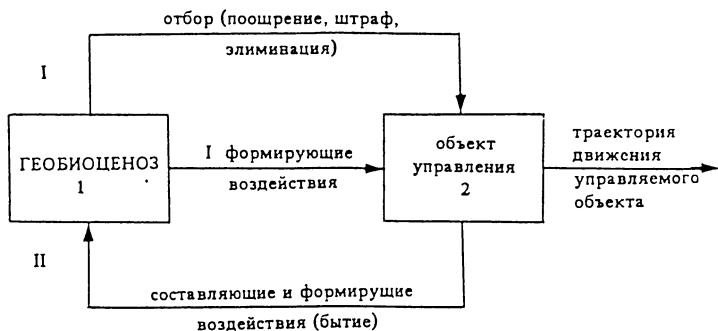
Одной из самых распространенных ошибок критиков "казарменного", он же – тоталитарный, социализма является их стремление изобрести альтернативу, лежащую в границах социализма же или, в крайнем случае, на каком-то "третьем пути", не социалистическом (огосударствление и глобальная плановость экономики), но и не капиталистическом (свободный конкурентный рынок). Отсюда – "социалистический рынок", "многоукладность собственности в рамках социализма", "регулируемые рыночные отношения", "план и рынок" и другие псевдонимы социализма "с человеческим оскалом" (Георгий Вильдгрубе), или сухой воды.

"Регулируемый рынок" – это абсурд потому, что в системе, действительно альтернативной социализму, регулятором должен быть именно рынок, а не что-то стоящее над ним. В этой книге мы заняты экономическими проблемами. В реальности же речь должна идти о конкурентной поставке и свободном отборе *любых* товаров и услуг: вещественных и духовных (информация, идеи, образы, программы и пр.).

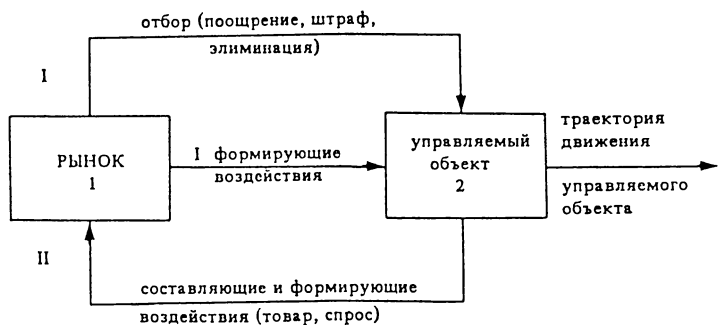
Как же выглядит рыночный механизм конкурентного предложения и свободного потребительского отбора?

Рассмотрим две схемы – упрощенные, как упрощается по необходимости любая схема, отражающая процесс высочайшей сложности и одновременно парадоксально простой.

1. Упрощенная схема естественного отбора

2. Схема демократического самоуправления

Частности геобиоценоза живут, питаются, размножаются, борются за свое существование внутри и вне вида и тем самым воздействуют на геобиоценоз как на Целое, регулирующее бытие всех своих частных. Участники рынков, с одной стороны, формируют рынок посредством конкурентного предложения товаров, услуг, идей, программ, эстетических ценностей и т. п. С другой стороны, все потребители говорят "да" или "нет" каждому поставщику самим актом покупки его товара или отказом от таковой.

Регулятор (то ли геобиоценоз, то ли рынок) структурно включает в себя все частности, образующие данную систему. Но равенства всех элементов и групп в управлении такой системой и в удовлетворении их потребностей такой регулятор (такая демократия) своим сочленам не предоставляет. В геобиоценозе конкурентоспособность и адаптивность частности и мера ее воздействия на статус геобиоценоза определяются рядом ее биологических параметров. Вес каждого из участников рыночного обмена в совокупных санкциях конкурентного рынка зависит, с одной стороны, от спроса на предлагаемые ими товары всех видов, включая труд; с другой стороны, — от платежеспособности и запросов участников рынка, выступающих в качестве потребителей. В идеальном случае и спрос на товары поставщика, и платежеспособность потребителя зависят от того, насколько общество нуждается в деятельности и первого, и второго.

В условиях естественного отбора неравенство приспособительных качеств видов и особей действует неумолимо. В условиях так называемого "классического капитализма" оно, по-видимому, действовало с беспощадностью, близкой к жестокости естественного отбора.

Человеческое сознание восстает против такой автоматической беспощадности, изыскивая способы к ее снятию или хотя бы смягчению. Теоретическая идеализация архаической примитивной демократии и литературная фетишизация всевидящего и всеблагого централизма в значительной степени обусловлены отвращением авторов утопий обоих родов к жестокости естественного отбора, имеющей место в рыночной конкуренции и в природе.

Между тем, конкурентная демократия, как показывает ее развитие в XX веке, позволяет обществу противопоставлять жестокости конкурентнорыночного отбора ряд сознательных мер, смягчающих действие конкуренции при сохранении ее социально ценных сторон.

Прекраснодушных ненавистников чистогана и своекорыстия отталкивает от конкурентнорыночной альтернативы социализма стимул выгоды в качестве заводящего элемента процесса.

Но ни в марксистской литературе, ни в реальной социалистической экономике нет рецептов и механизмов, которые обеспечивали бы поведение, противоречащее естественному стремлению всего живого преследовать свою выгоду, защищать свои интересы. Весь вопрос в том, что понимать под "своей выгодой" и какими средствами *иметь возможность* ее добиться. Рыночная конкуренция дискретных, не подчиненных общему Центру, поставщиков и потребителей создает ситуацию, не допускающую безразличия к чужим интересам при достижении собственных. Заказ потребителя должен быть выполнен, — иначе поставщик не добьется того, к чему он стремится, — прибыли. Никто не мешает ему располагать этой прибылью по его усмотрению и, обеспечив дальнейшее функционирование

своего производства, тратить остаток на чужие нужды. В этом смысле система дискретной экономики никаких запретов на альтруистическое поведение личности не накладывает. Но, разумеется, пренебречь интересами своего предприятия здесь нельзя, ибо немедленно прекратится прибыль, а с нею и возможность быть добрым. В отличие от капиталиста, вынужденного выполнять заказ потребителя, руководитель социалистического предприятия (поставщик вещей, идей, программ, эстетических ценностей и т. п.), преследуя свою выгоду, вынужден ориентироваться на своего вышестоящего руководителя как на ближайшую к нему ипостась единственного в системе работодателя — государства, — независимо от того, насколько это выгодно или невыгодно потребителю.

В условиях конкурентного рынка у поставщика есть три основные возможности одолеть конкурентов:

- 1) повысить качество своей продукции, ее потребительскую ценность; открыть новые области спроса; предложить новый товар;

- 2) понизить себестоимость товара (издержки производства), чтобы уменьшить цену его, не лишаясь прибыли;

- 3) монополизировать предложение.

Первые две возможности выгодны и поставщику, и обществу (второму больше, чем первому); третья для общества в высшей степени невыгодна, более того — катастрофически опасна: монопольный поставщик способен навязать обществу дурной товар за высокую цену.

Полная национализация производства производит качественный переворот в экономике, скачкообразно и полностью осуществляя третье из перечисленных нами условий выигрыша поставщика: сбыт монополизирован

сразу. Во всех областях экономики, в том числе — в области предложения рабочих мест. Победа над конкурентами означает для полного победителя одновременно победу над потребителем и над наемным работником.

Повторим: преуспевающий предприниматель может позволить себе быть добрым и щедрым, богатое общество имеет возможность помочь своим проигравшим и слабым. Социалистический поставщик — государство — в силу описанных выше фундаментальных ограничений (неустранимый дефицит информации-времени) не могло бы и при самом сильном желании ни сделаться щедрым филантропом, ни обеспечить удовлетворение потребителя. И осуществление социальной защиты слабых, и удовлетворение запросов потребителей возможны лишь при достаточной эффективности производства, а социалистическое производство не эффективно и стать эффективным, не изменив своим основополагающим системным принципам, не может.

Кроме того, отобрать *для себя лучшее* способен только *сам потребитель* данного вида товара, руководствующийся при этом *собственным критерием оптимальности*.

В условиях конкурентного рынка, схему функционирования которого мы предлагали выше, планирующий свою деятельность поставщик *любого* вида товаров, в том числе идей или услуг, может лишь со все возрастающей степенью точности вероятностно прогнозировать ожидаемый спрос, встречное предложение, поведение своих конкурентов и потребителей, а также изоциренно навязывать последним интерес к приобретению именно его товаров *в ряду других предложений*. Волеизъявление же как отдельного потребителя, так и — в конечном счете — совокупности таковых

реализуется *статистически* — во всей массе *покупок — отказов*, определяющих выигрыш или проигрыш поставщика.

Этот достаточно противоречивый, хотя и простой механизм не совершенен:

1) он грозит катастрофой не предусмотревшему рыночную ситуацию поставщику;

2) он невыгоден потребителю, не достигающему санкционированного рынком уровня платежеспособности;

3) он лишен какой бы то ни было нравственной избирательности и безразлично удовлетворяет самые вредные и аморальные запросы покупателя.

Но катастрофы 1 и 2 носят локальный характер и имеют ряд профессиональных и социальных противовесов, а порок 3, очень опасный, не исключает борьбы за цивилизацию спроса, соответствующую нашим критериям добра и зла.

Поставщики, не отвечающие рыночному критерию, либо перестраиваются, либо уступают свое место поставщикам, более угодным данному рынку. При этом они как правило не умирают, а подвергаются какой-то социальной переквалификации.

Неплатежеспособный потребитель в последовательно демократических обстоятельствах вступает в борьбу за повышение своей платежеспособности. На его стороне при этом оказывается и стремление конкурирующих поставщиков к завоеванию рынка путем снижения цен, и стремление конкурирующих политических союзов и партий к завоеванию его голоса путем удовлетворения его запросов и интересов.

Наиболее трудной задачей здесь оказывается *цивилизация спроса*, ибо в условиях свободного рынка

общество и потребитель в состоянии заказать и получить практически любой товар, вплоть до смертельно для него опасных.

Рынки не производят этического, нравственного отбора потребностей, не оценивают их с каких бы то ни было футурологических позиций. Для рынка существуют два основных критерия: критерий прибыли, т. е. платежеспособного спроса, и критерий технической осуществимости потребительского заказа или сулящего прибыль замысла. Ассортимент предлагаемых рынком товаров не имеет морально-этической и экологической шкалы их ценности, ибо механизм конкурентного рынка так же свободен от каких бы то ни было представлений о нравственности или безнравственности, как всякая другая машина. Понятия гуманности, морали, этики, целесообразности, спорные для самих людей, в этот стихийно ими созданный механизм не вмонтированы. Он с одинаковой готовностью снабжает общество научно-техническими идеями, порнографией, морально-этическими концепциями, фильмами ужасов, шедеврами искусства, противозаконными услугами вплоть до убийств, хлебом и алкоголем, молоком и наркотиками, социальными исследованиями и аппаратурой подслушивания, евангелиями и оружием и т. п., обходя при наличии платежеспособного спроса и технической выполнимости все законодательные и полицейские тупики и ограничения. Более того: при достаточном единодушии избирателей (потребителей политико-идеологических услуг), политический конкурентный рынок обеспечивает им даже... диктатуру, т. е. свою собственную смерть. Так было, например, в Германии 1933 года, когда Гитлер и его партия пришли к власти посредством демократических выборов. Но, вероятно, никто не станет предъявлять претензии типографской

машине из-за того, что на ней печатают не только хорошие, но и плохие книги. Типографская машина безотказно размножит, например, приказ о запрещении книгопечатания, об уничтожении всех печатных машин. Еще глупее, чем осуждать машину за печатание дурных или вредных, по-нашему, книг, было бы отказаться от ее, машины, услуг и вернуться к гусиным перьям, которыми были написаны некоторые хорошие книги.

Перед обществом, обладающим столь эффективным механизмом удовлетворения своих потребностей, как конкурентный демократический рынок, стоит не задача уничтожения этого механизма из-за его моральной неизбирательности, а гораздо более сложная задача — *цивилизация собственного спроса, т. е. своих собственных качеств.*

Именно здесь, в этой точке развития обществ, по-настоящему свободных, с особой наглядностью проявляется тот факт, что моральные заповеди и призывы непрактичных идеалистов к нравственному самосовершенствованию содержат в себе фундаментальнейшее условие выживания самого свободного и богатого общества и его достойного существования.

Демократия — это очень трудный строй. Ее стабильность и истинность, ее полноценность суть производные от ее способности балансировать между тоталитарными приемами, превращающими демократию в фикцию, в диктатуру, и непотворением монополистским тенденциям, тоже отдающим ее во власть диктатора-победителя (внешнего или внутреннего).

В условиях демократии судьбоносным становится наш нравственный выбор: от него зависит, выживем ли мы или нет и как мы выживем. Но демократия — это

шанс выжить и жить *достойно*, а социализм — это утрата какой бы то ни было надежды на выживание.

Попытка всеобъемлюще планировать экономику парадоксально приводит к ее анархизации, хаотизации. В то же время предоставление приоритета конкурентному рынку позволяет демократическому государству централизованно осуществлять руководство ограниченным количеством чрезвычайно важных общенациональных процессов, экологических и хозяйственных, не насилуя и не разрушая рыночных отношений.

Вас. Селюнин еще в 1988 году писал в упомянутом выше сборнике "Перестройка: гласность — демократия — социализм. Иного не дано":

"В идее, в потенции социализм действительно более подходящ для централизованного управления экономикой, а оно совершенно необходимо, тут и вопроса нет. Но централизм удобнее обеспечить не тотальным директивным планированием, а иначе — косвенными, по преимуществу экономическими приемами. Их широко используют в мире. Один пример, из которого многое будет ясно.

Япония первая среди развитых держав приблизилась к экологической катастрофе. Это ведь одна из самых перенаселенных стран, стремительно растущая экономика буквально сживала людей со свету. Дошло до того, что в больших городах полицейские стояли на перекрестках в кислородных масках, случались массовые отравления отходами производства. Сегодня, как утверждают и наши туристы, ничего такого нет. Так что же, население вдруг сговорилось и стало беречь среду обитания? Нет, тут государство взяло дело в свои руки. Допустил предприниматель вредные выбросы — уплатит такие деньги, за которые найдутся охотники

убирать за ним грязь. Государство ввело жесткие стандарты на выхлопы из автомобилей и объявило: через пять лет эти нормы вступят в действие. Автостроительным корпорациям, хочешь-не хочешь, пришлось перейти на выпуск машин, отвечающих таким стандартам. Знакомый журналист, побывавший недавно в Японии, рассказывает: наш "москвич" там и квартала не проехал бы...

Это и есть централизм управления на деле. А мы все директивы пишем, планы составляем, как спасти Байкал и Ладогу.

В любом случае, хоть у нас, хоть у них, государство является распорядителем огромных средств, полученных в виде налогов или иных поступлений. Манипулируя ими, удастся направлять развитие экономики в желательную сторону. Можно на определенный срок уменьшить и даже отменить налоги в казну с предприятий, исполняющих те программы, которые государство поддерживает. Можно давать им более дешевый кредит. Не исключены безвозвратные дотации. Да мало ли приемов централизованного регулирования? Благодаря им в США, Японии, Западной Европе в управлении хозяйством больше реального централизма, чем у нас. При формальной диктатуре плана отечественная экономика развивается в сущности анархично. Напомним, что последней исполненной пятилеткой была восьмая, все последующие оказались неудачными, причем степень невыполнения планов нарастала вплоть до двенадцатой пятилетки. Фактически мы потеряли контроль над событиями.

Не так давно наделала шуму небольшая статья Л. Попковой "Где пироги пышнее?", напечатанная в

журнале "Новый мир"* . Автор доказывает, что план и рынок несовместимы, надо выбирать либо то, либо другое (нельзя, мол, быть немножко беременной). Может, и несовместимы, но суть-то дела не в том. Как мне представляется, вопрос поставлен некорректно, автор сам себя загоняет в угол, предлагая выбор между планом и рынком. В действительности альтернатива иная: совместимо ли централизованное управление экономикой с рыночными регуляторами? Тогда ответ очевиден: весь мировой опыт учит, что эти вещи превосходно совмещаются и наибольших успехов достигают те экономики, где найдена верная мера этого совмещения, где применены способы, обеспечивающие реальный централизм".

Мне представляется, что Л. Попкова (Пияшева) в подтексте упомянутой статьи и в тексте ряда других работ о мере соотношения плана и рынка и говорит. С другой стороны, В. Селюнин в данной статье четко это соотношение не определяет. Суть последнего, чтобы не стать для экономики самоубийственной, должна заключаться в следующем: ни предприниматели, планирующие свою деятельность, ни государство, централизованно осуществляющее некие общехозяйственные акции, не посягают на самодействующий механизм конкурентных рынков. Государство лишь чисто экономически корректирует некоторые аспекты деятельности этого механизма. При этом демократический, то есть тоже конкурентно-плюралистический, характер самого государства позволяет обществу держать последнее под своим контролем. Не угодившее большинству избирателей

* См. "Новый мир", М., 1987, № 5, с. 239-241.

руководство будет отвергнуто на очередных выборах, а в случаях экстремальных и раньше. И, не ломая ни одной работоспособной структуры, не хаотизируя правовой, хозяйственной, политической ситуации, его сменит руководство с более импонирующей большинству программой. Меньшинства тоже продолжают действовать: кто — в парламентской коалиции или оппозиции, кто — вне стен парламента, в жизни общества и media.

Итак: план и рынок плодотворно сосуществуют только тогда, когда план не ломает и не подменяет конкурентно-демократических механизмов рынка.

Заключение

С идеями социализма и коммунизма (марксизма — в частности) изначально связана мысль о том, что научно-технический прогресс будет облегчать и упрощать плановое, сознательное управление обществом и его хозяйством как единым целым. Однако в том случае, когда речь идет об управлении централизованном и о хозяйстве огосударствленном, этот постулат переходит в полную собственную противоположность. Чем сложнее и тоньше методологии и технологии, чем глубже врезаются, вклиниваются человек и общество в природную среду своего обитания, тем с бóльшим количеством многоаспектных и судьбоносных факторов они неизбежно сталкиваются. Способ организации, который не справляется со сравнительно примитивным хозяйством постколониальных африканских держав, тем более не способен справиться с проблематикой высокотехнологической экономики да еще таких гигантских масштабов, с таким разбросом специфических условий и национальных ментальностей, как СССР. Катастрофы и экологическое вырождение, буквально преследующие Советский Союз на протяжении последних лет, не мистичны и не случайны: с одной стороны, срабатывает эффект ослабления информационного гнета, связанный с "гласностью" (мы более информированы о происходящем, чем до 1985 года), с другой, — ускоряется эффект накопления "шумов", то есть несообразностей и просчетов, predeterminedенных порочным принципом организации и управления при неизбежном усложнении подходов и технологий. На какой-то стадии этот саморазгон нелепостей должен был стать критическим. При неизменном в принципе ходе событий он станет (если уже не стал) роковым.

В главах I и II этой работы представлен апокалиптический ураган катастроф, дальше которого идти уже, казалось бы, некуда. Но свидетельства распада продолжают множиться. Уфимская катастрофа с выбросами огромных количеств фенола и диоксина (яда страшной токсичности и стойкости). Усть-Каменогорская авария с мощным выбросом ядовитого газа, поразившего, по советским данным, более ста тысяч человек. Смертоносные вирусы и грибки-мутанты в ташкентском метро. Крысиное нашествие на Москву и Подмоскovie при устрашающих, аномальных размерах множества особей. Массовые протесты норвежского населения по западную сторону советско-норвежской границы из-за систематического отравления атмосферы сернистым газом (местность по советскую сторону границы превратилась в заселенную полупустыню, жители которой поражены, начиная с утробного развития своего, множеством тяжелых болезней). Такая же ситуация и под Норильском. Между тем, сернистый газ может быть использован для производства серной кислоты, на которую всегда есть спрос. И, наконец, ближайшая по времени и самая вопиющая по своей противоестественности грандиозная "пьеса абсурда": гигантский, словно бы для последнего испытания посланный, урожай 1990 года и зерновых, и садово-огородных культур, и бахчевых во всей стране превратился в очередное стихийное бедствие. Щедрейшие дары земли запахиваются в землю, гниют под ливнями, рассыпаны вдоль железных дорог, а прилавки магазинов и зимние овощехранилища пусты. Зерно и неубранный хлеб мокнут под дождем; из морских портов не на чем вывозить импортное зерно, закупки которого примерно равновелики загубленной доле отечественного урожая. А ведь если бы в 1989 году не

были бесшабашно и невежественно разогнаны все торгово-посреднические кооперативы, то урожай был бы, в основном, вывезен своевременно и хранилища для него нашлись бы. Так что и здесь стихийное бедствие оказывается вполне рукотворным.

Сплошь и рядом читаем и слышим: "они" перестроятся, ибо у "них" другого выхода нет. Другого спасения, действительно, нет, но ведь можно и не спастись, вот что пугает. Кроме парадоксов системных, СССР отягощен противоречиями межнациональными, импульсами имперскими и центробежными и невероятным разномыслием народов, слоев и групп, поразительным для общества, от которого восьмой десяток лет добиваются кровавыми средствами тотального единомыслия. Потеряв более ста миллионов рожденных и нерожденных жизней, общество это, которое мировая традиция клеймит "рабским", единогласию так и не обучилось. По-видимому, людей легче уничтожить физически, чем надежно унифицировать. Те в этом обществе, кто еще держит в руках скрипучие рычаги убывающей власти, не хотят взглянуть правде в глаза и цепляются за фразеологические фикции, пытаются сохранить свое положение и то, что им представляется порядком, а на деле является ускоряющимся распадом. Те, кто более или менее трезво оценивают реальность и видят выход, хотя бы в общих чертах, лишены рычагов власти и влияния на человеческие массивы, обладающие колоссальной и разнохарактерной инерцией. Надежных практических шагов из этого столпотворения к тому, что могло бы явиться выходом, зрячие слепым навязать не могут. А те, кто по сей день представляют себе власть имущими и, действительно, все еще властны уродовать, насиловать и разрушать, зажимают глаза, когда им на этот выход указывают: они чувствуют и на примере Вос-

точной Европы видят, что там, впереди, за этим выходом, ни их полномочиям, ни их привилегиям места нет.

Итак, социализм за почти три четверти столетия превратил живой, способный к самосовершенствованию хозяйственный *организм* в очень плохой, обреченный на дурную, бессмысленную, уничтожительную и, в конечном счете, самоуничтожительную работу *механизм*. Остановить механизм нельзя, ибо нечем его в ту же минуту и подменить. Современное индустриальное общество с его всесторонне взаимосвязанными жизнеобеспечивающими процессами и мощной преступностью, лишась хотя бы только электроэнергии и транспорта, одичает за считанные часы. Короткий нью-йоркский прецедент со внезапной аварией всей электросети и с моментальным остервенением уголовной стихии в парализованном городе еще памятен миллионам людей. Но — останавливай или не останавливай, а социалистический хозяйственный механизм рано или поздно начинает непоправимо и неуправляемо стопорить сам собой, даже без всякого злонамеренного вмешательства. Неизбежность этого самоторможения, для многих все еще ошеломительно-неожиданного, была предсказана в терминах целого ряда наук: экономики, математики, биологии, кибернетики, т. е. теории управления "большими системами" разного рода и происхождения. Именно так (и это еще не апогей распада) выглядит в жизни сухой доктринальный вывод: "большая система" с бесконечным количеством динамичных элементов, подсистем и связей не может эффективно управляться посредством предписанных извне ("сверху") правил. Такая система сохраняет себя живой и действующей только в том случае, если свободно самоорганизуется внутри себя посредством

бесчисленных прямых и обратных связей (с приоритетом обратных). Еще Адам Смит говорил о "невидимой руке", наводящей порядок в кажущемся хаосе свободных конкурентно-демократических рынков. XX век принес новую терминологию (вместо образности "невидимой руки" — абстрактность "обратной связи"), но он не принес новых законов природы. Выкладки современных оппонентов социализма на фоне патетической декламации его апологетов, особенно ранних, воспринимаются неспециалистами как безжизненная схоластика, тем более, что голоса мыслителей заглушаются уже Ниагарой обвала. Но посягательство Утопии на законы Жизни оборачивается именно той *экономической катастрофой*, которая разрушает всё: и хозяйственные структуры, и коммуникации, и энергоресурсы, и технологию, и культуру, и нравственность, и среду человеческого обитания, и самую *жизнь*. Воссоздать в этом тотальном распаде живые плодоносящие структуры — успеют ли те, кто очнулись? Есть ли еще у этой задачи положительное решение?

Продуктивное реформирование того, что сегодня еще называется СССР, не может быть, даже при самом счастливом развороте событий, быстрым и безболезненным — лекарством немедленного действия без тяжелых побочных явлений. В самом лучшем случае, если реформы будут и правильно задуманы, и хорошо разработаны, если никто не сохранит полномочий и силы им помешать, они потребуют времени, стабильных общественных обстоятельств, огромных финансовых и материальных вложений, терпения, причем плоды их созреют не скоро.

Распад же экономики и вырождение среды, противостоящие реформам, нарастают самопроизвольно и ускоряются без приложения к этому процессу допол-

нительной энергии и сознательно-целенаправленных усилий. Гигантский маховик набирает ускорение; и теперь колоссальные усилия и затраты требуются, чтобы замедлить, а затем остановить его всесокрушающее движение. Первый процесс (реформы) направлен против стремительного нарастания энтропии в обществе и в среде его обитания. Уже по одной своей принципиальной направленности (от более вероятного состояния сложной системы к менее вероятному ее состоянию) созидательная реформация – неизмеримо более энергоемкий процесс, чем разрушение и распад, протекающие в соответствии со вторым законом термодинамики. "Ломать – не строить: ума не надо", – говорит старая русская пословица. "Перестройка" без перестройки и неудержимо набравшая силу гласность, пусть и ограниченная, сыграли такую же роль в судьбе Системы, как сперва погружение управляющих стержней в реактор, а затем их выведение из него в чернобыльском эксперименте. Система угрожающе быстро пришла в крайне неустойчивое состояние. В отличие от четвертого энергоблока ЧАЭС им. Ленина, социалистический монстр был обречен на структурно предопределенное вырождение и распад и без подобных манипуляций, но необязательно на столь бурные и быстрые. Гниение могло продолжаться еще годы. "Перестройка" и "гласность" ошеломительно ускорили процессы распада. Если, образно говоря, в данный момент перекрыть пар, как это было сделано на ЧАЭС, Система пойдет в разнос, как реактор четвертого энергоблока, но не за секунды (слишком массивна), а за месяцы. Или еще быстрее: при столь неустойчивых состояниях даже слабые воздействия на системы с огромной свободной энергией могут вызвать грандиознейшие последствия.

К этому объективному соотношению добавляется

бешеное, не на жизнь, а на смерть, сопротивление реформам со стороны тех сил, которые представляют собой специфическую кадровую субстанцию Системы - субстанцию, для которой в нормальном обществе места нет. Ее репрессивно-уничтожительная атака против реформаторов может оказаться молниеносной: она, как и стихийный распад, не требует особых затрат и слишком уж сложных приготовлений и может развернуться еще быстрее распада. Аппарат репрессий, подавления, слежки и уничтожения цел. Он пребывает в распоряжении охранителей Системы. Конечно, и охранители, организуя переворот, идут на риск — не столько военного поражения, сколько гибели в месиве того же распада, о котором сказано выше и который реакция не остановит, а сделает окончательно необратимым. Но ведь бездействие, непротивление несут охранителям верное выпадение из игры и утрату всех привилегий, особенно соблазнительных в обществе нищем и полуголодном.

Трехглавая иерархия власти (партаппарат — КГБ — генералитет армии) с ее прихлебателями, эта плоть Системы, долгие годы существовала соответственно принципу "после нас хоть потоп", справедливо полагая, что на ее век хватит всего ей необходимого. Отчетливо замаячивший перед ней конец веселия и довольства всё настоятельней толкает ее к злобному, как скрежет зубовой, блатному принципу "умри ты сегодня, а я завтра". Об этом "завтра" она просто не думает. Разве что — "авось пронесет".

Но Жизнь как таковая и человеческая история — в частности искони пребывают в постоянной тяжбе с изобретательностью нечистой силы. Будем надеяться, что исход этой тяжбы не предрешен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	5
<i>I. Критическая ситуация или агония?</i>	11
1. Как живут советские люди	13
2. О тех, кто равнее	40
3. Зато по науке!..	48
<i>II. Имена Ленина</i>	73
Введение	75
1. Радиация не имеет границ	81
2. Что же взорвалось в реакторе?	88
3. О тех, кто знал...	94
4. Альфа, бета, гамма - миллионы и миллионы кюри...	100
5. Смертоносное облако	105
6. Ликвидация последствий и последствия ликвидации	107
7. Ваше заболевание не связано с облучением	111
8. Ложь во погибель и невысказанное недомыслие	120
9. Можно ли было предотвратить катастрофу?	130
10. Чернобыль везде?	134
<i>III. Почему это так</i>	139
<i>IV. Альтернатива</i>	165
Заключение	183